

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

В номере:

- * Прикладная этика в обществе риска**
 - * На пути к просвещению ...**
- * Преподавание профессиональной этики:
теоретический контекст**
- * Опыт преподавания прикладной этики
в Белорусском госуниверситете**
 - * Университетская этика,
исследовательский протокол**

Выпуск шестидесятый

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тюменский индустриальный университет»

Научно-исследовательский институт прикладной этики

ВЕДОМОСТИ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ

№ 2 (60)

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Тюмень
ТИУ
2022

Перспективы прикладной этики в меняющемся мире. Ведомости прикладной этики. 2022. № 2 (60) / Под ред. В. И. Бакштановского. – Тюмень: НИИ ПЭ, ТИУ. – 174 с. – Текст: непосредственный.

ISSN 2307-518X (Печатная версия)

ISSN 2413-0451 (Online)

Очередной выпуск журнала «Ведомости прикладной этики» посвящен теме «Перспективы прикладной этики в меняющемся мире». Как прикладная этика справляется с современными вызовами? Успевает ли она за скоростью перемен? Носит ли она сегодня преимущественно нормативный, проектно-ориентированный или консультативный характер? Авторы выпуска обсуждают перспективы развития прикладной этики в контексте идейно-мировоззренческой динамики цивилизации; инновационную прикладную этику, требующую преодоления личностного волюнтаризма и отчуждения индивида от морального выбора при регулировании проблем, связанных с «большими рисками» постиндустриального общества; теоретический контекст профессионально-этического образования; перспективы разработки образовательных программ по направлению «прикладная этика»; необходимость этических экспертиз порождаемых сетевыми коммуникациями конфликтов различных смысловых картин мира.

Главный редактор: *В. И. Бакштановский* (Научно-исследовательский институт прикладной этики, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Р.Г. Апресян (Институт философии РАН, Москва, Россия)

А.А. Гусейнов (Институт философии РАН, Москва, Россия)

Е.В. Беляева (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь)

М. В. Богданова – ответственный секретарь (Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия)

Ю.В. Казаков (Общественная коллегия по жалобам на прессу, Москва, Россия)

И.М. Ковенский (Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия)

А.В. Прокофьев (Институт философии РАН, Москва, Россия)

А.Ю. Согомонов (Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия)

Г.Л. Тульчинский (НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, Санкт-Петербург, Россия)

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский индустриальный университет»

Выходит два раза в год

16+

ISSN 2307-518X (Печатная версия)

ISSN 2413-0451 (Online)

© Научно-исследовательский

институт прикладной этики, 2022

© Федеральное государственное бюд-

жетное образовательное

учреждение высшего образования

«Тюменский индустриальный

университет», 2022

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Industrial University of Tyumen»
Applied Ethics Research Institute

**SEMESTRIAL PAPERS
OF APPLIED ETHICS**

No. 2 (60)

**PERSPECTIVES FOR APPLIED ETHICS IN A
CHANGING WORLD**

Tyumen
IUT
2022

СОДЕРЖАНИЕ

Прикладная этика: вчера, сегодня, завтра... (Предисловие редактора)	6
--	---

Теоретический поиск

<i>А.А. Сычев</i> Прикладная этика в обществе риска	10
<i>А.Ю. Согомонов</i> На пути к просвещению (прикладная этика занимает нишу классической социально-нравственной философии)	26
<i>А.В. Прокофьев</i> Преподавание профессиональной этики: теоретический контекст и личный опыт	42
<i>А.А. Скворцов</i> Прикладная этика: перспективы конструирования образовательных программ	64
<i>Е.В. Беляева</i> Опыт преподавания прикладной этики в Белорусском государственном университете	73
<i>Г.Л. Тульчинский</i> Цифровизация коммуникации и прикладная этика: ценностная регуляция, ответственность и парресия	80
<i>В.Ю. Перов, В.В. Головков</i> Прикладная этика: «цифровое» переосмысление	91
<i>Ю.В. Казаков</i> «Не совсем письмо, не совсем на деревню, не совсем дедушке»: Владимиру Иосифовичу Бакштановскому – не юбилейное	103

Рубрика академика А.А. Гусейнова

Бакштановский как мой другой	126
------------------------------------	-----

***Миссия университета:
гуманитарное консультирование стратегии развития***

<i>М.В.Богданова</i> Университетская этика, исследовательский протокол и интеграция университета	133
<i>Выпуски журнала «Ведомости прикладной этики» 1995 – 2022 гг.</i>	144
<i>Summary</i>	165
<i>Авторы выпуска</i>	171
<i>List of authors</i>	172
<i>О журнале</i>	173

Прикладная этика: вчера, сегодня, завтра...

Предисловие редактора

Выпуск журнала организован вокруг темы «*Перспективы прикладной этики в меняющемся мире*». На ее формулировку повлияли две круглые даты: 60-й выпуск журнала и 80-летний юбилей его редактора.

60-й выпуск – не в полной мере юбилейный, однако он дает повод ретроспективно осмыслить становление и развитие журнала и, одновременно, инновационной парадигмы прикладной этики. У издаваемого более четверти века Тюменским индустриальным университетом первого отечественного журнала по прикладной этике сложилась своя уникальная формула, отвечающая его цели (дисциплинарное закрепление и развитие этико-прикладного знания в его инновационной парадигме), и задачам (поддерживание публичного пространства профессиональной рефлексии о природе прикладной этики, современных тенденциях развития, адресуемых вызовах). Каждый из его выпусков представляет собой исследовательский проект, содержащий теоретический поиск заявленной центральной темы; практико-ориентированные материалы, в том числе гуманитарную экспертизу «приложения» этико-прикладного знания к новым ситуациям, разрешение которых не поддается накопленному опыту; рефлексию институционализации прикладной этики как научной и учебной дисциплины.

Первые выпуски журнала демонстрируют преимущественно опыт «работы» этико-прикладного знания, в том числе как гуманитарной экспертизы и консультирования новых ценностных конфликтов, ситуаций морального выбора в связи с вызовами глобального и локального характера, адресованными социальным институтам. На страницах журнала была представлена этическая экспертиза соотнесения ценностей профессионализма с задачами модернизации в масштабах российского общества; этических и культурологических проблем феномена успеха в его общецивилизационной версии и применительно к отечественной ситуации; современных проблем этики воспитания; этики профессий. Инициированный НИИ ПЭ проект «Новая ответственность университета: от использования шансов к их производству» был развернут на страницах журнала и как система гуманитарных экспертиз современной идеи университета в ее глобальном и региональном измерениях, и как «анализ случая» – выделение и обоснование ценностных ориентиров самоопределения для конкретного университета.

Опыт проектно-ориентированной работы прикладной этики в ее инновационной парадигме репрезентирован в специальных выпусках журнала. Он представляет, во-первых, этапы работы над миссией университета: концептуализацию идеи миссии, ее меритократическую и демократическую экспертизу, путь коллектива конкретного университета к определению своей миссии. Во-вторых, концептуальное обоснование и гуманитарное проектирование этического кодекса университета: консультирование его модельных параметров, исследование этики базовых профессий научно-образовательной деятельности университета и этических ориентиров его профилирующих специальностей подготовки; вовлечение экспертного потенциала коллектива университета в работу над содержательными аспектами этического кодекса; экспертизу специалистами в сфере этики, социологии, менеджмента мотивов его создания, прогнозирования вероятных последствий создания и внедрения кодекса и такого элемента этической инфраструктуры, как этическая комиссия.

В выпусках журнала были также представлены – в формате центральных тем – и исследовательские проекты НИИ ПЭ, сосредоточенные на вопросах институционализации прикладной этики в русскоязычном пространстве. В связи с исчерпанностью дискурса о праве прикладной этики на существование на страницах журнала была инициирована дискуссия о практическом потенциале развиваемых в этот период направлений прикладной этики, практичности самого ее феномена и социальной ответственности этико-прикладных исследований. Особое внимание уделялось экспертизе и консультированию оформляющихся в академическом этическом дискурсе парадигм прикладной этики, характеристикам их модельных описаний, самоидентификации с ними, практикуемым ноу-хау. В том числе особенностям становления и развития инновационной парадигмы прикладной этики от авторского проекта к институциональному знанию. Парадигмы, в которой моральный выбор квалифицируется как *modus vivendi* прикладной этики.

Вопросы институционализации прикладной этики в качестве учебной дисциплины, а затем и специальности «прикладная этика» на страницах журнала рассматривались с точки зрения необходимости соединения инновационного сценария развития этико-прикладного знания с соответствующими инновациями в этико-прикладном образовании, а также в предложенной авторам журнала проектной рефлексии на тему «Если бы кафедру прикладной этики создавал я...» – как имеющим опыт методологических, технологических разработок и чтения университетских курсов, так и ориентированным на эту деятельность в перспективе. В нескольких выпусках журнала

рефлексируются концептуальные подходы к разработке и преподаванию прикладной этики в ее инновационной парадигме, представленные в материалах учебного пособия В.И. Бакштановского «Прикладная этика: инновационный курс для магистрантов и профессоров».

Специальные выпуски журнала, посвященные миссии прикладной этики в динамичном мире, ретроспективному и перспективному пути прикладной этики в отечественных условиях, проблематизировали востребованность в современном обществе проектно-ориентированной, экспертно-консультативной, просветительской функций прикладной этики. При этом особое внимание уделялось тенденции банализации этических категорий в публичном дискурсе.

Таким образом, благодаря проектно-ориентированному характеру журнала, его авторам удалось поставить и проработать актуальные проблемы становления и развития этико-прикладного знания. Может показаться, что для сегодняшнего дня этот опыт является скорее лишь достоянием истории; в то же время временной континуум создания каждого выпуска журнала актуализировал и перспективу прикладной этики за текущими потребностями конкретной ситуации – когда ценности в условиях изменяющегося общества не гарантируют сами себя.

Как элемент системы научной коммуникации в сфере этико-прикладного знания журнал активно развивался и в качестве публичной площадки рефлексии актуальных проблем этики университетской, журналистской, воспитания, этики профессора, этики успеха.

Несмотря на локальный характер издания, география авторов журнала разнообразна. Определенно можно сказать, что его авторский корпус образуют ведущие отечественные исследователи, что делает журнал публичной площадкой этической рефлексии как в сфере возникающих этических проблем в практической жизни общества, так и актуальных теоретико-методологических аспектов развития прикладной этики.

В начале восьмидесятих годов XX в., когда в отечественном научном дискурсе оформлялось направление Инновационная парадигма прикладной этики¹, исследовательское внимание было сосредоточено на наиболее острых ситуациях морального выбора, воз-

¹ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Прикладная этика // Этика: Энциклопедический словарь / Под общ. ред. Р.Г. Апресяна, А.А.Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. С. 389-391.

никших в отечественной моральной практике в связи с изменениями в стране, в мире в целом, на потребности и возможности описания Ойкумены прикладной этики.

Сегодня в обществе тотального риска изменения являются атрибутом жизни человека как на глобальном, так и на локальном уровнях. И потому тема о перспективах прикладной этики вновь побуждает обратиться к осмыслению ряда вопросов.

Становится ли актуальной – и в перспективе – обсуждавшаяся на страницах журнала «Ведомости прикладной этики» идея развития прикладной этики как множественности ее парадигм²?

Как обращение сегодня к парадигмам прикладной этики (их конкретизация, уточнение) способно профилактировать риски инструментализации прикладной этики, а также – поскольку за каждой из позиций-парадигм стоят определенные основания, претендующие на монопольное положение в определении ее предмета и назначения, – по возможности точно идентифицировать их теоретико-методологическую, предметную интерпретационную, экспертную направленность в ойкумене прикладной этики?

Как прикладная этика справляется с современными вызовами? Успевает ли она за скоростью перемен? Носит ли она сегодня нормативный характер, проектно-ориентированный или по преимуществу консультативный? В чем особенность этико-прикладной экспертизы и этико-прикладного консультирования сегодня? Может ли и будет ли аргумент, сформулированный прикладной этикой, определяющим в принятии решений в меняющемся мире? Или по-прежнему аргументы экономической, политической, социальной целесообразности будут отодвигать этико-прикладные аргументы на задний план?

Несомненным достижением в развитии прикладной этики является ее формирование как образовательной дисциплины. Пока она развивается преимущественно в качестве узкоспециализированной дисциплины и, в основном, в магистерских программах.

Сегодня особенно актуальным является вопрос: *как преподавать прикладную этику, что преподавать?* Может и должен ли в изменяющихся условиях курс прикладной этики быть общеобязательным?

² См.: Парадигмы прикладной этики. Ведомости. Вып. 35, специальный / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2009; Миссия прикладной этики: актуальные вызовы. Ведомости прикладной этики. Вып. 45 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2014.

А.А. Сычев

УДК 17.03

Прикладная этика в обществе риска

Аннотация. В статье рассмотрены различные варианты этического регулирования проблем, связанных с рисками. Описаны особенности рисков, характерных для традиционного и индустриального обществ, и базовые варианты реагирования на них: этика выживания и этика успеха. В постиндустриальном обществе индивидуальные действия способны привести к максимально негативным последствиям для всего человечества. В этих условиях необходима выработка новых вариантов нормативного реагирования на риски, отличающихся глобальностью и высокой степенью неопределенности. Поиск и обоснование таких вариантов является одной из задач современной этики. Проанализированы подходы к рискам, предложенные в основных этических программах: этике добродетели, утилитаризме, деонтологии. Показано, что они были соразмерны рискам традиционного и индустриального общества, однако в условиях «больших рисков» сталкиваются с серьезными проблемами. Для их разрешения необходима новая этическая теория, которая активно формируется в пространстве прикладной этики. Среди различных ее парадигм две крайние позиции занимают образы этики, сводящие решение вопросов либо к особенностям этической инфраструктуры организации, либо к акту свободного волеизъявления личности. Однако ни этика личного выбора, ни организационная этика не способны эффективно справиться с рисками современного общества. Инновационная прикладная этика требует преодоления как личностного волюнтаризма, так и отчуждения индивида от морального выбора. Ориентирами такой этики, как представляется, являются принцип минимизации риска в духе приоритаризма и внедрение «фронестических технологий», где, с одной стороны, происходит обсуждение теоретических норм и их конкретизация применительно к локальным особенностям, а с другой – в ходе практической реализации этих технологий очерчиваются контуры теории прикладной этики. Тенденции развития прикладной этики позволяют говорить о том, что инновационная парадигма, разрабатываемая тюменской этической школой, обладает высоким потенциалом для выработки нормативных решений по преодолению «больших рисков» современности.

Ключевые слова: прикладная этика, риск, общество риска, глобальность, неопределенность, выживание, успех, ответственность, Другой, фронезис.

Риск в самом первом приближении может быть определен как «возможная опасность, угроза, вероятность неблагоприятного или неожиданного (в т.ч. положительного) результата действий или развития событий» [15, 537]. В этой дефиниции подчеркиваются две ба-

зовых характеристики, присутствующие в большинстве определений риска: нежелательность последствий и отсутствие определенности по поводу их наступления. В таком широком понимании риск – постоянный фон, на котором разыгрывается вся жизнь человечества с момента его возникновения. Подходы к риску, однако, в разные периоды времени отличались друг от друга.

Томас Гоббс, пытаясь реконструировать естественное состояние, пришел к выводу, что жизнь человека в то время изначально была «одиноким, бедным, беспросветным, тупым и кратковременным» [17, 87], а наиболее сильным чувством, определявшим его поведение, был страх перед неизвестностью и насильственной смертью. То, что сегодня воспринимается как экстремальные ситуации – засухи, морозы, наводнения, неурожай, эпидемии, войны – когда-то было неизбежной обыденностью. В таких условиях почти вся деятельность человека была направлена на самосохранение в неблагоприятных ситуациях.

На протяжении всей предистории человечества вырабатывались и закреплялись в культуре наиболее эффективные механизмы противостояния рискам и минимизации их последствий. Собственно, саму традицию можно понимать как отображение этих механизмов в ритуалах, мифах, языке, способах деятельности и т.д. Основной ценностью для традиции является выживание коллектива, ради которого можно было пожертвовать любыми другими ценностями, включая жизнь индивида. Фактически следование традиции предполагало движение по такому пути, который был опробован многими поколениями и уже в силу давности доказал свою безопасность и действенность. По этой причине традиция была обращена в прошлое, канонизируя и постоянно воспроизводя один и тот же образ жизни. Любое отступление от привычных действий несло в себе элементы риска и потому инновации жестко пресекались, даже если они потенциально сулили какие-то выгоды – например, рост благосостояния. «Докапиталистическое общество было в определенной степени организовано на идее минимального дохода – организовано так, чтобы минимизировать риск, которому подвергались его члены из-за отсталых технологий и капризов природы. Традиционные формы зависимости, взаимности, а также механизмы перераспределения могут быть рассмотрены именно с этой перспективы» [23, 9].

Традиционная культура пыталась пресечь саму возможность радикальных изменений, запретив индивиду принимать самостоятельные решения, выходящие за рамки коллективно одобренных предписаний. Человек не мог самостоятельно выбирать будущее, то есть идти на риск. Поэтому в языке традиционного общества отсут-

ствовало понятие риска, а опасности воспринимались, скорее, как проявления фатума, судьбы, которые наступают независимо от желаний человека. Отсюда основные требования *этики выживания*: держаться традиций, избегать крайностей, помогать ближним в их бедах, приспосабливаться к неблагоприятным условиям, сохранять верность своим ценностям под любыми ударами судьбы и т.д. Различные аспекты и варианты этой этики были осмыслены в конфуцианстве, этике добродетелей Аристотеля, стоицизме, христианской философии морали и т.д.

По мере развития технологий и углубления знаний об окружающем мире, человечество научилось обуздывать природные риски, управлять ими или, по крайней мере, минимизировать их последствия. При этом качество жизни человечества в целом улучшалось: стало появляться все больше сообществ, члены которых были гарантированно обеспечены набором минимально необходимых для жизни благ, или даже обладали избытком ресурсов, которыми можно было распоряжаться по своему усмотрению. В случае выигрыша (например, если средства вкладывались в прибыльное начинание), их можно было значительно приумножить, а проигрыш уже не мог поставить сообщество на грань выживания.

Будущее дает шанс тем, кто готов рискнуть: успех в индустриальном обществе способствует не тому, кто пассивно переносит удары судьбы, а тому, кто сам выстраивает свою судьбу, принимая самостоятельные решения. Человек не способен достичь благосостояния «если у него нет развитой достигательной мотивации, воли к успеху, готовности рисковать в предпринимаемом деле» [7, 128].

Индустриальное общество развернулось от прошлого к будущему, и сам риск все чаще начинал восприниматься обществом как конструктивное явление: Для общества Модерна это была «динамичная мобилизующая сила в обществе, стремящемся к переменам, желающем самостоятельно определять свое будущее, а не оставлять его во власти религии/традиций или капризов природы» [12, 40].

Таким образом, в индустриальном обществе этика выживания сменилась *этикой успеха*, в которой ценностным ориентиром стала не минимизация потерь, а максимизация прибылей. При этом общество перешло от неприятия риска к его поддержке, «побуждая и даже провоцируя на рискованный поиск новых достижений, выхода на новые рубежи (цивилизация не просто самообеспечения, а развития, технической экспансии, «покорения» природы)» [9, 265]. Элементы этики выживания продолжили воспроизводиться лишь в особо неблагоприятных условиях (в крайней нищете, изоляции) или же воз-

рождались во время экстремальных ситуаций (войн, эпидемий, голода и т.д.).

В традиционном обществе несанкционированное действие воспринималось как морально неприемлемое, поскольку оно могло поставить под угрозу существование всего сообщества. Эта угроза в индустриальном обществе ослабевала по мере того, как риск приобретал все более индивидуализированные последствия. Мореплаватель, открывая новые земли, рискует своей жизнью; предприниматель, чтобы получить дополнительную прибыль, рискует своими деньгами и т.д. Если действия рискующего и ставят под угрозу жизнь или материальное благополучие зависимых людей, то, как правило, это те люди, которые добровольно согласились участвовать в предприятии, вполне осознавая его риски – команда корабля, акционеры и т.д. В этом индивидуализированном контексте риск получает моральное оправдание и становится важным элементом этики успеха. Различные аспекты достижения успеха и роли риска в этом процессе были теоретически обоснованы в философии утилитаризма и прагматизма, в протестантской этике.

Индустриальное общество пыталось минимизировать природные риски при помощи науки и технологий, однако, в то же время, его развитие породило новые антропогенные и смешанные (антропогенно-природные) риски. В современном обществе промышленное развитие и рост потребления привели к глобализации этих рисков. Ульрих Бек утверждает, что новые риски характеризуются «глобальностью своей угрозы (человеку, растительному и животному миру) и современными причинами своего возникновения. Они в общем и целом продукт передовых промышленных технологий и с их дальнейшим совершенствованием будут постоянно усиливаться» [13, 24]. Кроме того, если раньше последствия действия в большей мере касались самого деятеля, то сегодня решения, принимаемые по ряду вопросов (особенно военно-политических и экологических) влияют на судьбы все большего количества людей (как в пространственном, так и во временном плане), а в перспективе вполне способны поставить под угрозу существование всего человечества.

Другая тенденция связана с ростом неопределенности по поводу результатов действий. В индустриальном обществе круг лиц, затрагиваемых поступком, был ограничен, положительные и отрицательные последствия поступков были, в целом, ясны, и вопрос, в основном, стоял о степени вероятности успеха или неудачи. Сегодня же единичное действие может оказать влияние на все человечество, включая будущие поколения, а результаты и побочные эффекты действий в ряде сфер могут быть совершенно непредсказуемыми.

В области так называемых NBIC-технологий возможности человечества сейчас значительно превосходят уровень знаний о последствиях их применения. Специалистам неизвестно, какие последствия наступят, когда они наступят и наступят ли вообще. При этом существуют опасения, что некоторые из возможных последствий могут оказаться катастрофическими. Примерами подобных потенциально опасных действий, совершаемых в современном мире, можно назвать редактирование генома человека, введение в культуру трансгенных растений, опыты с высокопатогенными вирусами, развитие технологий искусственного интеллекта и т.д. В этих условиях все более заметную роль начинает играть принцип предосторожности, согласно которому даже отсутствие научной определенности может стать основанием для отказа от деятельности, если ее возможные последствия являются морально неприемлемыми.

Если для аграрного общества основной ценностью было выживание, а для индустриального – успех, то постиндустриальное общество вновь оказывается перед проблемой выживания, но уже не отдельного сообщества, а всего человечества в целом. Однако в отличие от традиционной культуры у современности не существует выработанных на протяжении жизни многих поколений, проверенных временем и зафиксированных в мифах, обычаях, моральных нормах предписаний, нацеленных на борьбу с рисками. На доисторическом этапе такие предписания, по-видимому, возникали путем естественного отбора: те общины, которые не знали или не исполняли их, вымирали, деградировали либо перенимали чужие нормы. Сегодня риску подвергаются не отдельные общины, а глобализированное общество в целом, соответственно эволюционный путь проб и ошибок при выработке норм для него неприменим. Ошибка при попытке дать правильный ответ на вызовы природы ранее могла привести к гибели общины, ценой ошибки современного общества при ответе на антропогенные риски может стать гибель всего человечества.

Решения в условиях «больших рисков» требуют учитывать все релевантные проблеме факты и ценности. В ситуации, когда будущее не определено, а научные знания и новые технологии не только не помогают справиться с рисками, но сами становятся их причиной, особое значение приобретает мораль. Этика, как минимум, должна предложить человечеству базовые моральные ориентиры реакции на риски. Однако и здесь согласия по поводу этих ориентиров не наблюдается, а значит сегодня любой «акт моральной оценки несет в себе элемент риска» [2, 90].

Фактически современная этика представляет собой поле борьбы конкурирующих программ – этики добродетели, утилитаризма,

деонтологии и т.д. Различные подходы в этике акцентируют разные аспекты, связанные с риском. Утилитаризм рассматривает, прежде всего, последствия действия, деонтология – нормы, определяющие его, этика добродетели – характер человека, принимающего решения о риске.

Этика добродетели (в своем классическом виде восходящая к учению Аристотеля) была исторически первой нормативной программой, способной предложить моральные основания оценки риска. В фокусе этики добродетели – характер, который раскрывается в поступках и вырабатывается в процессе активного социального взаимодействия. Человек на своем примере или примерах других видит, какие поступки и качества осуждаются, а какие – вознаграждаются окружающими, а также какие моральные качества (добродетели и пороки) необходимы для совершения таких поступков. Характер человека определяется набором его добродетелей и пороков. Аристотель писал, что «добродетель есть сознательно избираемый склад [души], состоящий в обладании серединой по отношению к нам, причем определенной таким суждением, каким определит ее рассудительный человек. Серединой обладают между двумя [видами] порочности, один из которых – от избытка, другой – от недостатка» [1, 87].

Человек принимает решения, учитывая традицию (положительную или отрицательную реакцию общества на подобные решения других), опираясь на рассудительность (практическую мудрость, обусловленную конкретикой ситуации) и избегая крайностей (квалифицируемых как пороки). Чем более морально развитым является характер, тем рассудительнее и ответственнее поступает человек, тем адекватнее будет реакция на риск.

Для традиционного общества риски, как правило, связаны с объективными природными опасностями, на которые человек повлиять не способен. Однако он способен так или иначе смягчить последствия этих природных рисков для себя и для тех, за кого он отвечает (скажем, учитывая возможность сильных морозов, заранее озаботиться тем, чтобы запастись достаточное количество топлива). В каждом конкретном случае он должен принимать практические решения, учитывая характер риска и конкретные локальные условия. При этом разумнее всего будет ориентироваться на избегание крайностей (в случае с заморозками, крайностью будет и отказ от того, чтобы запастись топливом, и стремление запастись его как можно больше в ущерб иным, более важным для выживания запасам).

Конкретная реакция этики добродетелей на риски зависит от ситуации, однако можно выявить определенные закономерности, проявляющиеся в разных реакциях. Так, правильнее будет не риско-

вать, если опасность грозит не тому, кто принимает решение; нужно соотносить угрозу с теми выгодами, которые может принести риск; следует воздерживаться от риска с серьезными последствиями, даже если вероятность их наступления невелика и т.д. [20]. В целом, вырисовывается общая тенденция к минимизации всех возможных рисков.

Этика добродетели, опираясь на традиции и здравый смысл, задает ценностные ориентиры для реагирования на природные опасности, характерные для доиндустриального общества. Однако она не в состоянии адекватно соотносить угрозы и выгоды индустриального общества. Нормы этики добродетели не предполагают экономического развития, не совместимы с капитализмом, промышленной и научно-технической революциями. Не применима эта программа к современным «большим рискам», по крайней мере, до тех пор, пока не появится единой традиции, внутри которой мог бы сформироваться целостный добродетельный характер.

Для условий индустриального общества самой адекватной системой норм представляется этика *утилитаризма*. «Эта моральная теория предлагает наиболее хорошо разработанные стратегии борьбы с риском. Хотя проблемы риска и неопределенности мало обсуждались в философском утилитаризме, другие дисциплины, такие как анализ риска и анализ риска и выгод, разработали подходы к риску, которые имеют отчетливо утилитаристскую структуру» [21, 23].

Утилитаризм оценивает последствия действий, сравнивая выгоды и затраты, выбирая те варианты, которые ведут к максимизации блага наибольшего количества лиц. Иными словами, моральные расчеты в утилитаризме совершаются по аналогии с экономическими расчетами. Собственно, само понятие риска в утилитаризме является производным от идеи экономического риска: первоначально оно «стало употребляться в банковском деле и инвестиционных операциях, обозначая анализ возможных последствий того или иного решения о вложении капиталов для кредиторов и заемщиков. Затем оно расширилось, охватывая теперь целый ряд ситуаций, связанных с неопределенностью» [16, 39-40].

Соответственно, лучше всего утилитаризм работает с теми рисками, которые можно хорошо просчитать и сравнить (как, например, в экономике и теории игр). Утилитарная этическая теория описывает множество ситуаций (таких как «дилемма вагонетки»), где точно известно, какие количественные потери и приобретения ожидаются при том или ином варианте действий. Однако очевидно, что подобного рода подсчеты являются намеренным упрощением проблем реальной жизни. Человеческие жизни, интересы будущих поко-

лений, материальные выгоды и т.д. сложно конвертировать в сопоставимые единицы и сравнить. Тем более сложно (скорее, даже невозможно) производить такие подсчеты в сложном и неоднозначном мире современности, когда нельзя даже представить, какими окажутся последствия наших действий.

Фактически для наиболее серьезных моральных проблем современного мира реальные последствия будут известны только после того, как они наступят. Не существует подходящих аналогий, например, чтобы уверенно судить, что будет более правильным: выращивание генетически модифицированных растений или отказ от них. Но и после того, как последствия наступят, их нельзя будет сравнить с последствиями альтернативного решения (как, например, нельзя сравнивать сто талеров в кармане и сто талеров в уме), поскольку реализация одного варианта действий автоматически обозначает, что второй вариант реализован уже никогда не будет. Наконец, даже если последствия будут приемлемыми, это не докажет правильность решения (если зима оказалась теплая и человек без топлива не замерз, это не значит, что его решение не запасаться топливом было правильным).

Другое возражение связано с тем, что утилитаризм с его количественным подходом не видит качественной разницы между максимизацией прибылей и минимизацией рисков: в этом контексте сделать счастливого человека счастливее равноценно тому, чтобы избавить кого-то от несчастья [22]. Однако первое, в отличие от второго, не рассматривается как моральный долг. Для разрешения глобальных проблем современности эта разница (например, между увеличением потребления населения и преодолением экологического кризиса) является решающей. Кроме того, утилитаризм, в отличие от этики добродетелей, не проводит различий между людьми, рассматривая их как взаимозаменяемых индивидов. Так, утилитаризм допускает возможность пожертвовать меньшинством ради благополучия большинства. В этом контексте применение анализа рисков и выгод приводит к решениям, порождающим неравенство в распределении рисков. Возможным вариантом ответа может стать движение в сторону приоритарианизма, но и оно радикально не решает проблемы, если не изменится общая логика утилитарных расчетов [21, 28].

Третья фундаментальная программа современной философии морали – *деонтология* – предполагает необходимость соблюдения долга, выраженного в определенных правилах (требованиях или запретах). Однако при оценке рисков деонтологическая этика сталкивается с серьезными препятствиями. Например, фундаментальной моральной нормой можно считать необходимость сохранения чело-

веческой жизни. В ситуации эпидемии у невакцинированного человека больше шансов умереть от болезни, поэтому запрет на вакцинацию можно рассматривать как нарушение этого требования. С другой стороны, вакцина может иметь побочные эффекты, в том числе летальный исход. Выбор правильного варианта действия предполагает сравнение того, какова вероятность смерти от болезни и от вакцинации, какие другие последствия могут за ними последовать, насколько сравнимы эти последствия по тяжести и т.д. В итоге деонтология, если она не желает капитулировать перед вопросами риска, превращается в вариант утилитаризма, а значит сталкивается со всеми теми же сложностями, что и утилитаризм.

В целом в ситуациях, связанных с риском, все три основные моральные программы: деонтология, утилитаризм и этика добродетелей демонстрируют как определенные достоинства, так и недостатки. При этом этика добродетелей демонстрирует свои лучшие возможности в ситуациях с природными рисками, которых нельзя избежать, но можно смягчить их последствия. Утилитаризм же является наиболее адекватной теорией для оценки рукотворных рисков индустриального мира, прежде всего в экономике. Однако ни одна из классических теорий не способна успешно справиться с глобальными рисками современного постиндустриального мира: экологическим кризисом, применением технологий генной инженерии, вызовами пандемии и т.д. Для разрешения обремененных «большими рисками» проблем современной жизни очевидно – необходима новая этическая теория, которая сумела бы совместить специальное научное знание с нравственными ценностями и нормами.

Новая теория с конца XX века активно формируется в пространстве прикладной этики: там, где мораль сталкивается с новыми вызовами в сферах медицины, биологии, экономики, высоких технологий и т.д. Однако, несмотря на ряд инновационных идей и оригинальных концепций, прикладная этика до сих пор не представляет собой цельной системы знаний и ценностей, задающих четкие ориентиры для деятельности в обществе риска, а является проблемным и во многом недостаточно отрефлексированным пространством исследований и практик. В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов отмечают, что «"большой скачок" в сфере прикладной этики весьма рискован по своим последствиям: его участники чаще всего не придают должного значения основаниям идентификации современных образов "практической философии" как этики прикладной, "обходятся" без методологического анализа множественности сформировавшихся парадигм "прикладной этики"» [12, 9]. В частности, отсутствие единства в понимании прикладной этики приводит к нарушению баланса

между специальным и этико-философским знанием: прикладная этика сводится либо к техническим регламентам, либо к общим спекулятивным рассуждениям. Другой проблемой является попытка сэкономить усилия и разыграть «инерционный» сценарий, при котором старая этика, качественно не изменяясь, лишь «прилагается», «приспосабливается» к новым условиям. Однако риски современности настолько радикально отличаются от угроз прошлого, что старый этический инструментарий нельзя приспособить к ним без качественных трансформаций. Новые вызовы требуют инновационных ответов: то, что не является революционным, не обладает достаточным потенциалом для управления «большими рисками».

Современная прикладная этика, переживающая этап пролиферации теорий, выступает в виде множества несовместимых парадигм [4, 207]. Среди них две крайние позиции занимают образы прикладной этики, сводящие решение связанных с рисками проблем либо к особенностям этической инфраструктуры организации, либо к акту свободного выбора личности.

В *организационной* этике вопросы разрешаются на уровне специально уполномоченных менеджеров и экспертов с позиции стандартизированных норм и принципов, а разветвленная этическая инфраструктура организации (этические кодексы, комитеты, офицеры, контролеры) призвана обеспечить неукоснительность исполнения каждым сотрудником предписанных правил и регламентов. Ниёле Васильевне пишет: «Эта парадигма меняет подход к ряду традиционных решений моральных проблем: переносит львиную долю ответственности от индивида на организацию...; меняет отношение к героизму и героям, которые нужны, когда проблемы не решаются должным образом на системном уровне, а оставлены на риск, на “авось пронесет”, на самопожертвование субъектов деятельности; отказывается от этического обоснования “свободы выбора” в случаях существования общепринятых стандартов, норм и принципов. Только это может гарантировать овладение риском хотя бы в определенных рамках, уничтожая угрозы, исходящие от волюнтаризма некоторых персон» [14, 106].

Организационную этику можно считать в некоторой степени реинкарнацией домодерного коллективизма, определявшего поведение индивида, с той разницей, что на место коллектива здесь ставится организация. Этическая инфраструктура организации, определявшей поступки индивида, при этом становится своеобразным современным аналогом архаичной традиции. Соответственно, «естественные» системы норм и ценностей, которые ранее вырабатывались эволюционным путем, здесь заменяются искусственно сконструированными

ми нормативными актами – этическими кодексами, стандартами ответственности организации, международными декларациями и т.д.

Впрочем, при таком подходе остается вопрос о том, кто и как должен задавать базовые моральные ориентиры для выстраивания этической инфраструктуры. В обществе нет согласия в том, следует ли минимизировать риски, ускорять экономическое, научное и техническое развитие, или же искать какой-то устойчивый баланс между осторожностью и развитием. Соответственно, вряд ли можно говорить о единой, устраивающей всех системе моральных ориентиров. Кроме того, подобные ориентиры являются с необходимостью слишком общими и формальными, а значит не учитывающими специфических условий приложения. Мораль ответственности же «нуждается в формировании особого типа индивидуального морального сознания, такого, который принимает нормативные следствия того, что знание о вероятности тех или иных событий не является абсолютным и имеет динамический характер» [19, 13]. Наконец, рискованность организационного подхода связана с небрежением правами индивида, «возможностью отчуждения индивидуального морального выбора и перекладывания ответственности на этику организации» [6, 19].

На другом полюсе находится парадигма этики, ориентированная на *личный выбор*: «Новизна и специфика моральной жизни в форме открытых проблем в том, что здесь нет решения на уровне норм – оно делегируется на индивидуальный уровень» [3, 11]. Личность в этой парадигме в полной мере реализует свои права, не перекладывает свою ответственность на формальные нормы или институты, принимает решение творчески, нешаблонно, с учетом локальной специфики и всех обстоятельств дела. Однако и опасность ошибки в этом случае существенно выше: «Свободный субъект, принимая решение в нестандартных ситуациях выбора, рискует; современное общество характеризуют как “общество риска” и на этом основании» [8, 16].

Если объектом этого риска является только сам индивид, риск можно назвать морально оправданным, а в некоторых обстоятельствах – даже благотворным. Однако если под угрозой оказывается большое количество людей, тем более все человечество, то очевидно, что такие решения не могут быть результатом сугубо личного выбора, не учитывающего мнения других.

Другой причиной того, почему вопросы, связанные с рисками, нельзя делегировать на индивидуальный уровень, является комплексность и многоуровневость современной деятельности. Нередко моральная ответственность настолько сильно расплывлена, рассредоточена среди огромного количества действующих лиц, что индивид

не чувствует вину за последствия своих действий. Возможно, в таких случаях основными субъектами ответственности должны выступать организация, корпорация, государство и т.д.

В целом, нельзя не признать, что ни этика личного выбора, ни организационная этика при всех их важности сами по себе не способны эффективно справиться с рисками современного общества. Инновационная прикладная этика требует механизмов преодоления как личностного волюнтаризма, так и отчуждения индивида от самостоятельного морального выбора.

Как представляется, важным отличием прикладной этики от предшествующих этических теорий является ориентация деятельности индивида не столько на большинство (как в доиндустриальном обществе) или на себя самого (как в индустриальном), сколько на конкретного Другого. В диалогизме Эммануэля Левинаса этика как таковая выводится из незащищенности лица Другого: «Эпифания абсолютно Другого – это лицо, им Другой окликает меня и, в своей обнаженности и нужде, объявляет мне свое повеление. Само его присутствие требовательно взывает к ответу. А Я не просто осознает необходимость ответить, как то было бы в случае частного обязательства, долга, о котором следовало бы принять решение. Оно в самом своем положении есть насквозь ответственность» [18, 171]. В этом смысле современная этика риска есть этика ответственности, а потребность помочь Другому в его несчастье признается приоритетнее удовлетворения любых желаний «Я» и «Мы» максимизировать свое удовольствие.

Собственно, прикладная этика возникает в ситуации «после Освенцима», «после Нюрнберга», как реакция на страдания Других, как попытка защитить их права от насилия общества, государства, науки. В фокусе современной прикладной этики – наиболее уязвимые и дискриминируемые, больше всего подверженные рискам люди (и не только люди): жители экологически неблагоприятных регионов, смертельно больные и умирающие, потребители опасных для жизни товаров, жертвы пандемий и войн, животные и природа в целом и т.д. Если для традиционной этики выбор – это всегда выбор в пользу коллективного «Мы», которое всегда право, а для индустриальной – в пользу «Я», демонстрирующего свою успешность, то сегодня это выбор в пользу страдающего «Ты», помощь другим в преодолении несчастья вопреки всем коллективным и личным выгодам (тем более, что выгоды эти в обществе риска временны, а потери имеют свойство постепенно распространяться на всех, включая первоначальных бенефициариев).

Другая проблема связана с характером норм. В этике организации моральные нормы даны индивиду в готовом виде: как стандарты, регламенты, кодексы. В индивидуальной этике личность сама принимает решения в ситуации отсутствия единых норм. В.И. Бакштановский предлагает при решении этой проблемы возвратиться к идее Аристотеля о *фронезисе* (рассудительности): «Идея фронезиса – один из гносеологических и социокультурных идеалов этико-прикладного знания, не просто профилирующий риск его технократической интерпретации при освоении достижений проектно-ориентированного знания, но и дающий основание для интерпретации технологий приложения этического знания как этического ноу-хау... Идея фронезиса эвристична не только в процедуре применения нормы к конкретной ситуации, в чем, кстати, весьма успешна модель этики как практической философии, но и в проектировании технологий прикладной этики» [10, 28].

Использование «фронестических технологий» (этических экспертизы, консультирования, моделирования, ситуационного анализа и т.д.), полагает В.И. Бакштановский, позволяет доверить субъекту «риск морального выбора и ответственность за его последствия, решений в ситуации неопределенности, рискованности выбора, противоречивости его последствий при предпочтении любой альтернативы; чаще всего – ситуации нравственного конфликта. Глубина противоречия, масштаб риска, мера ответственности и прочие признаки проблемной ситуации морального выбора требуют особой компетентности и, соответственно, такой технологии выбора из альтернативных вариантов, как экспертиза» [11, 66]. Здесь субъект не пользуется готовым знанием и не принимает решение, руководствуясь только собственными желаниями, а в диалоге с экспертами (этиками и специалистами в соответствующей области) пытается найти наилучшее применительно к конкретной ситуации решение конкретной проблемы. Такую же функцию выполняет и этическое консультирование – форма деятельности, которая не транслирует готовое знание о нормах, а сама способствует выработке норм с учетом этого знания. В ходе такого диалога формальные нормы приспособляются к специфике ситуаций, а субъект фактически занимается моральным нормотворчеством, пытаясь понять, как можно лучше всего выразить «дух» нормы (иногда даже вопреки ее «букве»). Обе ипостаси этики – теоретическая и практическая – в этой деятельности переплетаются, образуя специфический двойственный образ прикладной этики.

Особое место в ряду «фронестических технологий», занимает этическое моделирование. Одной из форм которого является дело-

вая этико-прикладная игра, методология которой в рамках развития проектного, диагностического и прогностического подходов разработана и отработана на практике тюменской этической школой. Игра в этом ее понимании позволяет за короткое время «пережить» различные варианты морального выбора, в условном виде реализовать многие модели деятельности и прогнозы, нереализуемые в реальной жизни. Условность игры должна защитить ее участников «от последствий того риска, на который они идут при том или ином выборе модели. Именно риска, ибо игра – социальное изобретение для освоения нового, для приобретения опыта, в котором нет учителей, это социально-технологическая лаборатория, в которой «исследователь» и «объект» – в одном лице, это – эксперимент на самих себе» [5, 177]. Игра – это одновременно и фронестическая технология прогнозирования будущего и способ получения особых этических знаний-умений, способствующих активному индивидуальному нормотворчеству.

Сам факт обращения к аристотелевскому фронезису свидетельствует о том, что для того, чтобы справиться с рисками, современная этика может плодотворно использовать модели, выработанные на ранних этапах развития общества. Действительно, цели традиционной этики и постиндустриальной похожи – та и другая ориентированы не на успех, а на выживание. Однако между ними существуют и важные различия. Доиндустриальная этика располагала всеобъемлющей системой норм, выработанных многими поколениями предшественников. Постиндустриальная этика вынуждена такую систему конструировать с учетом возможных новых угроз существованию всего человечества: с этой точки зрения она, в отличие от традиционной модели – обращена в будущее и инновационна.

Применительно к объекту ответственности эта инновационность проявляется в смещении фокуса ответственности с коллектива и личности на конкретного Другого. Хотя теоретически объектом заботы в условиях «больших рисков» является все человечество, основное внимание все же уделяется наиболее уязвимым Другим: тем, кто первыми оказываются под ударами глобальных угроз. В судьбах жертв войн, экологических проблем, эпидемий и т.д. проявляется будущее всего человечества. Если ничего не предпринимать, вероятность такого глобального будущего будет повышаться с каждым годом. Основным ориентиром для ответственности здесь является принцип минимизации риска (в духе, близком к приоритарианизму).

В отношении субъекта ответственности прикладная этика пытается объединить организационные моральные стандарты с индивидуальным выбором при помощи внедрения «фронестических технологий» – этико-прикладных игр, консультирования, экспертизы, ко-

митетов, где, с одной стороны, происходит обсуждение теоретических норм и их конкретизация применительно к локальным особенностям, а с другой – в ходе практической реализации этих технологий очерчиваются контуры теории прикладной этики. Возможно, из этих теорий постепенно сформируется «новая традиция», которая, в свою очередь, будет задавать ценностно-нормативные основания для морального воспитания.

В целом, инновационная парадигма, предложенная тюменской этической школой, демонстрирует взвешенный подход к морали, позволяющий совместить самые важные элементы социально-управленческой этики и этики индивидуального морального выбора, этической теории и моральных практик. При этом, сохраняя свою идентичность, она остается открытой для диалога с другими, в том числе альтернативными точками зрения на прикладную этику. Тенденции развития прикладной этики позволяют говорить о том, что инновационная парадигма обладает высоким потенциалом для выработки нормативных решений по преодолению «больших рисков» современности.

Список литературы

1. *Аристотель*. Соч. в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
2. *Бакштановский В.И.* Журналист как субъект морального выбора // *Оправдание морали*. М., Тюмень: НИИ ПЭ, 2000. С. 73–92.
3. *Бакштановский В.И.* Парадигмы прикладной этики: экспертиза ситуации в этико-прикладном знании и приглашение к рефлексивному самоопределению (программа экспертного опроса) // *Ведомости прикладной этики*. № 35. 2009. С. 7–16.
4. *Бакштановский В.И.* Прикладная этика для магистрантов и профессоров: концептуальный замысел инновационного курса // *Ведомости прикладной этики*. № 38. 2011. С. 201–256.
5. *Бакштановский В.И.* Прикладная этика: инновационный курс для магистр(ант)ов и профессоров. Ч.2. Тюмень: НИИ ПЭ, 2012. 268 с.
6. *Бакштановский В.И.* Современная прикладная этика: экстенсивная модернизация «практической философии» и/или инновационная парадигма? // *Практична філософія*. 2010. № 2 (36). С. 14–24.
7. *Бакштановский В.И.* Этика успеха: от идейно-нравственной доктрины – к проектно-ориентированной конкретизации в ценностях высоких профессий // *Этическая мысль*. 2016. Т. 16. № 2. С. 123–141.
8. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Гражданское общество: этика публичных арен. Тюмень: НИИ ПЭ, 2004. 268 с.

9. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Успех // Ведомости прикладной этики. № 26. 2005. С. 254-275.
10. *Бакштановский В. И., Согомонов Ю.В.* Прикладная этика: лаборатория ноу-хау. Том 1. Испытание выбором: игровое моделирование как ноу-хау инновационной парадигмы прикладной этики. Тюмень: ТюмГНГУ, 2009. 292 с.
11. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Прикладная этика: рефлексивная биография направления. Тюмень: ТюмГНГУ, 2007. 196 с.
12. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Этика профессии: миссия, кодекс, поступок. Тюмень: НИИ ПЭ, 2005. 378 с.
13. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
14. *Васильевне Н.* Экологическая этика как фактор управления риском // Экологический вестник. 2007. № 3. С. 105–110.
15. *Гаеврилов К.А., Красавина Л.Н.* Риск // Большая российская энциклопедия. Том 28. М.: БРЭ, 2015. 566 с.
16. *Гидденс Э.* Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь Мир, 2004. 120 с.
17. *Гоббс Т.* Левиафан. М.: Мысль, 2001. 478 с.
18. *Левинас Э.* Время и другой. Гуманизм другого человека. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. 264 с.
19. *Прокофьев А.В.* Мораль, вероятность и риск // Философский журнал. 2019. Т. 12. № 2. С. 5–19.
20. *Athanassoulis N., Ross A.* A virtue ethical account of making decisions about risk // The Journal of Risk Research. 2010. Vol. 13 № 2. P. 217–230.
21. *Hansson S.* The Ethics of Risk. Ethical Analysis in an Uncertain World. NY.: Palgrave Macmillan, 2013. 172 p.
22. *Kotarbiński T.* Utylitaryzm a etyka litości // Kotarbiński T. Wybór pism. Warszawa: PWN, 1957. Т. 1. S. 178–185.
23. *Scott J.* The Moral Economy of the Peasant. Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Haven: Yale University Press, 1976. 246 p.

УДК 174

**На пути к просвещению
(прикладная этика занимает нишу
классической социально-нравственной философии)**

Аннотация. Условия постсовременного мира меняют научный статус и общественную миссию прикладной этики, трансформируя ее в самостоятельную академическую дисциплину. Теперь развитие ее не столько связано с философской этикой как таковой, сколько с идейно-мировоззренческой динамикой всей цивилизации. И новое просвещение отныне исходит в большей степени именно от практической этики, чем от социальной философии. В этом обновленном качестве она выступает в роли нового глобального «просветителя», источника обновленных культурных смыслов и ценностей. Главный вызов, который формулирует она для высшего образования, заключается в том, каким образом прикладная этика будет включена в университетские программы и как будет выстроена ее дидактика. Пока мы не имеем четких ответов на эти вопросы, и поскольку каждый вуз будет, видимо, принимать ответственное решение автономно, вся система национального гуманитарного образования может приобрести асимметричный и асинхронный характер. Однако несмотря на эти риски другого выбора история нам, похоже, не оставляет.

Ключевые слова: прикладная этика, философская этика, практическая этика, новое просвещение

*Легче встретить невинных, чем раскаивающихся.
Амвросий Медиоланский (IV век)*

В академической среде бытует мнение о том, что в самом словосочетании «прикладная этика» (applied ethics) заложено указание на ее соподчинительный характер. Будто бы существует «большая» фундаментальная этика, задающая базовые и универсальные смыслы, и «малые» прикладные, идущие вслед и адаптирующие её к конкретным социальным контекстам и разным жизненным ситуациям людей (социально-нормативные подсистемы). Первое лексическое впечатление, как обычно и бывает, поверхностное и некорректное. Более того, мне представляется, что это еще и большое заблуждение, которое, к сожалению, поддерживается мнением многих весьма авторитетных представителей современной философской науки.

На самом же деле, начиная с последней трети прошлого века, то есть чуть ли не с момента своего зарождения, прикладная этика

обладала статусом абсолютно независимой гуманитарной эпистемологии и вполне автономной мировоззренческой доксы. Она, безусловно, не разрывала прямые связи с классической этикой, но уже при своем изначальном дисциплинарном формировании выходила из-под аксиологического «диктата» большой этической теории. Сегодня это отчетливо видно и по сменившимся объектам в прикладных исследованиях, и бесконечному потоку публикаций на всевозможные практические темы, а также по вхождению специалистов «прикладников» в разные организации и структуры, по все большему включению этико-прикладной (гуманитарной) экспертизы в процессы принятия общественных, политических и, конечно же, бизнес-решений.

Глобальный мир на удивление многих скептиков в гораздо большей степени полагается на оценки и заключения прикладной этики, чем на все известные в мировой истории этические теории вместе взятые. Нашими поступками и помыслами отныне управляют не столько высокие метафизические идеи, сколько политическая, хозяйственная, экологическая, профессиональная, цифровая и другие ветви прикладной этики. Этика добродетели Аристотеля или категорический императив Канта сохраняются в архивах мировой моральной памяти, но, скорее, как чистые и потому вполне далекие от повседневной реальности метафизические идеи.

Это утверждение кому-то покажется спорным или даже кощунственным, но обстоятельства жизни и логика поведения миллиардов людей сегодня такова, что, очевидно, они мотивированы больше конкретно-локальным этико-прикладным консультированием, нежели высокими духовно-нравственными помыслами, классическими идеологическими лозунгами или, тем более, жестким моральным ригоризмом фихтеанского типа.

Меняется жизненная ситуация, социокультурный контекст, меняются ролевые идентичности людей. И как бы по щелчку – изменяются их социально-философские точки отсчета и жизненные принципы. Биографический проект человека в силу этого становится более сложным и предельно гибким, требующим постоянной рефлексии и тонкой настройки индивидуально-этического инструментария.

Сегодня нет, по сути, никаких готовых нравственных решений «старого» образца, однако разветвленная сеть прикладных этик готова предложить нам моральную оптику, хорошо отлаженную для использования буквально во всех микросоциальных процессах. В свою очередь наш современник, будучи хорошо информированным и высокообразованным, по сравнению со всеми прошлыми поколениями людей, совершает свой каждодневный *выбор в пользу морали* по принципиально обновленной схеме: он *двигаем не столько прагма-*

тическими, сколько прикладными идейно-мировоззренческими соображениями, в очевидной рациональности которых усомнились бы многие этические авторитеты прошлого. В бизнесе ориентация на выгоду сменяется установкой на устойчивость, даже если она и не приносит никаких прибылей. В мировой политике принцип «нет войне!» обретает качество морального табу и вряд ли может быть опровергнут самой искушенной теорией справедливых или вынужденных войн. В общественных отношениях сквозь призму т.н. «новой этики» пересматривается все наследие стандартных практик и культурных образцов социального взаимодействия. Феминитивами пополняется наш публичный язык, и они перестают коробить глаз и слух, гражданское начало доминирует во всех главных сферах деятельности человека. Словом, социокультурные перемены идут самым широким фронтом.

Именно в таком *новом* идейно-нравственном ключе человеку видится его переосмысленное жизненное и профессиональное призвание (возможно, и миссия). Мне представляется, что только в этом смысле современная прикладная этика становится *проектно-ориентированной*. То есть буквально: *тактически ориентированной на переменчивый характер всего биографического проекта человека*.

Этим пониманием и такой трактовкой я, разумеется, вынужден отойти от того глубинного значения прикладной этики как «конкретизации морали», которое было заложено В.И. Бакштановским и Ю.В. Согомоновым в понимание «инновационной парадигмы» прикладной этики как «нового знания» (фронестика) [1]. Постараюсь по-подробнее развить свое видение.

Замещение без вытеснения

Ренессансный гуманизм (прежде всего, в интерпретациях Макиавелли и Гвиччардини) приучил нас к мысли о том, что нравственная культура (сфера этического) имеет свой собственный общественный домен и он буквально не пересекается ни с полем политики, ни предпринимательской активностью. В этих двух случаях только критерий эффективности правит бал; нравственное познание идет исключительно от сильной личности и ее моральные оценки навязываются миру. Просветительская философия Просвещения двумя веками позже в определенном смысле демократизировав мораль, попыталась разрешить это сложное противоречие, введя целый ряд уточнений. Главным среди них становится универсализация принципа «общего блага», с помощью которого на протяжении последних двух столетий можно было оправдывать любое проявление социального «зла», если с его помощью эффективнее решались задачи общего целеполагания и значимости. Власть тем самым стала выно-

сить моральные вердикты уже не от самой себя, а от имени нарождавшегося гражданского общества. Апогеем той эволюции стала французская революция, которая по большому счету ввела в европейское «меню» новый политико-этический инструмент – «нравственную гильотину», с помощью которой осуществлялся моральный выбор «патриотов». В итоге всякое приватное начало было принесено в жертву обще-солидарному, которое, собственно, всегда навязывалось революционной властью или какой-то одной группой давления всему обществу. В итоге социальное большинство установило свой нравственный диктат над свободой морального выбора со стороны личности и любых меньшинств, переподчинив себе вдобавок окружающую человека природу и даже его здравый смысл. Все прошлое столетие в той или иной форме апеллировало к «гильотинной» этической верификации этого революционного образца.

Рубеж тысячелетий выносит на повестку дня принципиально иные идеи – гармонию, баланс интересов, целесообразную соразмерность, всеобщую справедливость, отвергая «ущербную» логику допустимого и дискриминационного зла в пользу глобальной эмпатии, подлинного равенства, ненасилия и нового прочтения нравственной любви. Отныне возможным и оправданным с морально-правовой точки зрения становится не то социальное действие человека, которое ничем не табуировано, а что системно встраивается в обновленные цивилизационные приоритеты и ценностные предпочтения.

В итоге мир загоняет себя в еще более узкие нравственные рамки, вынужденно подвергая этической экспертизе весь спектр жизнедеятельности людей. И здесь главное, пожалуй, не только в предметном расширении зон «приложения» (конкретизации) морали, сколько в *изменении самого статуса «сферы этического»*: *из факультативного он превращается в обязательный*. Аргументы об экономической или политической выгоде постепенно уступают дорогу всеобщим нравственным императивам и ее более жесткой атрибуции к оптике практического добра-и-зла. Выбор в пользу морали (совести) побеждает любые материальные предпочтения, а трансгрессия порождает моральную виновность.

Этот цивилизационный транзит особенно хорошо просматривается в глобальной политике «зеленого перехода», соблюдения прав человека и отчасти в сфере гражданского контроля над политическим полем в целом. Здесь «диктат» этико-прикладного взвешивания становится поистине абсолютным и общепризнанным на индивидуальном и групповом уровнях. Да, он нередко приводит к абсурдным, как может показаться человеку старой формации, решениям, но это,

скорее, кажущаяся внешняя абсурдность, порождаемая инерцией устаревшей логики и опорой на отжившие свой «долгий» век ценности и нормы социальной нормальности. А всепобеждающая сегодня «культура отмены» доводит этот глобальный транзит в буквальном смысле до своего смыслового завершения.

Значит ли, что любые этико-прикладные аргументы становятся более весомыми, чем «сухие» расчеты, выверенные рациональным умом или произведенные здравым смыслом? Очевидно, да. По сути, в своей логической связности именно такие аргументы отныне выступают *стержнем всего* социально-философского мировоззрения планетарного гражданства.

Отсюда: *полезно то, что справедливо и строго выверено этически*. Такова актуальная социально-нравственная аксиома глобального человечества. И здесь мы, будто бы, вновь возвращаемся к древнегреческому пониманию соотношения пользы, добра и красоты. Хотя, не совсем буквально. Для нас «выгоды» сегодня измеряются не в приобретенных преимуществах, денежном или каком-то другом материалистическом или символическом эквиваленте, а в последовательном проведении политики этической толерантности и нравственной справедливости.

Рациональная польза сконцентрирована на выборе в пользу морали. То есть буквально так, как мыслил свой «вечный мир» Иммануил Кант.

Преодоление без отрицания

Используя эпитет «новое» в отношении просвещения, я вовсе не стремлюсь к тому, чтобы отнестись к той части академических ученых, которые полагают, что «старое» просвещение, то есть то, чем являлось реальное общественно-интеллектуальное движение в Европе в XVII-XIX вв., исчерпало себя. Причем как по смыслу, так и по целеполаганию. Искренне верить в эту псевдогипотезу вряд ли следует, хотя многие мыслители сегодня прибегают к такому научному рассуждению, вероятно, в целях поиска эффектной метафоры, призванной подчеркнуть не только глубинный динамизм нашей цивилизации, но и историческую завершенность жизненного цикла многих принципов и теорий классического просвещения [2].

Со многими подобными рассуждениями можно было бы и согласиться, однако мне отнюдь не кажется, что в наше время утратила свой *raison d'être* моральная философия эпохи Просвещения, хотя, конечно же, в своей исконно текстовой форме нашему современнику она представляется весьма анахроничной и, возможно поэтому, нуждается в глубокой нарративной переработке в целях радикального «осовременивания» и предъявления ее «старых» фундаменталь-

ных этических постулатов в цивилизационно обновленном (постсовременном) глобально-публичном пространстве. Но может ли подобная лексико-семантическая «модернизация» стать задачей собственно этической теории (точнее, наверное, в данном случае задаться этим же вопросом с использованием множественного числа: этических теорий)? Думаю, что, скорее всего, нет, не может.

Классическая моральная философия была ориентирована на человека раннего модерна и, по существу, моральный выбор делала за него самого, предлагая ему стандартные нравственные правила. Долг, добродетель, симпатия, сочувствие и многое другое предлагались именно как готовые этические «продукты», не требовавшие мужества и личной ответственности. А приверженность к тем или иным этическим принципам «выдавалась» за акт свободного выбора автономного морального субъекта. Пожалуй, и этический универсализм эпохи Просвещения предполагал возможность такой метасистемы, которая эффективно регулировала бы поведение всех людей, как в их планетарной совокупности, так и каждого в отдельности.

Такая этическая методология, возможно, противостояла бы нарождавшемуся в новое время моральному нигилизму и релятивизму, но она и сама могла бы стать «тоталитарной», поскольку выбор в пользу «стандартизированной» морали совершался бы без вдумчивого участия конкретного, живого человека. То есть она не оставляла на усмотрение людей рациональную процедуру *ad hoc* взвешивания метафизических аргументов «за и против», не предполагала полную личную ответственность за свой выбор. Априорное «подчинение», говоря словами Канта, компенсировалось правом и возможностью свободного обсуждения моральных норм и ценностей *posteriori* [3].

Надо признать, что все это вполне устраивало человека раннего Нового времени, придерживавшегося правил и стандартизированных образцов поведения. Рефлексивный субъект нашей постсовременной цивилизации ищет для себя другие пути и, прежде всего, большей автономности и независимости в свободе нравственного суждения и моральной оптации. Прикладная этика на рубеже тысячелетий ставит такой выбор в зависимость от мировоззрения, идейных убеждений и личных предпочтений конкретного человека. В каком-то смысле этическую черту, которую нельзя пересекать, наш современник устанавливает для себя самолично, апеллируя к тому этико-прикладному знанию, которое наработано наукой, гуманитарной экспертизой и обретено опытным путем им самим в ходе реализации своего же биографического проекта. А оттого всякое навязывание «извне» принимается в штыки. Равным образом, люди соглашаются на ту степень погруженности в культуру эмпатии, нравственного со-

чувствия и гражданского вовлечения в общественные дела, которая лично их устраивает, не противоречит жизненной философии, пусть даже порой кажущейся наивной и/или имитационной.

Живой «классик» современной практической этики, Питер Сингер, хоть и отталкивается в своих трудах от философии утилитаризма, мыслит в более широком смысловом пространстве [7]. Он последовательным образом постулирует наступление новой морально-философской эпохи в истории человечества, когда в основании всякого нравственного действия лежат новые идеи. К их числу, к примеру, он относит сохранение планеты Земля, эмансипацию животных, нерелигиозное обоснование морали, долг человека перед будущими поколениями и т.д. Многие его идеи, мягко говоря, плохо усваиваются в мировом общественном сознании, академическая же философия тем более – относит его к числу сомнительных и весьма противоречивых мыслителей. Тем не менее, практическая этика Сингера по своему предметному охвату гораздо шире того, что традиционно относят к сфере прикладной этики, в том числе и в отечественной философской традиции.

Сингер, очевидно, хорошо усвоил нравственный урок Генри Дэвида Торо о долге каждого человека проявлять гражданское неповиновение [5]. Конечно же, речь у него идет не столько о буквальном неповиновении властям на манер Махатмы Ганди или Мартина Лютера Кинга, но о более широком мировоззренческом неповиновении нормам и ценностям «старого» мира, основанным на навязанных нам моральных стереотипах и стандартах. Когда добро и зло трактовались более или менее однозначно, когда этические теории, скорее, настаивали на *объективном характере моральной истины*, лишая человека права на субъективное нравственное суждение и чувствование. Эти стандарты выработывались лучшими умами в партнерстве с властными элитами и транслировались «молчаливому» большинству. Не случайно именно «назидание» (Belehrung, Edification) стало чуть ли не самым востребованным жанром в «публичной» моральной философии эпохи позднего Просвещения. Но оно сохранило свою востребованность и в XX столетии. Достаточно вспомнить, насколько по-менторски и ригористично предложил Маяковский советскому читателю «новую» версию того, что такое хорошо и что такое плохо.

Казалось бы, новые времена лишают сторонников этической объективности весомых доводов «за», однако на деле моральная философия рубежа тысячелетий, напротив, демонстрирует устойчивую интеллектуальную тенденцию защитить как тезис о нравственном прогрессе, так и объективную моральную истину. И в этой связи

вновь следует вспомнить о Питере Сингере [6]. Однако анализ его рациональных аргументов в пользу морали показывает, что практически все они внеэтического порядка. Сингер рассуждает, как принято сейчас говорить, в глобально-нарративном тренде: *мировоззренческие идеи обосновывают моральный выбор человечества* (как и каждого человека в отдельности).

Каким же образом был совершен этот глубинный философский разворот? Мой ответ предельно прост: *благодаря быстрому развитию и широкому распространению этико-прикладного знания*. В актуальном историческом поколении прикладная этика («практическая», по Сингеру) успешно исполняет сложившуюся в эпоху глобализации *миссию нового просвещения*. Цивилизационный прогресс сегодня, кроме всего прочего, выражен хотя бы в том, как быстро сокращается разрыв между публичной риторикой и общественно-политической реальностью. Если абстрагироваться от фанатически настроенных меньшинств и психопатологии отдельных личностей, то апелляция к нравственному чувству в деле преобразования мира на сей раз оказалась более масштабной и эффективной, чем обращение к религиозной догме.

Мировоззренческие основания нового просвещения

Прикладная этика отныне имеет дело, прежде всего, с глобальными *смысловыми туманностями (двусмысленностями)*, которые достались человечеству в наследство от прошлых исторических эпох. Пожалуй, сложнейшей из них является тотальная неясность в гражданском отношении к государственной власти. Более полувека назад Карл Ясперс, сразу же после окончания мировой войны, предостерегал человечество от грубого философского выбора между двумя крайностями - абсолютизацией власти и отрицанием ее значения в совместной жизни современных людей [6]. Первые два десятилетия XXI века, как мне кажется, еще больше обострили эту дилемму. Вовлеченность в процессы, инициированные властью, все чаще переживается многими людьми как «злой рок». Но и неучастие в формировании гражданского уклада жизни также порождает фрустрирующее личное чувство моральной безответственности.

А между тем моральное отношение к власти не вытекает ни из одной религиозной заповеди, равно как и не обосновывается расчетливым умом атеиста. Сегодня оно рождается непосредственно из философии глобальной эмпатии. А она в свою очередь пропитана диффузными идеями и смыслами, сформулированными в разных ветвях прикладной этики – экологической, инженерной, гражданской, биоэтике и т.д. Рациональные аргументы там накапливались десятилетиями, постоянно подвергались гуманитарной экспертизе и неиз-

менно предъявлялись широкой общественности в открытом публичном пространстве.

И сегодня из этих, еще совсем недавно лоскутных аксиологических «островков» актуального знания, соткано мировоззренческое «полотно» антропологического обновления в планетарных масштабах, которое постоянно добавляется, реконструируется и переделывается, подобно савану Пенелопы. Власть в нем десакрализована и все активнее воспринимается людьми сугубо инструментально. Нередко как необходимое зло, которое следует минимизировать, но чаще как значимый общественный институт, который надлежит публичным образом контролировать и, конечно же, регулярно обновлять. Власть, иными словами, растворена силой гражданской этики в общей институциональной матрице постсовременного общества и не представляет собой ничего особенного с моральной точки зрения, а ее представители вынуждены все активнее разделять и придерживаться солидарной философии жизни, служить обновленному общественному целеполаганию и в этом обнаруживать для себя главный источник своей же легитимации.

Увы, этот транзит в мире идет асимметрично и асинхронно, и поэтому далеко не все так просто на ниве этико-прикладного обновления власти и общества, но цивилизационный тренд ясно проявлен, и ему, очевидно, проще придерживаться большинству людей из младших демографических когорт. И если в прежние времена мировоззренческие установки воспроизводились из поколения в поколение, неизменно трансформировались в социально репрезентативные нравственные чувства, то сегодня все идет, скорее наоборот, а именно: *моральное чувство формирует обновленную философию жизни*. Практика, в свою очередь, тестируется на нормы справедливости, честности и открытости.

Познавательные возможности этико-прикладного знания верифицируются отныне буквально на всех чувствительных для актуальной современности общественных зонах соприкосновения целерационального поведения и эмпатического взаимодействия людей. В итоге мы наблюдаем мировой пересмотр: (а) профессиональных стандартов под углом зрения «зеленого перехода»; (б) «культуру отмены»; (в) обновление многих норм и ценностей социальной интеракции; (г) торжество гражданских прав человека над практиками принуждения и «целесообразного» насилия. Во всех этих случаях этико-прикладные ориентиры выступают неоспоримыми критериями, как, к примеру, в отношении к природе и животному миру, доминированию и агрессии, достоинству и свободам личности, а в целом – счастьем сегодняшних и будущих поколений.

При этом прикладная этика отнюдь не претендует на то, чтобы превратиться в новую «железную клетку» (если воспользоваться термином Макса Вебера) всеобщего и строго регламентирования. То есть напроочь отметить все, что не проходит сквозь ее нравственное «сито» и резервировать свое исключительное право выдавать «лицензию» на праведную общественную жизнь. Ее миссия прямо противоположна – сформировать у глобального человечества новые рефлексивные навыки для строительства основ мира устойчивого развития, его поддержания и пролонгирования. А это значит, хотелось бы подчеркнуть вновь: прикладная этика в настоящем столетии выступит в несколько непривычной для себя *роли цивилизационного просветителя, а не повседневного нравственного ментора* в классическом смысле своего рутинного предназначения.

Прикладная этика и университетская докса

Обычно под «просвещением» понимается такое интеллектуальное воздействие на умы людей, которое не носит систематического характера и не институционально по форме. В противном случае оно именуется «образованием». Возможно, такое противопоставление не столь адекватно по сути, сколько просто удобно в публичном различении. Но в таком случае в актуальной парадигме трансляции знаний и научных коммуникаций логично под «просвещением» понимать нечто факультативное и рождающееся исключительно в пространстве свободной мысли и высказывания. Впрочем, такое допущение выглядит весьма спорным.

Мы видим сегодня, сколь быстро происходит стирание строгих границ между формализованным и неформализованным видами дессеминации знаний. И речь отныне идет уже не о традиционных образовательных «продуктах», а скорее о целостном мировоззренческом (принципиально – не идеологическом!) формировании молодого поколения и новых *soft skills* в его мыследеятельности. Старые схемы знаниевой репродукции рушатся, образование становится продолжительным, а то и вовсе «*life-long*», то есть непрерывной активностью, а просветительскую деятельность без преувеличения осуществляют по всему миру без малого миллионы учреждений глобального гражданского общества. Считать это новое просветительское движение чем-то второстепенным и неформальным по меньшей мере некорректно.

Существует красивая легенда о том, что Кант, выступая перед своими студентами, всегда настаивал на понимании слушателями своей дидактики не в плане передачи философских знаний, сколько в *последовательном научении их мыслить* философски и не более того. Отличал ли он просвещение от образования? Безусловно [3].

Но свою педагогическую задачу, скорее, считал синтетической. Подобный вызов стоит сегодня и перед «практической этикой»: *научить мыслить и морально рефлексировать* в буквальном смысле *все человечество*. Но возможно ли это в принципе? Думаю, да, но в относительно долгой перспективе.

Просвещение в XVIII столетии было энциклопедическим по предметному охвату и всегда находилось в тени европейского «любомудрия» (русская калька времени ранней империи для общеупотребительного слова «philosophie»). Когда же во второй половине XX века высшее образование становилось все более узкодисциплинарным, то роль «связующей» дисциплины, как мне кажется, стала постепенно переходить от философии к прикладной этике. В каком-то смысле у нас на глазах она обретает качество практико-ориентированного и «энциклопедического» по охвату теоретического учения, поскольку так или иначе затрагивает все сферы жизненного опыта человека, растворяет в себе выборочные и фрагментарные эпистемы, конструирует поле смыслов цивилизационного транзита. Собственно поэтому, и многократно переиздаваемая «Практическая этика» Сингера была написана им как всеохватывающий компендиум этического опыта постсовременного человека [7]. Иными словами, прикладная этика превращается в «хранительницу ключей» будущей жизни планеты, которая, как модно стало говорить в ковидные времена, «никогда уже не будет прежней».

Разумеется, фундамент этико-прикладного мышления должен закладываться в сознание молодого человека сизмальства, пусть даже и в режиме простого воспроизводства «наивных» нравственных принципов и идей. Но вот лучшим периодом для формирования навыков моральной рефлексии и мышления, наверное, следует считать все же университетские годы. Школяры бакалаврского этапа осваивают базовые основы профессиональных знаний и нуждаются в их социо-гуманитарной «увязке», а в этом им, скорее, поможет практическая этика, чем классическая социальная философия, не умаляя ее роли в научении мышлению. На магистерском этапе молодые люди активно и довольно быстро вступают в фазу практико-ориентированной мыследеятельности и совершенно подготовлены к глубокому восприятию ценностей и норм профессиональной и гражданской этик.

Схема эта не нова, хотя именно сегодня она может обрести свое формально-институциональное обрамление. Речь идет не о «растворенном» моральном знании в разных университетских курсах и дисциплинах, сколько о *выделении прикладной этики в самостоятельный общеобразовательный цикл* (многоступенчатый ву-

зовский модуль), пронизывающий все годы обучения на обоих этапах болонской модели.

И действительно сейчас ведутся активные разработки в сфере университетской политики в этом направлении, а в ходе экспертных дискуссий образуется все больше сторонников глубокой реформы всей университетской доксы. Как правило, они исходят из предположения, что будущее непредсказуемо, и поэтому для человека главным жизненным навыком станет его способность адаптироваться к бесконечной череде перемен, при этом ему надлежит готовиться вдобавок еще и к тому, что придется многократно меняться и самому.

И поскольку, скорее всего, так и будет складываться общий абрис грядущей истории человечества, то готовиться следует к ускоренным и коренным переменам. Но что означает в данном рассуждении необходимость «меняться самому себе»? Смена профессионального призвания или сферы занятий уже мало кого страшат, в конце концов эпоха, когда выбиралась одна профессия на всю жизнь, осталась где-то позади в далеком прошлом. А вот смена ценностей и жизненных принципов выглядит большей сложностью. Возможность «перемены ума» в рамках партикулярного биографического проекта, к тому же и неоднократно на протяжении жизни, как проблема чаще всего остается за скобками экспертных дебатов. Но ведь мы живем в то удивительное время, когда трансидентичность перестала восприниматься чем-то аномальным. И как не пройти «перемену ума» многократно? Пожалуй, это и есть – самый главный вызов, перед которым стоит сегодня человечество, поскольку речь отныне идет не о смене заблуждений на истинное знание, а о переменных в глобальных «картинах мира».

Термином «метанойя» (*metanoia*) в античной традиции именовалось далеко не всякое «переосмысление» («перемена мысли»), вызванное изменением в восприятии явлений или фактов жизни, а лишь то, которое чаще сопровождалось раскаянием, сожалением и покаянием, прекрасно описанным, в частности, Августином Блаженным в его «Исповеди». Не случайно, поэтому, понятие «метанойя» оказалось крепко-накрепко привязанным как к раннехристианской традиции, так и к современным психотерапевтическим практикам.

Именно такая глобальная «перемена ума», породившая мировое раскаяние в отношении природы, была стимулирована экологической этикой в последней четверти прошлого столетия. И она сигнализировала глобальную переменную, которая отразилась как в перерождении экономической политики многих стран, так и в ценностях и образцах повседневного поведения людей. Сознательное сокра-

щение своего углеродного следа и отдельный сбор мусора ныне касаются всех и каждого.

Логично предположить, что и в ближайшем будущем произойдет еще не одна подобная «метанойя», а подготовить человека к таким фундаментальным изменениям, прежде всего внутри себя самого, смог бы особый «моральный компас», сложным тюнингом которого занимаются сегодня многие коллективы академической науки и социально-философской практики. Но, очевидно, что начальную настройку нравственного сознания («моральный компас» молодого человека) в рамках университетского образования сможет осуществить только *университетский модуль по прикладной этике*.

Впрочем, введение обязательной вузовской дидактики практической этики будет сопряжено со многими трудностями. Во-первых, как «нетрадиционная» научная дисциплина она не столько предполагает прямую передачу знаний, сколько вовлечение в нравственно-дидактический дискурс. А это означает, что преподавать ее по старинке, наподобие классическим университетским курсам по истории философской этики, вряд ли удастся. Во-вторых, в ней имманентно заложена высокая скорость обновления, что может привести к рассогласованию в дидактике между разными университетами, а само вузовское образование станет ассиметричным. В-третьих, практическая этика не допускает менторства и нравоучений, в ней нет строгого деления, как в старой этике, на учителей (мастеров) и учеников (школяров). Она, очевидно, предполагает совершенно другой тип дискурсивного соучастия и партнерства. Ей ближе принципиально иное распределение коммуникативно-просветительских ролей и большее внутригрупповое равноправие.

Поэтому не очень понятно пока, кто и каким образом сможет вести весь этот цикл, а главное, как обеспечить его внутриуниверситетскую динамику – от простых и подчас банальных сюжетов и тем – к более сложным, критическим и рефлексивным проблемам. Наконец, очевидно, что образовательные программы в разных вузах даже внутри одной страны будут существенно отличаться, а сам цикл вряд ли «пройдет испытание» на стандартизацию, что, безусловно, приведет к конфликту с существующими управленческими практиками чиновников от образования. Вполне возможно, в первую очередь им самим придется пройти через сложную этико-административную «метанойю», прежде чем общими усилиями будет обнаружен приемлемый баланс между цивилизационной миссией прикладной этики и свободой ее публичной ретрансляции.

Однако, я все же думаю, что эти сложности вполне преодолеваемы, если, правда, обладать желанием и волей договориться о

главном и принять стратегический курс на внедрение углубленного, многоступенчатого цикла прикладной этики в современных университетах.

Насколько новым станет этико-прикладное просвещение?

Вернемся, однако, вновь к Генри Дэвиду Торо. Более полутора столетия назад он вполне разумно утверждал, что главный механизм (не единственный, конечно!), регулирующий гражданское поведение людей, это – их совесть. Именно совесть заставляет их быть сначала людьми, а уж потом – подданными своей страны. У правительств, институтов или корпораций нет совести, и поэтому вполне объяснимо, что многие люди поступают несправедливо. Однако, понимая это, они все равно поступают вопреки своему нравственному чувству, желаниям, здравому смыслу и совести. То есть именно как «машины», а не как совестливые люди, ведет себя большинство граждан, служа своим государствам, писал Торо [5, 8-10].

Следует признать, что в таком порядке социального действия заключена исконная для проекта модерна политическая целесообразность. И ломая сегодня те устаревшие стандарты, причем не столько благодаря усилиям государственной власти, а скорее вопреки ей, по-граждански «не повинуюсь» правительствам, прикладная этика распространяет новое просвещение. Она как бы перезапускает планетарную «совесть» в качестве мировоззренческого ориентира для глобального человечества. Впрочем, если ранее на протяжении последних двух-трех веков национальные государства и империи чаще всего выступали в роли главных просветителей, то сегодня они в лучшем случае едва поспевают (а нередко им и этого не удастся) встроиться в новые цивилизационные тренды, чтобы хотя бы не выглядеть старомодными или, тем более, ретроградными.

Торо, впрочем, тоже не очень верил в просветительский мотив государства и, возможно, поэтому задолго до нынешних либертарианцев предлагал именно его и минимизировать. В XVIII в. европейская моральная философия призывала человека к *гражданскому долгу повиновения*, провозглашая такое поведение с моральной точки зрения рациональным (Кант) и даже выгодным (наиболее последовательно этот тезис развивал У. Пейли на исходе века Просвещения в работе «Принципы морали и политической философии»). С середины XIX в. и на протяжении всего XX столетия подобного рода нравственные теоремы гораздо чаще воспринимались как противоречащие философии свободы и индивидуальной пользы. А в наше время это сомнение достигло таких масштабов, что любая партикулярная «выгода» отныне тестируется, прежде всего, на ценности планетарной справедливости и честности, то есть подвергается глу-

бинной гуманитарной экспертизе. Показательно, что в английском языке, как лингва франка эпохи глобализации, в слове “fairness” семантически сложились оба значения - и честность, и справедливость.

Все это порождает удивительное *социально-философское просветление* (очередная «метонойя»), равно как и вытекающее из него перевзвешивание добра и зла. Очевидность зла, правда, не всегда компенсируется ясностью эффективного и истинного добра. Но по любому все-таки это стало возможным именно благодаря системному воздействию прикладной этики на политику развитых стран и их гражданские сообщества.

В отличие от классической этики она не настаивает на примате морального совершенствования человека, поэтому не выдвигает конечных целей и не дает успокоиться на достигнутом. Более того, прикладная этика (вероятнее всего – вслед за Кантом) не рассуждает о перевоспитании современной личности, пороках и нравственных недостатках людей; напротив, практическая этика видит объективированный прогресс цивилизации в укреплении ее институтов, ограничивающих и мотивирующих человека самому поступать на основании индивидуального выбора в пользу морали. Вследствие чего трансформируется ее социальный статус, миссия и, похоже, намечается ролевая замена старой модернистской логики интеллектуальной легитимации власти на *осознание прикладной этикой самой себя в качестве важнейшего общественного «института»*, выносящего моральные вердикты (объективированные истины) и способствующего дальнейшему этическому «просветлению» человечества.

Казалось бы: во всем этом нет ничего поистине нового, ведь и для «отцов церкви» важнее были кающиеся грешники, чем блаженные праведники. В Евангелии от Луки читаем: «Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (15:3). Очевидно, это и для прикладной этики, отнюдь не претендующей на то, чтобы стать очередным в истории мировой цивилизации «Деревом Просветления».

Сегодня для прикладной этики куда важнее рост глобальной совокупности тех людей, кто сознательно выбирает путь через «метанойю», кто нравственно движется в сторону проектной ориентированности практической морали и рефлексии в одном ключе со свободными и ответственными гражданами мира. Им отныне не потребно очередное конструирование жесткой сети новых запретов и дозволенностей.

Прикладной этике сегодня, похоже, действительно не нужны ни «новые» стопроцентные праведники, ни, тем более, «старые» догма-

тики или скептики. Однако, пока, к сожалению, общий счет в мировом сообществе не в их пользу. Но это только пока.

Список литературы

1. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Введение в прикладную этику. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2006.
2. *Грей Дж.* Поминки по просвещению. М.: Праксис, 2003.
3. *Кант И.* Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Кант И. Собр. Соч. в 8 т. Под ред. А.В. Гулыги. М.: «Чоро», 1994.
4. *Сингер П.* О вещах действительно важных. М.: Синдбад, 2019.
5. *Торо Г.Д.* О гражданском неповиновении. М.: АСТ, 2021.
6. *Ясперс К.* Вопрос о виновности. М.: «Прогресс», 1999.
7. *Singer P.* Practical Ethics. 3rd Ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

**Преподавание профессиональной этики:
теоретический контекст и личный опыт**

Аннотация. В статье предпринята попытка раскрыть теоретический контекст профессионально-этического образования. В первой ее части рассматривается вопрос о том, каким образом в комплексном феномене профессиональной этики соединяются теоретические и нормативно-практические элементы. Хотя под профессиональной этикой принято подразумевать и теоретическую дисциплину (ветвь этического знания), и особую область морального регулирования (ценности, нормы, а также индивидуально-психологические, коммуникативные и институциональные механизмы их внедрения в жизнь), автор статьи не считает, что такое словопотребление нуждается в реформировании. Применение одного и того же термина в данном случае подчеркивает единство практики, то есть самого функционирования малых нормативно-ценностных систем, и теории, их критической и моделирующей возможные изменения рефлексии. Вторая часть статьи посвящена анализу ближайшего по отношению к профессиональной этике родового понятия и более широкого явления – прикладной этики. Прикладная этика рассматривается автором как результат проекции или конкретизации общего ценностно-нормативного содержания морали применительно к специфике предметно и профессионально определенных практик. Эта проекция или конкретизация не является результатом прозрачного последовательного рассуждения от общего к частному и не может быть обеспечена с помощью усилий теоретиков. Моральные ценности и требования проецируются или конкретизируются в ходе сложных коммуникативных процессов, в которых задействованы сообщества людей, вовлеченных в ту или иную практику, а также ее многочисленные стейкхолдеры (стороны, заинтересованные в ее оптимальном функционировании). Рассуждение от общего к частному (от морального идеала к ценностям и нормам малой системы) всего лишь проясняет общую рамку таких процессов и задает точку отсчета для критики их результатов. Роль специалиста по прикладной этике состоит как в обнаружении такой рамки, так и в предоставлении консультационных услуг в ходе первичной институционализации конкретной малой системы или развития ее институтов. Специфика же профессиональной этики том, что на ее основе регулируется особый тип трудовой деятельности, а именно – труд профессионалов. Этот труд предполагает высокую степень автономии специалиста, условия для существования которой создает саморегулирующееся профессиональное сообщество с собственной нормативно-ценностной программой и поддерживающим ее реализацию институтом репутации. Именно поэтому так важно препода-

вание профессиональной этики. Оно является неотъемлемой частью профессионального образования в целом, которое превращает выпускника университета в полноценного представителя его профессионального сообщества. Курсы профессиональной этики призваны продемонстрировать студентам, что этическое поведение есть одна из составляющих профессионализма. Статья заканчивается анализом преподавательского опыта ее автора в этой сфере – работы с двумя очень разными контингентами будущих профессионалов: психологами-консультантами и школьными учителями.

Ключевые слова: мораль, этика, прикладная этика, профессиональная этика, профессионализм, преподавание прикладной этики, российские университеты.

Теория и практика

Понятие «профессиональная этика» используется для обозначения сложного комплекса явлений. С одной стороны, под ней подразумевается сам по себе набор ценностных ориентиров, принципов, правил, регулирующих профессионально определенные практики, а также механизмы, которые придают этому набору действенность. Механизмы профессиональной этики работают на разных уровнях: отдельный индивид, то или иное сообщество, общество в целом; они носят институциональный и неинституциональный характер, опираются на сознательность и убежденность индивидов и на их опасения понести имиджевые потери. В каких-то случаях ее механизмы включают в себя мягкое понуждение и смыкаются, но при этом не сливаются с правовой регуляцией поведения. С другой стороны, профессиональная этика является исследовательской областью и академической дисциплиной. Если речь заходит о специалистах в области профессиональной этики, то, как правило, подразумеваются не те, кто вовлечены в работу этической инфраструктуры какой-то профессии, а те, кто занимаются изучением морального регулирования профессиональной деятельности и его нормативных оснований, теоретически отображают эти явления, осмысляют их отношение к морали в целом, дают оценку их состояния на определенный момент времени и т.д.

Со строго аналитической точки зрения такая двойственность употребления требует изменения привычного лексикона. Русский язык имеет тенденцию связывать слово «этика» именно с академической дисциплиной, с теорией, и значит, можно было бы оставить за понятием «профессиональная этика» лишь второе значение. В первом же случае говорить о профессиональной морали, подразумевая моральные ценности, принципы и правила профессиональных сообществ и все то, что обеспечивает их воплощение в поведении профессионалов.

В российской этике такое словоупотребление было инициировано В.И. Бакштановским и Ю.В. Согомоновым. Они предложили использовать понятие «малые (или прикладные) нормативно-ценностные системы (подсистемы)», хотя наряду с этим применяли и более короткое обозначение «прикладные морали». Возникновение таких систем воспринималось ими в особой исторической перспективе. В соответствии с историко-культурным нарративом, содержащимся в яркой, эвристически очень ценной и не потерявшей за 16 лет свою актуальность монографии «Введение в прикладную этику», к «сегментации» на малые системы «готова» и на нее «способна» лишь рационализированная и универсализованная мораль, возникающая на определенном этапе развития новоевропейской культуры. Нормативно-ценностные системы отдельных профессиональных практик и сообществ появляются в ходе процесса, который представляет собой одновременно преодоление ригидной «народной нравственности» («нравственности традиционного общества») и сохранение некоторых ее исходных свойств в снятом виде. «Народная нравственность – пишут В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов – как системный элемент грядущей собственно моральной онтологии располагала немаловажными отличиями в понимании добродетели от представлений рационализирующейся морали. Отношения этих контекстов можно, без особого риска ошибиться – уподобить отношению права обычного и права формализованного. Если в народной нравственности значительное место отводится таким добродетелям, как целостность («отдаться полностью», «отдать всего себя целиком» и т.п.), верность данному слову, лояльность по отношению «к своим», верность самому себе («я таков, каков я есть», «ничто меня не изменит» и т.п.) и другим клишированным диспозициям, то в рационализирующейся морали они могут выглядеть как проявление негибкости и даже глупости» [9, 14].

Моральные ценности и правила традиционной нравственности также не являются монолитными, они по-своему дифференцированы. Однако их неоднородность отражает вертикальную социальную стратификацию традиционного общества. Появление малых нормативно-ценностных систем предполагает иной принцип дифференциации. Она привязана не к специфике социальных слоев с их субкультурами, а к специфике тех или иных практик, или сфер, человеческой деятельности, которые способствуют общественному благу и, вместе с тем, создают опасность нарушения прав человека. Всегда незавершенные перечисления таких систем в книге В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова, а также в индивидуальных книгах В.И. Бакштановского различны: «нормативно-ценностные системы политики, воспи-

тания, бизнеса, образования, журналистики, гражданского общества» [9, 75]; «этика гражданского общества, аксиология и праксиология морального выбора, профессиональная этика» [6, 140]; «бизнес-мораль, университетская мораль, политическая, журналистская мораль и т.д.» [7, 30]; «этика бизнеса, этика инженера, этика гражданского участия, журналистская этика, биоэтика, университетская этика, экологическая этика и т.п.» [7, 40]. Несмотря на то, что средой формирования всех этих малых систем и субъектом, который их «изобретает», оказывается гражданское общество, этика гражданского общества обозначена в качестве одной из таких систем, что, конечно, требует специального обсуждения и уточнения.

Хотя переход к использованию двух понятий вместо одного: 1) малые, в нашем случае – профессиональные, моральные системы (профессиональные морали) и 2) соответствующие им частные этические теории (профессиональные этики), имеет свои преимущества в отношении строгости и точности теоретического языка, он не лишен недостатков. С одной стороны, такой переход потребовал бы пересмотреть устойчивую языковую конвенцию. Ведь именно в области профессионально определенных практик слово «этика» чаще всего употребляется так, что однозначность его связи с познавательной деятельностью, с усилиями теоретиков по постижению сути каких-либо феноменов отсутствует. Исследователи, пытающиеся упорядочить смысл известной триады «этика, мораль, нравственность», всегда отмечают эту особенность словоупотребления. Например, Р.Г. Апресян замечает, что этика исходно понималась как моральная философия и в наши дни преимущественно понимается как теория, предметом которой является практика «выбора, принятия решения, действия, (само)оценки, рефлексии, переживания вины, раскаяния, совершенствования и т.д.». Однако то же самое слово используется (причем «все шире используется») для обозначения «особых, специальных принципов и ценностей, нередко систематизированных и кодифицированных (т.е. выраженных в кодексе) – в форме систем профессиональной, корпоративной или организационной нравственности» [3, 20]. Если вести речь непосредственно о профессиональной этике, то, вновь пользуясь формулировками Р.Г. Апресяна, «в общественных дискуссиях и специальной литературе преобладает использование [этого] термина... для обозначения *всего* (*курсив мой – А.П.*) комплекса явлений, связанных с моральным регулированием профессиональной деятельности и осмыслением этих процессов... В случае этики конкретной профессии название может совпадать с названием раздела прикладной этики, которая ее изучает. Например, «этика учителя» – это, с одной стороны, моральные нормы, регули-

рующие деятельность учителя, а с другой – раздел прикладной этики, в котором исследуется моральное регулирование деятельности учителя; “инженерная этика” – это, с одной стороны, нормы должного осуществления инженерной деятельности, а с другой – специальное прикладное знание, предметом которого является этика инженера и этические проблемы инженерной деятельности» [3, 314].

Однако дело не только в инерции словоупотребления, но и в самой специфике теоретического знания о малых нормативно-ценностных системах, то есть о содержании норм и ценностей также и в специфике механизмов морального регулирования поведения тех людей, которым это содержание вменяется в качестве долга или предложено в качестве идеала. Такое знание не может быть простой реконструкцией того или иного стихийно складывающегося этоса или его исторической динамики, оно является фактором его воспроизводства и трансформации. Исследователь малой нормативно-ценностной системы не дистанцирован от предмета своих исследований в той же мере, в какой может быть дистанцирован исследователь природных и даже социальных процессов.

Профессиональная этика в первом смысле этого слова – совокупность нескольких малых нормативно-ценностных систем и во втором – совокупность их теоретических отображений не могут соотноситься так, как соотносятся собой природа и естествознание. Этика в любых своих проявлениях более или менее точно воспроизводит аристотелевское сближение между «знать, что такое добродетель» и «стать добродетельным» [4, 79]. Профессиональная этика в этом отношении не исключение, а не что иное как яркий пример соблюдения правила. Исследование, направленное на уточнение нормативной основы этического регулирования профессий, на прояснение институциональных, коммуникативных и индивидуально-психологических его механизмов, призвано способствовать эффективной работе последних, то есть тому, чтобы определенная профессия, в конечном итоге, лучше выполняла свое социальное назначение (миссию), чтобы деятельность профессионалов, их сообществ не выходила за пределы моральных ограничений и вносила максимальный вклад в приведение общественной жизни в соответствие с моральными императивами.

Профессиональная этика как академическая дисциплина не просто удовлетворяет познавательный интерес исследователей и служит «полигоном» для проверки теоретических и нормативных положений (пространством верификации для теоретической и нормативной этики), но и обращается к самим профессионалам, учреждающим правила собственной деятельности, а также к обществу,

которое заинтересовано в получении наибольших выгод от существования профессионально определенных практик. Естественно, что общество понимается при этом не как некая тотальность, коллективная личность с заведомо известными и строго упорядоченными потребностями и предпочтениями, но и как совокупность множества стейкхолдеров, которые вовлечены в процесс обсуждения общественно значимых решений и институционального дизайна. Общее или общественное благо выступает в большинстве случаев как аббревиатура для результатов этого процесса, хотя некоторые ценностные ориентиры могут быть очевидны вне такой коммуникации.

В.И. Бакштановский подчеркивает эту специфику профессионально-этического знания с помощью определения «проектно-ориентированный». «Познание малых систем» является, в соответствии с его формулировкой, «проектно-ориентированным», поскольку оно подчинено «задаче их развития, в том числе через конструирование инфраструктуры “малых” систем (институций экспертизы, принятия и исполнения решений, этических офисов фирм, этических комиссий ассоциаций, создание этических документов), разработку технологий связи этического знания с моральной практикой и т.д.» [6, 184]. Да, оно является именно таким, и поэтому мне представляется, что нет необходимости в коррекции устойчивого словоупотребления. В случае с «этикой учителя», понимаемой как «моральные нормы, регулирующие деятельность учителя», и «этикой учителя», понимаемой как «исследование морального регулирования деятельности учителя», имеет место не только «совпадение названий», но глубокое единство и взаимная зависимость самих феноменов, что и отражается на уровне терминологии.

Профессиональное и прикладное

Для того, чтобы получить ответ на вопрос о природе профессиональной этики, важно определиться с тем, какое место она занимает на общей карте морали, среди различных форм морального регулирования и морального ориентирования поведения людей. Если использовать терминологию В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова, будучи особой частью мира малых нормативно-ценностных систем, она соотносится с другими подобными ей частями и с моралью в целом? Или будучи познанием части этого мира, она соотносится с этическими дисциплинами, исследующими другие подобные части, и с этикой в целом? Этическая теория стремится к разрешению этих проблем в силу того, что она пытается сформировать целостное видение морали в разных ее ипостасях и проявлениях. Моральная практика (во всяком случае, в ее рефлексивных и сознательно конструируемых формах) также нуждается в их разрешении, поскольку это

способствует устранению ее девиаций и перекосов, обретению ею соответствия своей природе и своему назначению. О существовании таких потребностей моральной практики свидетельствуют запросы профессиональных сообществ на помощь со стороны специалистов-этиков при решении задач первичной институционализации профессиональной этики или дальнейшего развития ее институтов. Похожие запросы возникают и у организаций, в том числе, организаций, относящихся к сфере бизнеса (корпораций, фирм и т.д.) Их обращение к услугам специалистов по этике имеет как внутренние причины, так и причины, связанные с вниманием к моральному измерению их деятельности со стороны общества в целом и различных активистских групп.

В качестве более общего по отношению к профессиональной этике понятия часто применяются термины «практическая этика» и «прикладная этика». Некоторые теоретики пытаются провести между ними какие-то значимые разграничения, некоторые рассматривают в качестве синонимов, наконец, есть и те, кто предпочитает один или другой из них. У обоих терминов есть свои недостатки. Когда понятие «практическая этика» применяется в отношении особого рода теоретической дисциплины, возникает та трудность, что этика, имеющая дело с должными и ответственными поступками, изначально и целиком ориентирована на практику. Ее не без оснований называют «практической философией», и в этой связи возникает странное тавтологическое определение обсуждаемой дисциплины: «практическая часть практической философии». В качестве обозначения для самих малых нормативно-ценностных систем понятие «практическая этика» является еще более сомнительным. Преобладающее словоупотребление даже не позволяет использовать его в этом качестве.

Что касается понятия «прикладная этика», то сомнения в его применимости связаны с другими обстоятельствами. Прежде всего, с тем, что это понятие не только указывает на определенный предмет (набор ценностей и норм, механизмы их реализации и т.д.), но и содержит в себе представление о его сущности, то есть не является нейтральным по отношению к выводам исследований, направленных на его теоретическое отображение. Понятие «прикладная этика» подразумевает, что в малых нормативно-ценностных системах имеет место именно приложение чего-то общего к чему-то частному, конкретному, или хотя бы проекция чего-то неспециализированного на что-то, обладающее определенной спецификой. Хотя эти два элемента (прикладываемый предмет и точка его приложения) могут трактоваться в познавательных категориях («идея наложения – аппликации философского этического знания на практические проб-

лемы» (В.И. Бакштановский) [6, 54], более перспективным вариантом понимания прикладного характера прикладной этики является тот, который касается самих ценностей и норм (такое описание тоже присутствует у В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова см. ниже). Тогда следует предположить, что в этой сфере предельно общее, неспециализированное содержание морали конкретизируется и приспособляется к особенностям и запросам общественной практики в целом и конкретных видов практической деятельности, трансформируясь в ходе такого приспособления. Сомнения теоретиков вызывает сама по себе идея приложения (проекции, конкретизации, приспособления, наложения и т.д.), поскольку система моральных ценностей и норм, в конечном итоге, может оказаться такой системой, в которой общее содержание – результат обобщения конкретных норм и ориентиров поведения и в силу чего играет заведомо вторичную роль, а все существенное происходит именно на уровне введения или переосмысления ценностно-нормативной конкретики.

К этим сомнениям я еще вернусь, а сейчас хотел бы обсудить вопрос о том, какое содержание может рассматриваться как «прикладываемое» в сфере прикладной этики. Интересный пример разброса ответов на этот вопрос предоставляет монография В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова. В упомянутом историко-культурном нарративе из этой работы прикладываемое или конкретизируемое содержание отождествляется с естественной (традиционной) нравственностью (хотя и с важной оговоркой про ее универсализацию): «Универсализм... впитывая через множество опосредований все противоречивое богатство локального развития нравственности, прокладывая нелегкие пути к формированию всевозможных *приложений* народной нравственности» [9, 14]. В других фрагментах книги это содержание ассоциируется с «моральным феноменом», который включает «широкий круг логико-грамматических и ценностных форм», в том числе «народную нравственность» [9, 9–23]. Есть также пассажи, в которых внутри «алгоритма приложения»: «что?», «к чему?», «каким образом?», ответом на вопрос «что?» является общественная мораль: «Общественная мораль прикладывается к определенным сферам и видам человеческой деятельности» [9, 57]. Существенной оговоркой при этом является признание того, что общественная мораль не представляет собой что-то внеисторическое или древнее по времени возникновения, то есть предзаданное и предшествующее своему приложению и сопутствующей ему сегментации нормативного поля морали. Она – продукт довольно позднего процесса, в ходе которого формируются как то, что прикладывается, так и то, что появляется в результате приложения.

Но наиболее проработанный ответ на вопрос о прикладываемом или конкретизируемом ценностно-нормативном содержании связан в книге с «рациональной» или «рационализируемой» моралью, возникающей в западной культуре в эпоху Нового времени. Специфика этой морали состоит в том, что она «выражает не столько дух беззаветной любви к ближнему (симпатия, великодушие, сострадание и т.п.), сколько уважение к Другим как к Лицам – оно притязательно и его отсутствие без серьезных причин вызывает обоснованный нравственный протест. Рациональная мораль требует не доброжелания, а долженствования, ответственности и беспристрастности». При этом конкретизация «рациональной морали» понимается авторами не упрощенно, по образцу логического вывода, а как настоящая реконфигурация моральных ценностей и норм, изменение способов взаимодействия морали с другими способами регуляции поведения: правовыми, административно-организационными, праксеологическими, а также со «всевластным обычаем» [9, 60].

Мне понятна интенция, породившая и этот разброс ответов на вопрос «что [прикладывается в прикладной этике]?», и настойчивые предостережения от упрощенного понимания сути малых нормативно-ценностных систем, в том числе профессиональных. Эта интенция связана со взглядом на них историка культуры или философа, для которого результаты генеалогических исследований морали являются актуальным вызовом, требующим постоянного ответа. Постоянного, то есть присутствующего в его рассуждениях вне зависимости от того, какие проблемы он в данный момент решает. Однако мне представляется, что такой вызов актуален прежде всего для реконструкции истории морального сознания и моральной практики на длинных исторических дистанциях, для споров о том, имеет ли место и в чем состоит моральный прогресс, отчасти – для построения долгосрочных прогнозов, касающихся судьбы наших наиболее глубоких нормативных убеждений (моральной футурологии). Но если мы обсуждаем профессиональную этику в ее нынешнем состоянии и в перспективе ближайших (обозримых) изменений, то некоторые свойства морали должны быть приняты в качестве данности, в качестве таких свойств, которые инвариантно характеризуют ее для человека современной культуры.

Можно было бы сказать, что для нашего современника мораль изначально выступает в качестве обрисованной В.И. Бакштановским и Ю.В. Согомоновым «рациональной морали», если бы анализ общераспространенных нормативных убеждений не показывал, что мораль «уважения к Другим как к Лицам», которое, кстати, также есть форма желания блага другому, представляет собой лишь часть сис-

темы таких убеждений, что необходимость благожелательного или заботливого отношения к другим остается неотъемлемым элементом содержания морали и т.д. (о теоретическом образе морали, на который опирается это мое рассуждение см. подробнее: [1]). В этике продолжают споры о том, как ценность заботы должна быть представлена среди оснований социально-политической жизни в целом и отдельных общественных практик. Есть даже целые концепции социальной этики, которые построены на основе тезиса, что выпадение этого ценностного ориентира из поля зрения политиков и участников общественных дискуссий создает огромное слепое пятно, то есть делает базовые социальные институты нечувствительными ко многим аспектам уязвимости членов общества [16, 17].

В целом, можно сделать вывод, что если этическая рефлексия призвана отвечать на потребности и запросы тех людей (сообществ), которые пытаются обнаружить или сконструировать систему моральных регуляторов для своих специализированных видов деятельности, то идея конкретизации (проекции, приложения, адаптации) обобщенного содержания морали или общественной морали вполне органична для решения этой задачи, а широкий историко-культурный контекст формирования малых нормативно-ценностных систем вполне может быть вынесен за скобки. Решая упомянутую задачу, важнее не сформировать и удержать в поле зрения генеалогическую картину, а понять, как происходит «сцепление» общеморальных ценностей и норм с ценностями и нормами малых систем, а главное – как происходит сцепление общеморальных мотиваций с моральными, которые определяют поведение представителей конкретных видов деятельности. Для участников некоей практики, прибегающих к помощи теоретика (специалиста по прикладной этике), образ нисхождения морального идеала в область институционализированных и иерархизированных отношений между людьми в сферу той или иной деятельности, которая нацелена на достижение частных, но при этом общественно значимых задач, не только вполне приемлем, но даже является наилучшей точкой отсчета для осмысления, оценки и коррекции стихийно складывающегося этоса.

Как же тогда относиться к сомнению в том, что малые нормативно-ценностные системы вообще следует мыслить по модели приложения, тому сомнению, которое возникало в связи с предположением, что все самое важное в этой сфере происходит на уровне низового нормотворчества? Мне кажется, что у этого сомнения есть определенные основания, но они недостаточны для признания модели приложения ошибочной, а образа нисхождения идеала – видимостью. Их силы хватает лишь для того, чтобы ввести к этому образу

определенные поправки. Необходимо отдавать себе отчет в том, что нисхождение морального идеала в область социальной практики в целом или конкретных частных практик не может осуществляться на априорной или дедуктивной основе, что для его осуществления недостаточно соединить между собой знание моральных ценностей и норм со знанием о том, какие цели преследует практика, какие средства их достижения в ней используются, каковы ограничения этих средств, связанных с психологией человека или возможностями социальных институтов. Такого рода дедукция тоже нужна, но она может задать лишь предельно общую рамку обсуждения какого-то этоса и не более того.

Почему дело обстоит именно так? Прежде всего потому, что и ценности, и нормы морали не имеют такой степени упорядоченности, чтобы можно было провести обсуждаемую дедукцию в ее полноте. Ценностно-нормативное содержание морали приобретает упорядоченность лишь в отношении конкретных практических контекстов и посредством нахождения временных равновесий.

Иерархизированные системы ценностей и норм, позволяющие говорить об их приоритете по отношению друг к другу или об оправданном обмене реализации одних на реализацию других, возникают в сложном процессе бессознательного и сознательного нормотворчества сообществ. Такие системы формируются спонтанно или устанавливаются участниками специально организованных дискурсивных процессов (процедур), в ходе которых вырабатываются конкретизированные ориентиры поведения. Они возникают в ходе создания сообществами нарративов, касающихся образцовых или недопустимых поступков. Они зависят от выбора личностей, которые служат ориентирами или камертонами для большинства представителей сообщества [11]. Кроме того, далеко не все проблемы, которые требуют нормативного регулирования, очевидны для теоретика, который мыслит абстрактно и смотрит на жизнь сообщества со стороны. Нормативные проблемы встают перед самими участниками практики, непосредственно переживаются ими, хотя бы в виде неудобств и негативных моральных эмоций, что, конечно, не исключает возможности содействия более точному артикулированию этих проблем со стороны теоретика.

В этом смысле очень ценным является представление об «инновационном» характере прикладной этики, предложенное В.И. Бакштановским и Ю.В. Согомоновым. Получаемое этой дисциплиной знание формируется через участие теоретиков в развитии малой нормативно-ценностной системы, в том числе в формировании конвенций, которые нельзя обосновать в качестве незыблемых, вечных

императивов, но которые являются ответом на моральные проблемы конкретной практики (см.: [6, 7, 8, 5]).

Однако я бы воздержался от употребления понятия «инновационная парадигма прикладной этики», равно как и противоположного понятия – «инерционный сценарий развития прикладной этики», по сути, парадигма приложения. Одна причина в том, что я не вижу фундаментальной противоположности между инновационностью и приложением. Представление о приложении, проекции, конкретизации ценностно-нормативного содержания морали задает общую рамку, обеспечивает сохранение связи малых систем с моралью как таковой (на мой взгляд, мораль проявляет себя образцово в непосредственных институтах и специализированными социальными ролями межличностных отношениях). Если оставить только этот «дедуктивный» элемент, прикладную этику ожидает провал (о причинах которого см. выше). Но если оставить одни лишь ситуативные инновации, возникающие в результате консультационной и проектной работы специалиста по прикладной этике с представителями сообществ, то это также чревато провалом. Другая причина в том, что вся прикладная этика, стоящая того, чтобы ею заниматься, должна иметь инновационный характер. Я усматриваю в применении понятия «парадигма», в основном, полемически заостренный способ продемонстрировать это обстоятельство (аргументы В.И. Бакштановского против такого прочтения его центральной идеи и базовой терминологии см.: [8, 211–213]).

Некоторые другие особенности использования В.И.Бакштановским и Ю.В.Согомоновым идеи конкретизации морали в малых нормативно-ценностных системах кажутся мне менее перспективными, чем подчеркивание роли нормативных и инфраструктурных инноваций в области прикладной этики. Такая конкретизация в некоторых случаях мыслится ими как своего рода «снятие» или «преодоление» того обобщенного содержания морали, которое конкретизируется в виде малых систем. Это «снятие» или «преодоление» не является полным, обобщенное содержание морали остается действенным и само по себе, но в современном обществе оно оказывается маргинализированным – «оттесняется на периферию общественной жизни». «Моральные абсолюты» или «моральные ценности абсолютного ранга» являются для авторов не постоянно воспроизводящейся основой конкретизации, а «неконкретизированным остатком морали». Они «остаются навигационными огнями, непререкаемыми ориентирами-регулятивами человеческих помыслов и поступков в масштабах малых групп, общин, коммун, приходов» и лишь в форс-мажорных обстоятельствах (войны, техногенные аварии, стихийные бедствия)

«смещаются от периферии к эпицентрам нравственной жизни и вновь являют всю мощь и духовную красоту своей категоричности» [9, 109].

Такая модель, на мой взгляд, имеет несколько недостатков. Во-первых, она создает искаженное представление об обобщенном, абсолютном содержании морали. Последнее прямо отождествляется в книге с ценностями «гуманности и справедливости»: «миссия морали [как таковой] – “очеловечивать” социум», а смысл существования сегментированной и конкретизированной «рациональной морали» состоит в том, чтобы прагматическая рациональность отдельных практик не отрывалась от «гуманности и справедливости». Но эти две предельно общих, абсолютных ценности, конечно, не являются «ориентирами-регулятивами человеческих помыслов и поступков в масштабах малых групп».

Во-вторых, она разрывает единство морали и безнадежно партикуляризирует ее. Превращение моральных абсолютов в «неконкретизированный остаток морали», замыкает каждую малую систему в себе самой и блокирует процесс «преодоления оторванности... разума от гуманности и справедливости» [9, 107]. В-третьих, эта модель создает существенные затруднения для инновационного подхода к прикладной этике или проектно-ориентированного подхода к профессиональной. В эти подходы изначально интегрировано соотношение особенностей частных практик с гуманностью и справедливостью. Моральные проблемы таких практик могут идентифицировать только люди, обладающие общеморальной чувствительностью, универсализованной эмпатией и чувством справедливости. Эти способности (а они привязаны к общеморальным ценностным ориентирам) совсем не периферийны для «общественной жизни» и совершенно необходимы для развития малых нормативно-ценностных систем. В-четвертых, в той сфере, где авторы обнаруживают «десегментацию морали», а это область чрезвычайных ситуаций, мы сплошь и рядом обнаруживаем: а) специализированные практики и даже профессии, связанные с минимизацией вреда; б) трансформацию общеморальных императивов, определяющих поведение людей в условиях нормальности, в сторону их деабсолютизации (введение исключений из правил, иное отношение к нарушению индивидуальных прав и т.д. и т.п. (см. подробнее: [18, 14]).

В чем же состоит специфика профессиональных этик по сравнению с другими малыми нормативно-ценностными системами? Прежде всего в том, что практика, которую они регулируют – это вид трудовой деятельности, а не решение какой-то общественно значимой проблемы силами специалистов разного профиля и на основе

разных форм координации коллективных усилий (от самоорганизующихся общественных движений и ассоциаций до государственных и надгосударственных международных институтов). В этом смысле я считаю важным предложенное Р.Г. Апресяном разграничение между профессионально и предметно определенными видами деятельности, или практиками (можно сравнить для примера этику контроля над климатическими изменениями или этику освоения космоса с этикой врача или юриста) [2]. Между ними нет пропасти и существует пространство, заполненное сложными промежуточными явлениями: этика профессий формируется не только самими профессионалами, в процессе ее формирования принимают участие гражданское общество и государство; возникающие в ней проблемы имеют высокую общественную значимость и часто не могут быть решены усилиями самих профессионалов или профессионалов, которые принадлежат лишь к одному сообществу и т.д. Однако на уровне отчетливо выраженных полюсов и наиболее типичных феноменов специфика очевидна.

Специфика профессиональных этик определяется не только тем, что каждая из них связана с каким-то определенным видом трудовой деятельности, но и тем, что конституирующая ее трудовая деятельность имеет именно профессиональный характер. За профессионально-этическими требованиями и механизмами их внедрения в практику стоит феномен профессионализма – особой формы организации труда, отличающейся от рынка и бюрократического управления. Его специфика задана следующими факторами. Профессионал (врач, юрист, инженер и т.д.), опирающийся на недоступное обычным людям знание, которое касается его специальности, должен быть человеком, заслуживающим доверия общества и клиентов. Это же требование воспроизводится в связи с тем, что профессионал применяет свое знание в ходе принятия уникальных решений по поводу уникальных ситуаций и, значит, нуждается в предоставлении ему высокой степени самостоятельности (индивидуальной автономии). Автономный специалист наиболее результативен, но он и наиболее «опасен» в смысле потенциального злоупотребления доверием клиентов. Доверие клиентов и общества к профессионалу обеспечивается силами саморегулирующегося (автономного) профессионального сообщества, которое выдвигает нормативные стандарты, стремится сформировать у своих членов представления о профессиональном долге, призвании и служении обществу (человечеству), поддерживает институт репутации, а также обеспечивает контроль над качеством трудовой деятельности с помощью особых процедур, построенных на основе горизонтальной оценки со стороны равных.

Профессиональное сообщество является не только формой самоорганизации профессионалов, но и бастионом, который защищает профессиональный этос от размывания и атрофии (о связи профессиональной этики и феномена профессионализма см. подробнее: [19, 15, 9, 6, 7, 10]). Так как профессионалы в большинстве случаев работают в иерархизированных организациях, то они часто попадают под давление бюрократических структур этих организаций, требующих от них тех или иных компромиссов в этической сфере. В подобных случаях обращение профессионала к этическим декларациям сообщества, а также прямая опора на поддержку последнего для защиты своей автономии и возможности полноценно исполнять профессиональный долг являются важными способами противостояния бюрократическому давлению.

Образовательное измерение профессиональной этики

На основе представленной выше краткой характеристики феномена профессионализма можно сделать вывод, что задачи профессионального сообщества носят, том числе, образовательный или воспитательный характер. Сообщество транслирует своим членам определенные ценностные установки и стремится сделать их как можно более устойчивыми. Частью этого процесса является базовое профессиональное образование, в котором профессиональная этика преподается в виде отдельных курсов, но присутствует также в качестве неустрашимого фона преподавания других дисциплин, касающихся разных аспектов той или иной профессиональной деятельности. Если вести речь о преподавании профессиональной этики как отдельного курса, то оно соединяет ознакомление студентов с самой по себе ценностно-нормативной основой их профессиональной практики и формирование у них представления о том, какую роль профессионализм играет в обществе, а профессиональная этика – в деятельности полноценного профессионала. Преподаватель профессиональной этики выстраивает обоснование тезиса, что без постоянного внимания к ценностным ориентирам и нормативным ограничениям своей профессии нельзя состояться в качестве врача, юриста, инженера и т.д. С этим связано то обстоятельство, что преподавание профессиональной этики, хотя и не сводится к передаче знания, которое складывается в соответствующем специализированном разделе этической теории, обязательно включает такую передачу. В этом нет какого-то парадокса, поскольку перед нами знание, изначально приспособленное к решению «воспитательных» задач. В терминах В.И. Бакштановского этот тип теоретизирования представляет собой «слабую версию» теории, в которой: «(а) ценностные компоненты теории пребывают не на периферии знания и, тем более, не

на подступах к нему, а в его центре; (б) переплетаются процессы производства знания и его потребления; (в) знание характеризуется обращенностью к единичному объекту-субъекту и является не абстрактно-всеобщим, а конкретно-общим; (г) теория обладает свойством демонстрируемости и «рецептурности», что позволяет выйти за пределы противопоставления «наука-искусство» и вместе с тем, за границы обыденного знания» [6, 182].

Кто является оптимальной фигурой для передачи такого знания: тот, кто занимается его получением (этик) или тот, кто принадлежит к конкретному профессиональному сообществу или, хотя бы, преподает связанные с профилем этого сообщества дисциплины? В каждом случае есть свои «за» и «против». Но на практике этот вопрос решается на основе мало имеющих к ним отношения прагматических обстоятельств и раскладов локальной академической жизни. Именно такие обстоятельства и расклады дважды превращали меня самого в преподавателя профессиональной этики студентам разных специализаций. Далее я хотел бы обратиться исключительно к этому своему опыту, не пытаясь анализировать и обобщать опыт образовательной практики в области профессиональной этики в целом или опыт саморефлексии вовлеченных в нее преподавателей (хотя это, конечно, очень важная задача, ждущая своих исполнителей).

Мне довелось разрабатывать, а потом преподавать курс «Профессиональная этика» для студентов-психологов. Большая часть аудитории этого курса планировала стать психологами-консультантами в организациях или заниматься консультированием населения в специализированных центрах либо в частном порядке. Это был первый случай преподавания профессиональной этики. Кроме того, я довольно долго вел курс «Этика образования» для будущих и отчасти практикующих школьных учителей и работников дошкольных учреждений. Значительная часть работы на этом курсе была посвящена именно этике этих профессий. Таков второй случай.

В обоих случаях структура курса или части курса, посвященной профессиональной этике, была практически идентичной, хотя содержание, касающееся конкретики профессий, естественно, существенно варьировалось. В теоретическом блоке были представлены те отправные положения, которые содержатся в предыдущих разделах этой статьи, но без развернутого полемического контекста и с более подробной презентацией материала о феномене морали и особенностях профессиональной практики (в последнем случае основой анализа была концепция профессионализма Э. Фрайдсона). Если более подробно, студенты узнавали, что такое мораль и моральные ценности, каковы эмоционально-психологические, коммуникативные

и социально-институциональные механизмы реализации последних. На основе обсуждения простых примеров они актуализировали свою моральную чувствительность в части таких установок в отношении другого человека как ненавреждение, помощь в нужде, правдивость, распределительная честность, забота. Затем они получали представление об идеально-типической модели профессионализма и зависимости успешного функционирования профессионально определенных практик от моральных убеждений их участников. Центральное место в этой модели занимают профессиональная автономия, профессиональный долг (призвание) и профессиональная репутация. Тем самым была задана оптика, в которой рассматривались далее этические идеалы и нормы конкретной профессии. Ценностно-нормативное содержание и той, и другой профессии предъяснялось как в обобщенном виде (для этого раскрывалась необходимость тех или иных требований в свете конкретизации морали применительно к работе учителя или психолога-консультанта), так и в виде утвержденных соответствующими сообществами формулировок (формулировок из разных этических документов, в том числе зарубежных и международных).

Практический блок обоих курсов можно рассматривать как своего рода профессионально-этический тренинг. Овладение культурой профессионально-этической оценки предполагает возникновение у будущего профессионала двух способностей: а) способности к автоматической негативной реакции на очевидные случаи нарушения профессионально-этических принципов и б) способности к выявлению и разрешению сложных, двусмысленных или дилемматических ситуаций. Во втором случае к разрешению этической проблемы может привести только развернутое моральное рассуждение, погруженное в глубоко индивидуализированный ситуативный контекст. Важной профессионально-этической компетенцией специалиста является то, что он не рассматривает простые, рутинные случаи потенциальных нарушений этического кодекса своей профессии как повод для раздумий и, одновременно, способен опознать сложные случаи и этические дилеммы в качестве реальных, объективных затруднений, требующих специальных интеллектуальных усилий и принятия на себя ответственности за непредсказуемый исход ситуации.

Для формирования этой компетенции применялся метод ситуационного анализа (другое устойчивое наименование – профессионально-этические case-studies). Как правило, опыт студента, связанный с будущей профессией, слишком беден для того, чтобы в ходе преподавания профессиональной этики можно было бы полноценно опираться именно на него. Выходом в этом случае является проду-

мывание, вернее – проигрывание в воображении, переживание и осмысление тех ситуаций, которые складывались в профессиональном опыте других специалистов. В силу этого на лекциях и семинарах использовался банк случаев, привязанных к каждому из частных требований этического кодекса той профессии, которую осваивают студенты. Некоторые учебные группы были неоднородны в части профессионального опыта (уже работающие студенты встречались как на очном, так и, естественно, на заочном отделении). Это позволяло опираться на случаи, с которыми они сталкивались лично. Но даже в таких группах работа без готового банка была бы неэффективной, поскольку в него входят случаи, точно соответствующие решаемой педагогической задаче.

Для формирования автоматических реакций будущего профессионала на потенциальные нарушения профессиональной этики ключевую роль играют: а) активизация деятельности сопереживающего воображения; б) апелляции к моральному чувству и нравственному здравому смыслу; в) обращение к общественной роли (миссии) профессии и к идеалу профессионального служения, верность которому входит в само определение профессионализма. Работая с простыми кейсами, студенты к завершению курса накапливали значительный опыт мысленного вхождения в стандартные ситуации потенциальных нарушений профессиональной этики. В своем воображении они многократно затормаживали те мотивации, которые ведут к незрелому поведению, и многократно сталкивались с теми психологическими обстоятельствами, которые превращают нарушение в норму или делают его невидимым для профессионала. Здесь, кроме кейсов, важны результаты психологических исследований, раскрывающих механизмы возникновения слепых пятен в моральном опыте в целом и в профессиональной практике [20]. Знание таких «слабых мест» позволяет укрепить их, эффективней противостоять искушениям и инерции безразличия. Конечно, эту работу можно назвать ситуативным анализом лишь условно, поскольку аналитический момент проявляется в ней лишь в том отношении, что стандартные ситуации требуют соответствия с ценностями, принципами и отдельными нормами профессиональной этики.

Ситуационный анализ в собственном смысле этого термина применялся для обучения будущего профессионала умению обнаруживать замаскированные нарушения этического кодекса, разрешать неопределенные в нравственном отношении случаи профессиональной практики и выходить из ситуаций, которые включают в себя этическую дилемму. Подобный анализ предполагает понимание того, что отдельные этические нормы могут сталкиваться между собой, и

это требует установления их ситуативной иерархии. Выявление приоритета какого-то из принципов опирается на общие ценности профессии, связанные с ее предназначением. Кроме того, ситуативный анализ оказывается необходим тогда, когда артикуляция норм в кодексе является или недостаточно ясной, или недостаточно гибкой. Тогда анализ ситуации автоматически превращается в средство уточнения нормативного содержания какой-то профессиональной этики.

В обоих курсах анализ сложных профессионально-этических ситуаций был включен в планы практических занятий и выступал в качестве важной части отчетности студента. На практических занятиях подвергались анализу предложенные мною случаи, в которых нарушения профессионального кодекса оказываются неочевидными в силу того, что для их корректной оценки требуется использовать сложное сочетание разных требований. К итоговой отчетности каждый студент готовил анализ выбранной им самой ситуации, относящейся к одной из основных сфер деятельности психолога или учителя (конкретную сферу я предлагал сам на случайной основе). Источником могла быть собственная практика, практика знакомых, описания случаев, содержащихся в сети Интернет, и даже собственное воображение студентов. Подготовленный в виде учебно-исследовательской работы ситуационный анализ включал следующие стандартные компоненты: 1) нарратив ситуации; 2) нормативную (или нормативно-теоретическую) основу анализа; 3) оценку ситуации в свете требований профессиональной этики, выявление поведенческих альтернатив, имеющихся у задействованных в ней лиц; 4) рекомендации, касающиеся непосредственно поведения – профессионалов, культурного и институционального контекста профессиональной практики, или способов языкового оформления нормативного содержания профессиональной этики.

Одним из наиболее интересных наблюдений, возникших в ходе параллельного преподавания двух курсов по разным отраслям профессиональной этики, стала реакция аудитории на предложенную мной общую рамку или оптику, в которой следует рассматривать моральные ценности и нормы профессии, и то, насколько разной она была. Напоминаю, что она предполагала определенную последовательность: мораль – социальное назначение (миссия) профессии – автономия отдельного профессионала – автономное саморегулирующееся сообщество – профессиональный долг и профессиональное призвание индивида – профессиональная репутация. Для учителей (особенно тех, кто уже имел опыт работы) эта последовательность казалась привлекательной, но имеющей мало отношения к реальности. Они с готовностью включались в игру «давайте рассматривать

себя в качестве классических профессионалов, входящих в живое и активное сообщество», но постоянно подчеркивали, что играют. Упоминание о ведущей роли в регулировании поведения профессионалов института репутации и опасений понести репутационные потери вызывало скепсис. Однако обсуждение связи между выполнением этических требований и профессиональной эффективностью воспринималось как разговор по существу. Проекция моральных ценностей в область учительского труда, порождаящая дополнения к общечеловеческой морали, воспринималась как нечто вполне реальное и обоснованное (если, конечно, перед этим студент выражал твердую уверенность в приоритетной и универсальной значимости таких ценностей). Однако опосредование этой проекции задачами и потребностями профессионального сообщества представлялось чем-то факультативным или надуманным. Разница между профессиональной этикой и этикой трудовой добросовестности не воспринималась как существенная. В этом отношении дополнительные затруднения создавала необходимость обсуждать созданный Министерством образования РФ модельный кодекс этики (он, собственно, и построен как кодекс трудовой добросовестности (анализ кодекса см.: [12]).

В случае с будущими и начинающими психологами-консультантами отклик на предложенную мной общую картину профессиональной этики был более позитивным. Что-то в приведенной выше последовательности элементов воспринималось как само собой разумеющееся, что-то как дополнение к их собственным представлениям. Аудитория хорошо понимала напряженность, которая существует между профессиональным долгом и профессиональной репутацией, с одной стороны, и выполнением распоряжений внутри служебной иерархии – с другой. Во всяком случае статья 4.2. кодекса Российского психологического общества воспринималась ими как важный практический инструмент. А она гласит: «При приеме на работу Психолог должен поставить своего работодателя в известность о том, что в пределах своей компетенции он будет действовать независимо и для него невозможно выполнение непрофессиональных требований или требований, нарушающих данный Этический кодекс. При приеме Психолога на работу работодатель должен получить текст данного Этического кодекса» [13]. И сам этот кодекс в целом был хорошим подспорьем в работе.

Разное восприятие идеальной модели профессионализма и основанного на ней понимания природы профессиональной этики двумя этими контингентами студентов имеет объективные основания. Во-первых, в своей чистоте этот идеал соответствует именно деятельности объединенных в ассоциации профессионалов, которые зани-

маются частной практикой, или профессионалов, работающих в организациях, которые исторически выступают в качестве опоры для самоуправляющихся сообществ (таким с определенной долей условности может быть назван университет, немыслимый без академической свободы в разных ее пониманиях). Школа или дошкольное образовательное учреждение изначально представляют собой организации иного типа. Здесь жизнь сообщества внутри организации сталкивается с серьезными препятствиями. Во-вторых, история советской, особенно постсоветской школы способствовала размыванию профессионально-этического идеала. Глубокая персональная идентификация с социальным назначением (миссией) профессии и переживание индивидуального призвания играли и играют свою роль, но чувство принадлежности к уважаемому сообществу (основа института репутации) не являлось и не является сколько-нибудь интенсивным. То место, которое занимает профессия школьного учителя на российской карте престижных и уважаемых видов трудовой деятельности, явно не способствует формированию духа корпорации. Соответственно, индивидуальные представления о профессиональном долге и призвании легко превращаются в средство манипуляции учителями и даже их эксплуатации внутри иерархизированного и бюрократизированного образовательного учреждения.

Список литературы

1. *Апресян Р.Г., Артемьева О.В., Прокофьев А.В.* Феномен моральной императивности: критические очерки. М.: ИФ РАН, 2018.
2. *Апресян Р.Г.* Прикладная этика: традиция, предтечи, прецеденты // *Ведомости прикладной этики.* Вып. 50. 2017. С. 41–50.
3. *Апресян Р.Г.* *Этика: учебник.* М.: КНОРУС, 2017.
4. *Аристотель* Никомахова этика // *Аристотель Соч.в 4 т. Т. 4.* М.: Мысль, 1983. С. 53–294.
5. *Бакштановский В.И.* На пути к инновационной парадигме: становление Товарищества «Прикладная этика» В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова // *Этическая мысль.* Вып. 13. 2013. С. 246–260.
6. *Бакштановский В.И.* Прикладная этика: инновационный курс для магистр(ант)ов и профессоров. (Часть первая): монография. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2011.
7. *Бакштановский В.И.* Прикладная этика: инновационный курс для магистр(ант)ов и профессоров (Часть вторая): учебное пособие. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2012.

8. *Бакштановский В.И.* У истоков концептуальной автономии инновационной парадигмы прикладной этики // *Ведомости прикладной этики*. Вып. 46. 2015. С. 210–252.

9. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Введение в прикладную этику: монография. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2006.

10. *Прокофьев А.В.* Автономия профессионала и автономия профессии // *Ведомости прикладной этики*. Вып. 50. 2017. С. 9–29.

11. *Прокофьев А.В.* Прикладная этика как проекция общих нравственных принципов (оценка теоретической модели) // *Ведомости прикладной этики*. Вып. 46. 2015. С. 30–62.

12. *Прокофьев А.В.* Профессиональная этика: форматы практической деятельности // *Ведомости прикладной этики*. Вып. 54. 2019. С. 19–40.

13. Этический кодекс психолога // URL:<http://ппо.рф/рпо/documentation/ethics.php> (дата обращения: 20.04.2022).

14. *Appelbaum A.I.* Ethics for Adversaries: The Morality of Roles in Public and Professional Life. Princeton: Princeton University Press, 1999.

15. *Freidson E.* Professionalism, the Third Logic: On the Practice of Knowledge. Chicago: Chicago University Press, 2001.

16. *Held V.* The Ethics of Care: Personal, Political, and Global. Oxford: Oxford University Press, 2006.

17. *Noddings N.* Starting at Home: Caring and Social Policy. Berkeley: University of California Press, 2002.

18. *Luban D.* Legal Ethics and Human Dignity. N.Y.: Cambridge University Press, 2007.

19. *Parsons T.* The Professions and Social Structure // *Social Forces*. 1939. Vol. 17. № 4. P. 457–467.

20. *Werhane P.H., Hartman L.P., Archer C., Englehardt E.E., Pritchard M.S.* Obstacles to Ethical Decision-making: Mental Models, Milgram and the Problem of Obedience. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

**Прикладная этика:
перспективы конструирования образовательных программ**

Аннотация. Статья посвящена перспективам разработки образовательных программ по направлению «Прикладная этика». Как исследовательской области прикладной этике удалось закрепиться среди гуманитарных наук, но её массовое преподавание в высшей школе по оригинальным образовательным стандартам до сих пор не началось. Эта неудача связана как с бесконечными реформами высшего образования, не дающими развернуть инновационные направления подготовки, так и с отсутствием ясных, понятных для абитуриентов, отличительных черт самого направления. С введением в действие нового перечня специальностей прикладная этика получит возможность развиваться в качестве полноценного двухуровневого фундаментального образования. Автор показывает, что для достижения успеха программе следует отходить от абстрактных теоретических моделей и строиться вокруг обсуждения самых острых моральных коллизий современности. Её проектирование должно предусмотреть создание дискуссионных площадок для организации диалога по ценностным вопросам всех заинтересованных сторон. Отсюда основными компетенциями образования в области прикладной этики должны стать навыки ценностной аргументации, умение обосновывать моральную позицию, прогнозирование этических рисков, способность видеть последствия непродуманных решений для морального состояния общества и т.д.

Ключевые слова: этика, прикладная этика, образование, образовательные программы, магистратура, ценности, ответственность.

Тема, заявленная в юбилейном выпуске «Ведомостей...», подводит итог развития прикладной этики в нашей стране длиной почти в 30 лет. Как исследовательская область она вполне состоялась и стала одним из признанных направлений гуманитарного знания. Простой запрос на РИНЦе дает более 10 тыс. публикаций, прямо посвященных прикладной этике, а статей со смежной проблематикой, касающихся, к примеру, вопросов профессиональной этики в разных сферах, набирается не меньше. Остается только сожалеть, что в стране существует лишь один активно работающий Научно-исследовательский институт прикладной этики при Тюменском индустриальном университете, и мизерное количество периодических изданий, посвященных этой исследовательской проблематике. Тем временем число моральных коллизий в окружающем мире растет; появ-

ляются сложные, иногда драматические дилеммы, затрагивающие огромное количество людей. Вспомнить хотя бы незавершившуюся до сих пор пандемию, где игнорирование индивидуально-ценностных оснований принимаемых решений едва не привело к серьезной конфронтации в обществе. В этом же контексте возникли острые проблемы, связанные с социальной справедливостью и заботой, и было заметно, что в российском обществе моральная рефлексия над этическими коллизиями такого рода просто неразвита. С первого взгляда может показаться, что размышления в этой сфере могут быть присущи любой обыденной точке зрения, но, как показала практика, дискуссии, идущие в СМИ на основе подобной рефлексии сводятся лишь к набору банальностей. Они не способствуют появлению новых подходов к решению острых конфликтных ситуаций.

Для тех, кто вовлечен в изучение современной этики и моральных конфликтов, нет сомнений, что в значительной степени этот пробел могло бы ликвидировать развертывание системы преподавания прикладной этики. Сейчас очевидно, что критическая масса исследований в этой области способна выйти на широкие образовательные площадки, причем как основного высшего, так и дополнительного образования. У прикладной этики в России есть очень интересные подходы и модели, которые могут применяться в различных сферах жизни общества, есть также качественные методические достижения в виде учебных пособий. Ещё с начала 2000-х годов, когда эта дисциплина получила признание как независимое направление подготовки, появились новые возможности в её преподавании. К середине двухтысячных в разных университетах было разработано несколько магистерских программ, но, к сожалению, успешно реализованной оказалась только программа в Санкт-Петербургском университете. По предположению, их было ещё около десяти, и не реализовались они не из-за отсутствия интереса к самой предметной области, а вследствие драматических событий, происходивших в образовании в то время. Именно тогда, с середины 2000-х, под видом очередного витка реформ образования начал осуществляться разгром уникальных университетов, имеющих серьезные научно-образовательные традиции, в виде объединений с другими вузами, упразднениями, расформированиями кафедр, целых факультетов и т.д. В этом хаосе, перед гуманитариями остро встала проблема выживания, уже не могло быть и речи о разработке на их основе новых образовательных программ и углубленной подготовки. Эти разрушительные процессы сопровождались сокращением, либо перераспределением бюджетных мест, даже там, где новые направления все-таки открывались, этих мест на них не оставалось. Коммерческие же

места по новому только появившемуся направлению, ещё не могли никого заинтересовать, особенно в нестоличных университетах. Интересно, что программы по прикладной этике, открываемые гуманитарными факультетами, иногда позиционировались как инновационные и даже прорывные, но в условиях бесконечных реформ, якобы направленных на модернизацию образования, они закрывались первыми.

На смену тенденции к инновации в начале 2010-х годов пришла идеология тотальной коммерциализации вузов, и программы, которые не могли набрать бюджет, больше не имели будущего. Другим важным моментом стал идеологический, выраженный следующим обстоятельством. Прикладная этика по своей сути является институтом гражданского общества, где большинство людей получают возможность обсуждать волнующие их темы. Но даже в вузах, где их развитие традиционно определялось большинством научно-педагогического коллектива, вместо демократических институтов была внедрена система жесткой иерархии, где начальствующие элементы иногда вообще не имели отношения к образованию. В сложной обстановке, когда коллективы оказались отчужденными от целей работы их университетов, говорить даже о самой близкой из всех прикладных этик – академической – стало почти невозможным. В некоторых аспектах различных драматических трансформаций ситуация доходила до абсурда: с высоких академических трибун говорилось об уникальной «корпоративной культуре университета», об управлении ценностями и имидже вуза, но в реальности эта культура целенаправленно уничтожалась, а все административные реформы высшего образования были направлены на замену образовательно-творческой университетской атмосферой идеологией безликого офиса, занятого «оказанием образовательных услуг». В этом контексте интересно сравнить количество статей об университетской культуре, написанных до 2012 года и позже. В последнее десятилетие к этой теме интерес пропал, ибо во многом исчезло само явление. Особая корпоративная культура вуза была в значительной степени вытеснена культурой административно-коммерческой организации, где царствуют обезличенные отношения и диктат формальных цифровых показателей.

С другой стороны, нельзя отменить вину за неудачу новых образовательных программ, лежащую на самих университетах. На практике никому из них, кто заявлял программу данного направления, и все же смог закрепить свой проект на административном уровне, не удалось ничего сделать для её настойчивого продвижения в образовательной среде. Также заинтересованному сообществу не

удалось создать пространство, где разработчики инновационных программ могли бы обмениваться опытом. В том числе совместно создавая и улучшая образовательные стандарты нового поколения. Если не сложилось профессионального академического сообщества, то не сложится и устойчивых принципов организации преподавания и всего учебного процесса. Кроме того, создателями не был сделан акцент на общественной значимости этих программ, и они «потонули» в общей массе различных однотипных образовательных услуг. В итоге никто из них так и не смог наладить связи с теми социальными институтами, которые могли бы заинтересоваться подготовкой выпускников, обладающих этическими компетенциями. Создавалась несколько парадоксальная ситуация: практики гуманитарной экспертизы и этического регулирования активно развивались, особенно в сфере бизнеса, но устойчивого запроса на академическое образование в этой области не наблюдается до сих пор. Это, кстати, серьезный симптом для университетов, в котором просматривается взаимное недопонимание: деловые организации, судя по всему, уверены в отстраненности высшего образования от жизни, а академические круги не могут найти с ними общего языка. Отсюда появляется иллюзия не востребоваемости этического образования, хотя основная трудность заключается не в его содержании, а в растущем отрыве высшего образования от общественных запросов. Очевидно, что деловой мир стремительно развивается, и ему уже непонятны традиционные формы обучения, замкнутые на стабильное расписание, растянутое на семестр, на неизменяемые программы и монологическую форму изложения. Требования последних дней – это дистанционный формат, модульная система, когда стандартный курс вычитывается за короткое время, а задания также выполняются в электронной форме [1]. Как мы понимаем, изменение формы преподавания также подразумевает коррекцию его содержания, но стремительно менять наполнение учебных курсов получается далеко не у всех вузов. Тем не менее, абитуриенты идут на такую программу, как правило, для того, чтобы поделиться собственным видением моральных проблем, но спикеры не всегда готовы их выслушать.

Несмотря на относительную неудачу в организации преподавания прикладной этики, выразившейся в крахе образовательных программ первой волны, это направление не было закрыто и продолжает существовать. Более того, если посмотреть на новый перечень специальностей, то с 2024 года закрепляется подготовка по прикладной этике с квалификацией «бакалавр» [2]. Получая прописку сразу на двух уровнях образования, прикладная этика избавляется от статуса «неполноценного» направления подготовки, неразличимого с

общей философией, и получает возможность развернуть фундаментальную образовательную стратегию, рассчитанную на 6 лет обучения. В таких условиях возникает вопрос – каким содержанием наполнить образовательные программы по прикладной этике, чтобы они не потерпели новую неудачу. Здесь речь уже идет не о краткосрочных курсах, нацеленных на передачу весьма поверхностных знаний, а о серьезной теоретической базе, на основании которой будущие выпускники смогут создавать свои образовательные и просветительские проекты в области прикладной этики.

На наш взгляд, следует иметь в виду несколько непростых внутренних факторов, без учета которых программы не привлекут внимания абитуриентов. Прикладная этика – это принципиально дискуссионная площадка, где теоретические выводы формулируются по итогам острых споров. Можно сказать, что таким же свойством обладает каждая наука, особенно социально-гуманитарная, и ни у одной из них нет согласия по базовым понятиям и методологическим основаниям. У прикладной этики ситуация несколько другая: она является дискуссионной площадкой, где спорят не только специалисты-ученые, но сталкиваются мнения профессионалов и простых людей, а точнее взгляды тех, кто желает выразить интересы общества. В терминологии защитницы этики заботы Дж. Тронто – это спор между «интерналистами» и «экстерналистами» [3]. Нередко он сводится к выяснению, кто из них является большим авторитетом при обсуждении моральных вопросов. Очень часто такого рода диалог начинается с требований, которые общество предъявляет различным профессиональным практикам, в то время, когда сами практики не всегда видят остроту назревших проблем. Но бывает и так, что сами профессионалы говорят об опасностях, которые общество не сразу видит. На пример, так в нашей стране происходит с академической этикой, где наиболее острые, критические высказывания раздаются со стороны ученых и педагогов. Общество же, если говорить об этой сфере, погружено в состояние апатии и, кажется, уже не верит, что систему образования можно сделать лучше. В других же областях общественное сознание не соглашается с тем, что профессиональные решения относительно больших групп населения могут приниматься только из узкокорпоративного понимания ценностей, без учета мнения этих групп. В этом плане роль специалиста по прикладной этике видится в том, как организовать диалог «интерналов» и «экстерналов» на взаимном уважительном уровне, а также показать им, что в обсуждении моральных вопросов не может быть авторитетов, а есть только совместный поиск приемлемых выходов.

Уточняя мысль Дж. Тронто, надо понимать, что диалог между профессионалом и общественным активистом о моральных коллизиях – отнюдь не только диалог между специалистом и дилетантом. В некоторых сферах «дилетанты» могут быть значительно больше вовлечены в предметную сферу, чем «профессионалы», например, «вечный студент», получивший несколько высших образований, может знать об академической культуре больше начинающего преподавателя. В современном мире трудно представить существование изолированных друг от друга профессий, как и полностью изолированных народов. Любой активист «со стороны» сам может быть успешным профессионалом в своей области, и поэтому он сравнивает ценностные стандарты своей практики со стандартами другой. Здесь речь скорее идет о ценностных основаниях конкретной практики двух вовлеченных сторон, но их понимание может быть различным. Допустим, роль адвоката в обществе представляется равным образом защита справедливости и бизнеса, в то время для общественного наблюдателя важно, чтобы справедливость все-таки превалировала над интересами бизнеса. Прикладная этика, актуализируя такой диалог, показывает, что, пожалуй, ни одна иная гуманитарная область знания не сможет сделать это лучше неё – не сможет лучше заострить вопросы о целях, ценностях и назначении важных областей социальной практики.

Понимая это, можно без труда представить набор компетенций будущего выпускника программы по прикладной этике. Такому специалисту надо уметь предвидеть моральные коллизии, продумывать аргументы сторон и возможные решения, прогнозировать их последствия для разных заинтересованных лиц, общественных групп и целого социума. В этом плане специалист по прикладной этике занимает промежуточное положение: с одной стороны, он сам выходит из академического сообщества, поэтому внимательно наблюдает и изучает существующие профессиональные практики. С другой – как обитатель общества, но обладающий повышенной моральной чувствительностью, понимает моральные запросы своего окружения и готов их выражать в различных дискуссиях.

Если обращать внимание на содержательную сторону обучения, то в силу дискуссионной специфики прикладной этики, образование по этому направлению должно методически строиться в виде практики обсуждения. Иначе трудно представить, как студенты обретут навыки формулирования моральной позиции и её аргументации. Именно дискуссионное содержание базовых предметов должно выходить на первый план и сталкивать различные позиции. Действующие ныне образовательные стандарты, предусматривающие огром-

ное количество лекционных предметов и почти полное отсутствие практических занятий, не особенно дают возможность преуспеть в этом направлении, но то же время, и не ставят непреодолимых препятствий. Современные стандарты отдают большое количество кредитов на практики, имеет смысл ориентировать их на формирование коммуникативных навыков. Можно бы предположить, что лучшее поле для них – дискуссионные площадки в СМИ, где обсуждаются различные острые вопросы и надо уметь точно сформулировать свою позицию, надежно её аргументировав.

Но не только нацеленность на организацию обсуждений по социально значимым проблемам должна отличать подготовку по прикладной этике. Такие обсуждения не хуже организуют журналисты, блогеры, либо специалисты по медиации. У направления должна быть отличительная ценностная черта, которая могла бы указать, почему общество не может обойтись без этой профессии. А также доказать, почему прикладная этика именно сейчас должна быть востребована: чем она меньше востребована, тем хуже для общества. Дело не только в том, что этика видит моральные риски и предсказывает ценностные столкновения, но опираясь на свои знания и опыт, она берет на себя ответственность за их предотвращение. Как и философская этика, она направлена не только на рассуждение, но, прежде всего на поступки, но только такие, которые осуществляются в неоднозначных ситуациях, связанных с моральными дилеммами. Согласно своему назначению, прикладная этика способна предлагать запутавшимся в ценностных ориентирах социальным практикам найти возможные, приемлемые для всех заинтересованных лиц выходы, которые не дадут этим практикам деградировать и отрицательно влиять на общество, и даже разработать программу конкретных действий для этого. Здесь уместно ещё раз напомнить вопрос основания такого вмешательства в профессиональную сферу со стороны «экстерналов», но надо отметить, что прикладная этика и называется *прикладной*, поскольку вмешивается не в сами профессиональные сферы, а только прогнозирует возможные последствия их деятельности. К примеру, у прикладной этики нет права предлагать принципы реформирования целых крупных отраслей, например, медицины и образования, но есть право и даже обязанность предвидеть опасности предлагаемых реформ и делать все, чтобы уведомить о них общество. Это уведомление уже представляется серьезным поступком, на который другие комментаторы не всегда окажутся неспособными. Конечно, для прогнозирования последствий важно иметь хотя бы начальные компетенции специалиста в этих областях, чтобы знать различные, порой противоположные модели их разви-

тия, например, альтернативные подходы к пониманию тех же педагогики и медицины, а точнее к их ценностному содержанию. Но принципиально дискуссионный характер преподавания, выстроенный вокруг обсуждения дилемм профессионально ориентированных практик, может частично передать требуемые знания.

Отсюда становится ясна главная задача прикладной этики, которую не может достичь ни одна другая образовательная область. Не предлагая готовых решений для выхода из ценностных столкновений, она берет на себя ответственность не допустить самых опасных, т.е. вредоносных решений. Разумеется, в пространстве коммуникативных практик, где единственно вращается прикладная этика, у неё нет административно-начальственных сил, чтобы противостоять им, но настоятельно предупреждать окружающих о существенных рисках, надеясь при этом на действие общественных сил, – это её обязанность.

В современном мире нельзя равным образом хорошо разбираться в тенденциях развития всех общественных институтов. Прикладная этика – эта громадная область исследований, где каждая сфера требует особых знаний. Стандарты третьего поколения, на основании которых изначально строились вузовские магистерские программы, фактически предусматривали лишь обзорную подготовку по всем разделам направления. По идее, разработчикам следовало бы сделать заметный акцент на одну из предметных областей, к примеру, на биоэтику, либо этику бизнеса, что допускалось логикой стандартов, но отчетливой профилизации учебных планов никто из разработчиков первой волны не предусмотрел. Это обстоятельство тоже не добавило привлекательности новому направлению, особенно для тех, кто желал получить от него конкретные навыки. Стандарты поколения «3++» исправили первоначальный пробел, и теперь создатели образовательных программ должны обязательно предусмотреть ведущий профиль, а в идеале – несколько профилей. Указанная особенность поможет разработчикам ориентироваться на конкретные запросы общества, а не давать общую информацию об основных проблемах прикладной этики. С другой стороны, современная образовательная стратегия должна не только отвечать на запросы, но и в каком-то смысле их формировать. Прикладная этика – разветвленная, серьезно теоретически нагруженная исследовательская область, и она часто открывает такие решения наиболее острых проблем, или такие новые горизонты человеческих отношений, о которых раньше говорилось редко. Благодаря ценностному поиску постепенно осуществляется гуманизация целых социальных областей, например, образования, медицины, социальной помощи. Справедли-

во утверждать, что, в идеале, прикладная этика должна стать особой сферой мысли, которая бы первой заявляла о моральной неприемлемости различных явлений, до сих пор существующих в рамках некоторых практик, и предлагала бы способы их искоренения.

Если подойти к конструированию программы по прикладной этике с указанных позиций, то становится понятным, на какого абитуриента она рассчитана. Программа будет интересной тем, кто уже имеет опыт работы в различных областях, но остался недоволен их ценностным состоянием, либо отношением к ним со стороны общества. Это тот, кто желает изменить отношения людей внутри своей профессиональной сферы (педагога и ученика, работодателя и работника и т.д.) и стремится узнать о существующих наилучших стандартах этих отношений. Такие абитуриенты, а потенциально и выпускники, обогатят программу своими профессиональными знаниями и дадут ей возможность развиваться дальше.

Список литературы

1. Бизнес-образование в России // URL: <капитаны-россии.рф/news/biznes-obrazovanie-v-rossii/>
2. Приказ № 89 Минобрнауки России от 1 февраля 2022 г. «Об утверждении перечня специальностей и направлений подготовки высшего образования по программам бакалавриата, программ специалитета, программ магистратуры, программ ординатуры и программ ассистентуры-стажировки» // URL: <https://fgosvo.ru/uploadfiles//npo/Pr_MON_89_01022022.pdf>
3. *Tronto J.* Who is Authorized to Do Applied Ethics? Inherently Political Dimensions of Applied Ethics // *Ethic Theory Moral Prac.* 2011. 14. P. 407–417.

Е.В. Беляева

УДК 172

Опыт преподавания прикладной этики в Белорусском государственном университете

Аннотация. Статья посвящена истории развития и презентации опыта преподавания прикладной этики в Белорусском государственном университете. Раскрываются содержание и организационно-методические основы преподавания различных дисциплин этого спектра. Характеризуется методика преподавания прикладной этики, возможности индивидуальных творческих проектов и дистанционного обучения, позволяющего индивидуализировать процесс образования. Подводятся итоги преподавания прикладной этики на предыдущем этапе общественно-исторического развития.

Ключевые слова: прикладная этика, методика преподавания, дистанционное обучение, биоэтика, этика бизнеса.

Введение

Судьба этики как академической дисциплины прекрасна и драматична. Драма определяется перманентными попытками структур, руководящих системой образования, «оптимизировать» не только этику, но и гуманитарное образование в целом. Прекрасное же состоит в том, что потребность в этическом осмыслении мира и нравственном поведении в людях сохраняется, поэтому и этика в стенах учебных заведений восстает, как феникс из пепла после каждого сокращения и реформы. Одним из способов самоспасения выступает развитие прикладной этики, которая являет собой бурно развивающуюся актуальную область знания и практики, а потому обладает привлекательностью для молодых людей, получающих образование и испытывающих потребность не только в поиске личностных смыслов, но и в этических ориентирах профессиональной деятельности. Понятно, что эта естественная заинтересованность реализуется в определенных социальных обстоятельствах, в структуре наличной системы образования, которая к тому же постоянно реформируется.

Преподавание прикладной этики в Республике Беларусь опирается на советскую традицию преподавания классической фундаментальной этики. В начале 90-х годов XX века этика как обязательная дисциплина присутствовала в большинстве высших учебных заведений. Постсоветский кризис привёл, с одной стороны, к сокращению ее ареала, а с другой – к расширению возможностей для творческой деятельности преподавателей. Были созданы совершенно но-

вые программы, написаны учебники и практикумы по этике, активно развивались новые методики с акцентом на активные формы обучения и самостоятельную работу студентов. Важную роль для всей организации этического образования в Беларуси сыграла разработанная профессором И.Л. Зеленковой теоретико-методическая модель преподавания этики, имевшая практико-ориентированный характер и содержащая значительный раздел, посвященный прикладным проблемам [3]. В рамках этой модели прикладная этика трактовалась как этика «открытых проблем», решение которых в максимальной степени опирается на моральный выбор личности, а не на формальные механизмы социального регулирования.

Между тем известно, что функционирование прикладной этики, в отличие от фундаментальной, осуществляется благодаря социальным институтам. К их числу относится не только благословенный НИИ прикладной этики Тюменского индустриального университета или Международный экологический институт им. А.Д. Сахарова при БГУ (развивающий этику экологическую и биоэтику), но в первую очередь реально действующие этические кодексы различных организаций, этические комитеты, решающие конкретные этические противоречия, что и обеспечивает эффективность прикладной этики. Степень распространенности таких институций и их действенность остается небольшой, однако за годы строительства суверенного государства в Республике Беларусь сложился социокультурный контекст, не препятствующий развитию прикладной этики ее энтузиастами. В данной статье представлен опыт преподавания прикладной этики в Белорусском государственном университете.

Множественность направлений прикладной этики

В области преподавания прикладной этики ее теоретические парадигмы [6] не реализуются в чистом виде и адаптируются к местным и текущим условиям. Большинство преподающих прикладные этические дисциплины вынуждены самостоятельно осваивать новое проблемное поле [8].

С конца 90-х годов XX века одним из направлений стало преподавание этики бизнеса, деловой этики, этики менеджмента и тому подобных дисциплин, заинтересованность в которых проявлял, в первую очередь, нарождающийся бизнес. Такое обучение часто выходило за стены университета и осуществлялось в самой бизнес-среде. Теоретико-методологические основания и конкретное содержание этих курсов определялись американскими стандартами. Написанные на русском языке учебные пособия пересказывали в понятном для местных читателей виде то, что было сказано в американских учебниках. Этот процесс был неизбежным, так как ни самого

бизнеса, ни его этической составляющей, и собственной традиции у нас не было. Сейчас «Этика бизнеса», «Этика управления», «Корпоративная этика» и прочие дисциплины такого рода включены в рабочие планы некоторых экономических специальностей вузов.

Другой вид прикладной этики, который бурно развивался в Беларуси – биоэтика, интерес к которой проявился не только со стороны профессиональных медиков и биологов, но и всего общества, которое обнаружило целые области жизни человека, не имевшие своего языка и голоса, целые пласты проблематики, которые никогда не обсуждались. Биоэтика оказалась «мостом в будущее» не только по мысли ее создателя В.Р. Поттера, но и для большого количества людей, вовлеченных в преподавание, внедрение, освещение в публичном пространстве биоэтической тематики. В этой области следует отметить подвижническую деятельность нашей коллеги Т.В. Мишаткиной, которая до последнего времени была душой и первооткрывателем сообщества исследователей и преподавателей биоэтики [4, 5]. Взаимодействие со структурами ЮНЕСКО и множеством коллег на постсоветском пространстве сделало белорусскую биоэтику значимой и узнаваемой. Различные биоэтические дисциплины преподаются во всех медицинских вузах страны.

Наконец, существует множество прикладных этических дисциплин, которые вводятся факультетами по профилю специальности. Так в Белорусском государственном университете изучаются: «Юридическая этика», «Судебная и прокурорско-следственная этика», «Этика социальной работы», «Этика социальных коммуникаций» «Безопасность и биоэтика в биотехнологии», «Профессиональная этика журналиста» и т. п., издаются небольшие учебные пособия [2]. Наряду с этим иногда реализуется возможность преподавать различные гуманитарные дисциплины как прикладную этику, раскрывая их аксиологические аспекты, затем переходя к нормативному регулированию процессов и отношений в какой-то сфере деятельности и, наконец, к конкретным проблемам, с которыми сталкивается работник данной сферы. При этом классический курс этики сохраняется только на факультете философии и социальных наук.

В последние годы появилась возможность ввести дисциплину «Современная прикладная этика» в магистратуре по философии. Хотя ее изучает мизерное количество обучающихся, это богатый в содержательном и методическом отношении курс, который ориентирован на их персональные интересы. После знакомства со спецификой прикладной этики и ее предметно-тематическими полями у магистрантов есть возможность выбрать те виды прикладной этики, на которых они сосредоточатся. Магистранты, закончившие бакалавриат

по специальности «философия», могут опереться на знания, полученные в ходе изучения курса «Этика», включающего прикладные разделы, и выбрать соответствующую тему магистерской диссертации. Магистранты же с другой базовой подготовкой также могут реализовать свои интересы, близкие к своей специальности или, наоборот, освоить нечто принципиально новое.

Методика преподавания

Методика преподавания прикладной этики, естественно должна соответствовать ее практическому инновационному характеру. Содержание программ по дисциплинам прикладной этики определяется лектором в соответствии с собственным представлением о тематическом наполнении каждого конкретного курса, с формальной же стороны они должны соответствовать общим требованиям к структуре и оформлению программ и пройти утверждение в учебно-методическом отделе университета. Затем программы размещаются в электронной библиотеке БГУ, а также доступны на образовательной платформе Moodle.

Проблемой для курсов прикладной этики является то обстоятельство, что разделение на лекции, семинары, управляемую самостоятельную работу и дистанционные формы обучения жёстко предписывается рабочим планом. Множество бюрократических требований приводит к тому, что основную часть курса по-прежнему занимают лекции, а не практические занятия. Прикладная этика оказывается не слишком практической. Поэтому лектору приходится изобретать интерактивные формы работы с аудиторией, разнообразить содержание и методику преподавания.

Хорошей формой вовлечения студентов в активную деятельность на лекции является краткое письменное задание (ответ на которое занимает не более 10 минут в конце занятия). Задание обязательно носит эвристический характер и не является контрольной работой. В частности поэтому, практика писания «записок к лекции» вызывает одобрение студентов, а задания, которые для них предлагаются – живой интерес.

В качестве задания для таких «записок к лекции» может выступать не только эвристический вопрос, но и мини-проект, создание интеллектуального продукта для решения определенной практической задачи. В прикладной этике, суть которой заключается в том, что в каждой новой ситуации этическое решение должно обосновываться и приниматься заново, проектная деятельность является очень востребованной.

Весьма интересные результаты были получены при выполнении задания по проектированию миссии Белорусского государствен-

ного университета [1]. Студентам предлагалось поучаствовать в переосмыслении социальной роли университета в современном обществе на основе опыта, полученного в ходе обучения в БГУ, а затем создать лаконичный и яркий рекламный слоган, репрезентирующий миссию своего университета.

Большое значение имеет также выполнение студентами индивидуальных творческих проектов (один за семестр), тематику и жанр которых они выбирают самостоятельно. Индивидуальный творческий проект начинается с выбора темы, значимой для морального сознания конкретного студента. Предполагается, что тема должна быть актуальной, интересной, практически значимой, желательной выходящей за пределы обязательного программного материала. Не менее значимым является и выбор жанра, в котором будет выполнен проект, так как он придает своеобразие форме выражения этического решения.

Простейшая форма – это эссе, посвященное анализу и разрешению актуальной дилеммы нравственного выбора. Нравственная проблема может актуализироваться на материале произведений литературы и других видов искусства. Но поскольку молодые люди в силу возраста привержены самым авангардным формам художественного творчества, то такое исследование требует самостоятельного творческого подхода, создания новых нормативно-ценностных критериев, применимых для анализа произведения. Одним из жанров творческого проекта является мини-социологическое исследование, на основе которого автор делает выводы о состоянии нравственных отношений в обществе и может предложить методы их улучшения. Были работы в жанре проекта рекламной или PR-компании этической идеи. Еще один жанр – разработка этических кодексов для необычных сфер деятельности или необычных кодексов для известных профессий. Полная свобода выбора позволяет студентам выявить проблемные с нравственной точки зрения области социального взаимодействия. Умение проблематизировать жизненные ситуации, в качестве требующих морального выбора и этического регулирования, становится важной компетенцией студента.

Дистанционное обучение является актуальным трендом образовательного процесса, а карантин и самоизоляция в период COVID-19 сделали его жизненно необходимым. Задолго до пандемии в БГУ была установлена электронная платформа Moodle, на базе которой преподавателям предлагалось размещать свои дисциплины. В 2020 году на эту платформу поневоле перешли все преподаватели, обнаружив как негативные аспекты такого способа обучения, так и новые возможности. Для них открылась возможность размещать все учеб-

ные материалы в удобной и постоянно доступной форме, чётко контролировать выполнение учебных заданий, реализовать интерактивное взаимодействие. Возможность подключаться удаленно резко повысила посещаемость студентов, способствовала индивидуализации процесса их обучения. Подбор множества заданий и интерактивное взаимодействие, соотносящееся со способностями каждого студента, возможность сохранять «цифровой след» обучения и возвращаться к нему, доступность проверки на антиплагиат и ведения рейтинга, индивидуальная организация пространства цифровых контактов – всё это относится к преимуществам электронного обучения. В области прикладной этики особо полезным оказался доступ к внешним электронным ресурсам, работая с которыми можно получить представление о ее фактическом функционировании в социальном пространстве.

Выводы

Преподавание различных дисциплин из области прикладной этики до настоящего времени происходило в условиях становления Республики Беларусь как независимого государства, был принят Кодекс об образовании, отражающий государственную политику в этом вопросе и позволяющий вузам реализовать определенные предпочтения в выборе тех или иных учебных дисциплин. Актуальность не столько фундаментальной, сколько прикладной этики достаточно ясно ощущалась по мере развития бизнес-среды и современной медицины, не говоря о подготовке студентов по гуманитарным специальностям. Ответом на эту потребность стала разработка программ и учебных пособий, электронных средств обучения и гибких методик преподавания. Опыт преподавания различных курсов по прикладной этике показывает, что и преподаватель, и студенты могут реализовать в них свои нравственные потребности в самостоятельном поиске решения своих нравственных задач. Таковы итоги преподавания прикладной этики в Республике Беларусь на данный момент. В эпоху тотальной непредсказуемости социального бытия говорить о перспективах не приходится.

Список литературы

1. *Беляева Е.В.* Проектирование миссии БГУ: эвристическое задание // Университетоведение: опыт и перспективы научных исследований и преподавания: материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 14 октября 2021г. / редкол.: В.С.Сайганова [и др.]. Минск, 2021. С.35-41.

2. Беляева Е.В., Врублевская-Токер Т.И., Жукова С.П. Прикладная этика: пособие / под ред. Е. В. Беляевой. Минск, 2016. 135 с.

3. Зеленкова И.Л. Теоретико-методическая модель преподавания этики // Ведомости. Вып. 38 / под ред. В. И. Бакштановского, В.В. Новосёлова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2011. С. 168–179.

4. Мишаткина Т.В. Экологическая этика и экология человека: учебно-методич. пособие. Минск. МГЭУ им. А.Д.Сахарова. 2008. 43 с.

5. Мишаткина Т.В. Педагогическая этика : учеб. пособие. Ростов н/Д: Феникс; Минск: ТетраСистемс, 2004. 304 с.

6. Парадигмы прикладной этики. Ведомости. Вып. 35, специальный / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2009. 252 с.

7. Прикладная этика: учеб. пособие / И.Л. Зеленкова, Е.В. Беляева, О.Л. Соловьёва и др. ; под ред. И.Л. Зеленковой. Минск: ТетраСистемс, 2002. 208 с.

УДК 17 378

**Цифровизация коммуникации и прикладная этика:
ценностная регуляция, ответственность и парресия***

Аннотация. Цифровой формат коммуникации открывает широкие возможности презентации эмоционально-оценочных мнений и переживаний. Это порождает проблему баланса между институтом свободы слова и совести, техническими возможностями их выражения, и – необходимостью обеспечения личностной и институциональной безопасности, минимизации репутационных рисков, других издержек. Цифровая формализация коммуникации, обеспечивая глубокую дивергенцию смысловых картин мира и соответствующей ценностной регуляции, одновременно создает их пересечения и наложения. Тем самым, сетевые коммуникации порождают конфликты различных смысловых картин мира. Возникает нетривиальная проблема этической экспертизы такого взаимодействия и ответственности за его результаты. Это выражается в необходимости нового осмысления ответственности – не только как социального института, но и как проявления субъектности, как источника, средства и результата социальной коммуникации.

Ключевые слова: комплексная гуманитарная экспертиза, прикладная этика, социальная коммуникация, фейки, ценностно-регулятивные системы, цифровизация.

Цифровизация – разработка и использование технологий, основанных на дискретности, алгоритмичности, вычислимости, программируемости – определяет облик современной цивилизации. Прежде всего, речь идет об информационно-коммуникативных технологиях в цифровом формате и их применении. Современные экономика, бизнес, государственное управление, политика, наука и образование, личная жизнь труднопредставимы без такого рода технологий. Они обеспечивают невиданные ранее доступ к информации, оперативность и масштаб ее позиционирования. Вместе с тем, такой масштаб и доступность порождают неоднозначные последствия: от появления новой (сетевой и экзистенциальной) ренты, связанной с монетизацией BigData, контроля и манипулирования, недобросовестного бизнеса и политического популизма – до формирования агрессивной коммуникативной среды, подпитывающей разобщенность

* Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 22-18-00591 «Прагма-семантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования».

и недоверие, буллинг, ущерб и угрозы репутации, здоровью, имуществу, жизни. Речь идет о серьезных вызовах не только экономического и политического, но правового, этического, даже антропологического характера.

В этой связи возникает запрос на комплексную гуманитарную экспертизу не только и не столько последствий применения таких технологий, но и их целей, хода разработок, реализации. Заметную роль в этой экспертизе может и должна играть прикладная этика, как в теоретико-концептуальном, так и практико-организационном планах.

Примером может служить так называемая проблема «пост-правды» и «фейков», которым посвящаются семинары и конгрессы, законодательные акты и методические рекомендации борьбы с ними. Между тем, в постановке проблемы, используемой терминологии немало поверхностной публицистичности в ущерб полноценному анализу. Однако то, что понятно и допустимо в публицистике, блогосфере, не всегда оправдано в научном анализе и экспертизе.

«Чистой» правды (истины) нет, и никогда не было, хотя бы в силу недоступности для человека всей полноты знания. И верификация или фальсификация на основе фактографии, как и сама фактография, рассматриваемая с разных позиций, могут критиковаться, оспариваться. Даже в естествознании верификация данных зависит от интерпретаций, заложенных в самом языке описаний, и определяется используемыми методами и инструментами. Так и в социальных науках исследуется скорее «правда +» и «правда –». В первом случае – это факт с добавками, упакованный в оценку, интерпретацию и т.д. Или добавление к факту других с ним не связанных фактов, но придающих иное звучание; либо комбинирование факта и фрагмента художественного фильма, упоминание известного литературного героя, персонажа. Во втором случае – это факт с изъятиями, умалчиваниями деталей. Но в обоих случаях имеет место не «пост», а скорее «мета» и «пре». А по сути дела, это – мнения, некие смыслы, которые можно и нужно далее анализировать на предмет соотношения с целями, намерениями, исходными и доминирующими установками. Верификация или опровержение любого контента зависит от социально-культурного контекста, соответствующих смысловых картин мира – представлений о реальности, свойственных конкретной общности.

Мир устной и отчасти письменной коммуникации соотносился с реальностью посредством описания ситуаций, апеллирующих к непосредственному опыту личности, вызывая соответствующие ассоциации. Фильтром достоверности выступал сам человек, его окруже-

ние. С возникновением печати добавился авторитет автора, издателя, а потом и журналиста. Появление кино, ТВ и экранной культуры добавило наглядной убедительности в формирование смысловой картины мира (чем активно пользуются современное кино и телепропаганда).

Возникновение электронных социальных сетей, блогосферы радикально изменило ситуацию. И не только потому, что возросло количество информации, а в силу того, что изменилось ее качество. Каждый блогер, каждый пользователь вносит свой контент, свое понимание и свою правду. Если традиционные медиа воспроизводили социальные значения, в определенной степени инвариантно нормативные, которые затем переводились в план личностных смыслов реципиентов, то новые медиа представляют в публичном пространстве сами личностные смыслы в виде непосредственно презентуемых эмоционально-оценочных переживаний. Собственно, такая ситуация и является питательной средой, бэкграундом «постправды» и «фейков», за которыми могут стоять не только расчетливое манипулирование, но и шутки, поспешные реакции, наивное доверие, непроверенные факты, спекуляция на оскорбленных чувствах... И это не утверждения, а мнение, на которое его транслятор «имеет право».

Ранее редакции, цензура фильтровали информацию на предмет соответствия принятой или доминирующей картине мира, теперь такой фильтр на выходе информации практически отсутствует. Современного автора информации интересует не ее соответствие реальности, а соответствие поставленной перед ним задаче воздействия. Перед троллями, заполонившими мировую сеть, зачастую ставятся вполне конкретные политические и бизнесзадачи, провокации, диффамации, а в лучшем случае – задачи отвлечения внимания от сути обсуждаемого.

Арсенал такого рода технологий чрезвычайно широк: адекватный контент в неадекватном контексте; ссылки на псевдоисточники; ложная, но ярко поданная информация; «скорректированная» реальная информация; осмеяние; несоответствие заголовков материалов их содержанию и т.п. Такие приемы хорошо известны в рекламе, пропаганде. В этом плане, фермы троллей, ботов и политические ток-шоу решают одну и ту же задачу – рассказывают о событиях, зачастую не имеющих отношения к непосредственной жизни людей, в определенном смысле – о фейковой жизни. Поэтому тема фейков пришла в подготовленный для них мир.

Некоторые факторы фейкового контента в той или иной степени всегда использовались в политической коммуникации: пропаганда, осмеяние, дезинформация, прямой обман и другие, хорошо из-

вестные формы манипулирования. Однако некоторые факторы связаны именно с возможностями цифровых информационных технологий. Такие усугубляющие ситуацию возможности связаны с роботизацией и алгоритмизацией коммуникативных процессов и практик. Начинается это с элементарного – с работы поисковых систем, когда пользователь редко доходит до сотой ссылки, ограничиваясь ссылками на первой странице, что только закрепляет лидирующее место этих ссылок для последующих пользователей. А изначальный интерес обеспечивается указанными выше факторами, выводя на первые позиции именно фейковый контент. При этом алгоритмизация формирования, подачи и оценки информации вывела в сеть тысячи и тысячи ботов, которые порождают сегодня 60% трафика онлайн. Жаловаться, предъявлять претензии в этом случае не на кого и некому.

В традиционном обществе люди полагались на авторитет жрецов, священников как представителей и интерпретаторов высшей воли. В обществе модерна они приучались опираться на собственное мнение. Современный маркетинг с опорой на Big Data смещает авторитетность. Влияние переходит к системам и алгоритмам обработки данных, которые, знают нас и о нас больше и лучше, чем мы сами. Именно на этом строится теория и технология «подталкивания» (nudge) – регулируемого поведения в коммерческом и политическом маркетинге. Полученные персональные данные используются для обучения нейронных сетей, а также для аналитики Big Data.

Формализация информационной базы коммуникации порождает вопрос о возможности систематизации смысловых картин мира, их структурировании и «привязки» к социально-культурным практикам. Многообразие видов социально-культурных практик может быть конкретизировано в концепции ценностно-регулятивных систем (ЦРС), обобщающей ранее предложенные идеи «функциональных систем» [6] «нормативных систем» [5], «нормативно-ценностных систем» [8, 52-62] и «логономических систем» [2; 13]. Такие системы определяются: (а) ценностным компонентом, который складывается из предмета, целей и средств деятельности; (б) нормативным компонентом, правилами, регулирующими осуществление деятельности; (в) способом организации социальной практической деятельности.

Практически вся социально-практическая деятельность может быть представлена как совокупность ЦРС в сфере производства, быта, отдыха, науки и т.д. Работа, отдых, поездка в транспорте, научная конференция, обед в кафе – все это конкретные ЦРС. Понятие ЦРС раскрывает механизм культуры как системы внебиологического наследования опыта и информации; как системы хранения и трансляции идей, «социальной памяти», «исторической коллективной памя-

ти», «надындивидуальной системы информации» и т.д. Участием в ЦРС осуществляется социализация личности как усвоение ею соответствующих программ социального опыта. В этом плане понятие ЦРС является фактически развитием и обобщением фундаментальной идеи Г. Фреге, Л. Витгенштейна, рассматривающих смысл как «способ данности». Каждый из таких способов данности задается в соответствии с определенными критериями, то есть рационально. Если рациональность понимать как устойчивую систему правил, норм и эталонов, принятых конкретным социумом для достижения социально-значимых целей, то эта трактовка также выражается в идее ЦРС (при этом каждая из ЦРС задает свой канон осмысления).

Специфической ЦРС является язык – социальная деятельность, реализующаяся в целях коммуникативного обслуживания других ЦРС, в том числе и самой себя. Опыт использования языка в конкретных ЦРС задает соответствующие дискурсивные практики, без освоения которых невозможно вхождение в сообщества: национальные, этнические, профессиональные, возрастные и т.п. В этой связи национальный язык (речь и письмо) оказывается путеводителем по совокупной системе ЦРС определенной культуры.

Способ осмысления и организация социально-культурных практик неразрывно связаны и взаимно стимулируют друг друга. Динамика развития ЦРС выражает этапы институционализации: от идей и неформального общения по их поводу до развитых институтов, вплоть до организаций и учреждений – в зависимости от регулярности и интенсивности коммуникации. Это позволяет рассматривать динамику институционализации смысловых структур как переход от личностного знания к знанию, с одной стороны – все более распределенному, а с другой – формирующему общности единомышленников, вплоть до социальных институтов. На первых этапах институционализации ведущую роль играет смысловой аспект, на поздних этапах – социальный. Поэтому институционализированные формы осмысления, рутинизированные в некоторые профессии, специальности и дисциплины, представляют собой «отлившиеся» в институциональные формы социальной организации виды осмысления. С этой точки зрения, как писал С. Тулмин, каждое научное понятие – это интеллектуальный зародыш научно-исследовательского института или лаборатории, которые – суть институционализированные понятия [7]. Аналогичные стадии проходят ЦРС в бизнесе, политике, религии, искусстве. Поэтому, в принципе, концепция ЦРС дает ответ на главный вопрос институционализма в теории экономической социологии, политологии [4] – как формируются социальные институты.

Современные коммуникативные технологии создают уникальную ситуацию: с одной стороны, возможность глубокой дивергенции ЦРС различного уровня и практик, а с другой – возможность их пересечения и наложения. Сетевые коммуникации создают (если не умножают) конфликты различных смысловых картин мира, связанных с различными ЦРС.

Возможна ситуация, когда намерения наслаиваются друг на друга, порождая масштабные трагедии. Так, 13-летняя девочка из мусульманской семьи в городе неподалеку от Парижа часто прогуливала занятия и однажды соврала своему строгому отцу, что якобы учитель истории Самюэль Пати на уроке по свободе слова решил показать детям карикатуру на пророка Мохаммеда, а когда девочка стала спорить с учителем, тот отстранил ее от занятий на два дня. Возмущенный отец выложил в Facebook несколько своих гневных обличительных видео, в которых назвал Пати «бандитом», призвав к его увольнению, и сообщив, где находится колледж. К его призывам подключился исламский радикальный активист. На эти посты обратил внимание 18-летний Абдуллах Анзоров, переехавший еще ребенком во Францию из Чечни. 16 октября 2020 года Анзоров убил Пати, обезглавив его на территории колледжа. При попытке задержания Анзоров был застрелен полицией.

Во Франции прошли многотысячные акции памяти Пати. Учителя посмертно наградили высшим знаком отличия Франции – орденом Почетного легиона. А в мусульманских странах началась кампания против французских властей и лично президента Э. Макрона – их обвинили в оскорблении религиозных чувств мусульман. Действия французских властей резко осудил известный своей воинственностью глава одного из российских регионов. Тело Анзорова было вывезено на родину и похоронено по традиционному ритуалу. Медийно раскрученный боец ММА выложил в сетях фотографию Макрона, сопроводив ее текстом: «Да обезобразит Всевышний лицо этой твари и всех его последователей, которые под лозунгом свободы слова оскорбляют чувства более полутора миллиардов верующих мусульман» [11]. Так детская закомплексованность и воображение породила цепочку заявлений и событий, вовлекая все новых и новых людей. В результате чего мелкая бытовая детская ложь разрослась до трагедии международного масштаба.

Возникает вопрос о возможности выработки (нахождения) некоего «общего знаменателя» таких множеств ЦРС. И это не только проблема этакого суверенного смыслового «блокчейна», некоей суверенной платформы распознавания и идентификации смыслов, которая представляется практически нереализуемой на таком пластич-

ном и динамичном материале, как социальная коммуникация, изначально предполагающая субъектность, прокреативность ее участников. Фактически речь идет об аналоге теоремы Гёделя – о невозможности полной формализации человеческого знания, в том числе – транслируемого в коммуникации. И если это относится даже к наиболее точному знанию – математическому, то в еще большей степени – к знанию гуманитарному, включая историческое (не говоря уже о таком пластичном феномене, как историческая память с ее несколькими лагами динамики).

Поэтому решение задачи видится в учете неформализуемого «остатка», а точнее, ядра коммуникации – учете личностного фактора.

Выявляется сущность проблемы фейков и постправды – дело не столько в фактчекинге (верификации) транслируемого контента, сколько в ответственности за этот контент. Если коммуникация мотивирована, интенциональна, то главным в ней становится вменение намерений, породивших контент. Понимание другого – суть понимание не столько значения используемых им слов, сколько намерений, с какими он вступил в общение. И это глубже, чем фактчекинг. Вменение – это установление субъектности, «точки сборки» ответственного самосознания, когда «невозможно заставить себя верить во что-то, одновременно зная, что это ложь. Поэтому самообман не может существовать. Попытки разрешить парадокс как обманщику обмануть себя не имели успеха. Эти попытки обычно включали создание разделенного себя, рассматривая одного из них неосознающим» [10].

Такое вменение может оказаться трудно выполнимым. Намерения, как уже отмечалось, могут быть связаны с наивностью, повышенной эмоциональной реакцией на происходящее. Так в приведенном выше случае со школьницей-прогульщицей, ее отец, по его словам, не желал вреда учителю, а только «хотел быть хорошим отцом». Или намерения могут тщательно скрываться, как и автор, который может быть вымышлен, обозначен неким псевдонимом, «ником». Поэтому в адресанте при серьезной аналитике следует различать автора и актора-инициатора. Причем такой инициатор может тщательно скрываться. И тогда задача разрастается до выявления источника намерений создания данного контента, субъективация подлинного актора, скрывающегося за реальными и вымышленными авторами. В случае исторического материала такая аналитика может стать делом поколений исследователей.

Или такое вменение, в силу возможностей и масштабов вовлечения участников в современные сетевые коммуникации, оказывается распределенным, что также становится задачей достаточно слож-

ной. Так, в рассмотренном выше кейсе со школьницей-прогульщицей, убийство Пати было расценено следствием как террористический акт. Обвинение было предъявлено 12 лицам: девочке; ее отцу, устроившему кампанию в сети; активисту, который вывел эту кампанию на новый уровень; друзьям Анзорова, подвозившим его до колледжа и знавшим о его намерениях; ученикам колледжа, показавшим за 300 евро Анзорову Пати, который не скрывал, что намерен навредить учителю. Школьница была помещена под надзор правоохранительных органов и в другое учебное заведение. Распределение такой ответственности, ее степени – задача, с очевидностью, нетривиальная.

С особой остротой это выявилось во время коронавирусной пандемии, когда для людей, оказавшихся в условиях карантина, основным источником информации стал Интернет. А поскольку экзистенциальные угрозы всегда были и останутся главной новостью для человека и человечества, в сеть обрушился поток домыслов и слухов, которые вызывали повышенный интерес и внимание – особенно на фоне противоречивых заявлений официальных инстанций.

Современные технологии дают исключительные возможности контроля информационного потока, манипулирования им, а «наличие большого числа дезинформированных людей в обществе является абсолютно разрушительным...» [12]. Эта тенденция чревата стрессами и конфликтами. В сочетании с пропагандой прав человека с нарушением баланса прав и ответственности возникает агрессивная коммуникативная среда, подпитывающая буллинг, ущерб и угрозы репутации, здоровью, имуществу, жизни. В ситуации дивергенции смысловых картин мира, взаимного недоверия, перегретых сетевым самовозбуждением ожиданий достаточно искры...

Поэтому правительства были вынуждены включиться в борьбу с такой информацией. Первыми такие меры в форме запретов, штрафов и уголовной ответственности приняли правительства России, Соединенного Королевства, Китая. Спустя несколько месяцев такие меры приняли Иран, Саудовская Аравия, Египет, Турция, ряд Балканских государств. Генеральная Прокуратура РФ регулярно требует заблокировать то ролики о чипировании населения, то статьи о российском происхождении коронавируса, то сетевое сообщество противников самоизоляции, то ролики об узурпации власти олигархами [1].

В большинстве стран мониторинг, контроль контента возложены на онлайн-платформы. Если предписания не исполняются, то к ним применяются штрафные санкции, доходящие до 5 000 000 евро. Еврокомиссия разрабатывает проект законодательного акта Digital

Service Act, призванного регулировать прозрачность соцсетей и интернет-компаний.

Некоторые провайдеры и агрегаторы новостей стали бороться с фейками самостоятельно, без напоминаний и контроля со стороны государства. Первым приступил к такой практике Facebook, затем к нему стали подтягиваться и другие. В России агрегатор Дзен также занялся очисткой контента от фейков с помощью журналистов.

Разумеется, без таких практик запретов и контроля не обойтись. Однако ограничение ими недостаточно, а то и опасно. И они не всегда находят поддержку, а иногда трактуются и воспринимаются как ущемление прав и вызов демократии. Дело не только и не столько во внешнем контроле, который опытные манипуляторы уже научились использовать. Ключевым является баланс между нормативным регулированием и саморегулированием участников современной публичной коммуникации – не только провайдеров, но и самих производителей и потребителей контента.

В этой связи ответственность за отбор и критерии достоверности сместились от источника к адресату, реципиенту, который к этому не готов или даже просто не хочет об этом думать. Разрешение конфликтов, преодоление стрессов предполагает стереометрическое и даже стереоскопичное восприятие информации, нелинейную культуру получения и формирования более полной картины происходящего и его осмысления. Формирование такой культуры еще только начинается.

Поэтому важную роль играет просвещение самих участников коммуникации, ее адресантов и адресатов. По такому пути пошли Нидерланды, Дания, Швеция. В 2018 году в России военными службами были разработаны Методические рекомендации по разоблачению фейковых обвинений в адрес ВКС России в Сирии [3].

Более того, возникает запрос на ответственную речь, реализуемую не только посредством социального контроля, но и с помощью самостоятельной фильтрации информационного потока, стремления к источникам достоверной информации, персонам ответственно ее представляющим. Помимо технологических и институциональных мер, все большую роль играет самоограничение и личная ответственность не только политиков, экспертов, журналистов, блогеров, других лидеров общественного мнения, но и аудитории, отдельных пользователей.

Расширение доступности публичной коммуникации в сочетании с идеей прав на свободу самовыражения создали дисбаланс между правами и ответственностью. В ситуации прямой трансляции эмоционально-оценочных переживаний, приводящих иногда к драмати-

ческим трагическим последствиям, оказывается, что автор ничего не утверждал, а только высказывал свое мнение, на которое он имеет право.

Можно говорить о созревании условий для пересмотра оценки М. Фуко перспектив концепта парресии применительно к современным дискурсивным практикам [9].

Не исключено, что речь может идти о возрождении феномена парресии как ответственного публичного слова, реализующего публичную речь как поступок (вменяемое действие), в новом формате и масштабе. Об ответственности не только за транслируемый контент, за последствия его трансляции, но, прежде всего, – за сам факт взятия слова. Ответственность за взятое слово – вызов морали коммуникации, если не новое ее качество или просто новая мораль.

Таким образом, практики современной коммуникации выводят на первый план проблему ответственности в ее комплексном выражении – как интеграцию социального контроля в правовом и моральном формате с личностным выбором в истоке, процессе и результате коммуникации.

Список литературы

1. Генпрокуратура требует заблокировать ролики о чипировании населения. URL: <http://politsovet.ru/66355-genprokuratura-trebuetsablokirovat-roliki-o-chipirovanii-naseleniya.html> (дата обращения: 26.02.2022).

2. Ильин М.В. Логономические системы: рефлексия, осмысленность и вербализация действия //Социальная семиотика: точки роста. СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 30-32.

3. Методические рекомендации по разоблачению фейковых обвинений в адрес ВКС России в Сирии. 2018. URL: // <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/135803/> (дата обращения: 18.10.2021).

4. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгааст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Ин-т Гайдара, 2011. 480с.

5. Розов М. А. Проблемы эмпирического анализа научных знаний. Новосибирск: Наука, 1977. 222 с.

6. Соколов Э. В. Культура и личность. Л.: Наука, 1972. 228 с.

7. Тулмин С. Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984. 328с.

8. Тульчинский Г.Л. Тело свободы: Ответственность и воплощение смысла. СПб: Алетейя, 2019. 470 с.

9. Фуко М. Речь и истина. Лекции о парресии (1982-1983). М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2010. 384 с.

10. Bandura A. Self-deception: A paradox revisited // Behavioral and brain sciences. 2011. Vol. 34. No. 1. P. 1-56.

11. France 2: даже не присутствовала. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2021-03-09/France-2-dazhe-ne-prisutstvovala> (дата обращения 13.03.2022).

12. Gray R. Lies, propaganda and fake news: a challenge for our age. 2017. URL: www.bbc.com/future/story/20170301-lies-propaganda-and-fake-news-a-grand-challenge-of-our-age (дата обращения 01.09.2021).

13. Hodge R., Kress G. Social Semiotics. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1988. 280 с.

В.Ю. Перов, В.В. Головкин

УДК 174

Прикладная этика: «цифровое» переосмысление*

Аннотация. Прикладная этика возникла в двадцатом веке на фоне разнообразных факторов, основным из которых явился научно-технический прогресс и его продукт – технологии. Дискуссии прошлого были сосредоточены на обосновании необходимости данной дисциплины и на её парадигмах. В настоящее время подобные вопросы представляются вторичными, однако историческая ретроспектива позволяет с большей точностью оценить состояние актуальных этико-прикладных проблем. Предпринятый в статье анализ приводит к выводу, что на сегодня самыми влиятельными, имеющими этическое значение, факторами являются цифровые технологии. Они же, в силу своей распространённости, изменяют как общество в целом, так и прикладную этику в частности. Цифровые технологии побуждают пересматривать такие этические понятия как: моральный агент, который не обязательно должен быть даже живым; ответственность, которая перестаёт мыслиться как исключительно причинность и виновность субъекта действия; доверие, которое становится одним из главных факторов моральной легитимности; идеалы достоинства и автономии личности в контексте использования персональных данных как инструмента технологического прогресса. Закономерным итогом развития прикладной этики с этой точки зрения является появление профессионалов нового типа, сочетающих в себе как этико-прикладные знания, так и специализированные компетенции в сфере технологий. Для появления подобного рода специалистов крайне важно установление и развитие повсеместного этического образования.

Ключевые слова: прикладная этика, цифровые технологии, моральный агент, ответственность, доверие, приватность, персональные данные, профессиональная этика.

Прикладная этика как относительно самостоятельная область исследований и практической деятельности появилась во второй половине XX века. Её зарождение сопровождалось дискуссиями, в частности, о необходимости подобного выделения. Несмотря на то, что в настоящий момент этот вопрос скорее исторический, дискуссии об особенностях становления прикладной этики не утихают. Обращение сегодня к дискуссиям этапа становления прикладной этики позволяет

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ № 22-28-00379.

не только лучше понять ее современное состояние, но и дать прогноз в отношении будущего развития этико-прикладного знания и соответствующих практик.

Следует отметить, что 2022 год является для отечественной традиции прикладной этики юбилейным. *Во-первых*, 80-летний юбилей профессора Владимира Иосифовича Бакштановского, чьи усилия по становлению и развитию отечественной прикладной этики трудно переоценить. *Во-вторых*, 10 лет журналу «Ведомости прикладной этики», 60 выпусков которого вместе со своим предшественником (до 2012 года журнал именовался как «Ведомости») во многом представляют полноценную картину современных этико-прикладных исследований. *В-третьих*, 40 лет назад на страницах журнала «Вопросы философии» была представлена дискуссия по поводу статьи В.Т. Ефимова «Этика и моралеведение». Центральным её вопросом стало обсуждение необходимости выхода этики за границы философии морали. Инициатор дискуссии полагал, что современной философской этике не хватает знаний других наук, что говорит о важности появления дисциплины, включающей нефилософские знания о морали. Проведение междисциплинарных этических исследований заявлялось как запрос современности. Речь шла о выделении принципиально новой, самостоятельной научной дисциплины, которой должно было стать моралеведение, содержащее конкретно-теоретические знания: «Опыт свидетельствует о том, что продуктивность этико-моралеведческих разработок значительно возрастает, когда авторы оказываются компетентными в смежных науках» [2, 71]. Таким образом, моралеведение рассматривалось как «наука, изучающая генезис, структуру, функции морали, закономерности развития нравственности, взаимодействие общественной и индивидуальной морали» [2, 69].

В качестве важной части моралеведения В.Т. Ефимов выделял вопросы этического образования и нравственного воспитания, имеющие непосредственное отношение к профессиональной морали: «Курс нашей партии на интенсификацию труда, максимальное использование научного и производственного потенциала в осуществлении поставленных съездом задач в области экономического и социального развития нашей страны неотъемлем от развития в рабочих таких профессионально-нравственных качеств, как добросовестность, инициативность, дисциплинированность, исполнительность, коммунистическое отношение к труду и общественной собственности» [2, 72]. Актуальность данных аспектов обосновывалась заинтересованностью в них профессиональных сообществ, для которых всё более очевидным становилось влияние морали на эффективность и

интенсификацию производства. В связи с этим, в обществе формировался запрос как на профессионально-нравственное воспитание, так и на практико-ориентированное этическое образование. Так, В.Т. Ефимов отмечал, что «за последние годы интерес к разработке практически значимых проблем морали заметно возрос. Об этом в какой-то мере могут свидетельствовать проведенная в г. Владимире (сентябрь 1980 г.) научно-практическая конференция по профессиональной морали, в г.Тюмени (апрель 1981 г.) научно-практическая конференция, посвященная вопросам нравственной жизни коллектива и планированию воспитательной работы. В этих и других городах и регионах ведутся исследования прикладных вопросов теории морали, и прежде всего, профессиональной морали, морально-психологического климата в коллективе, разрабатываются методики, проводятся с производственниками “деловые игры” и т.д.» [2, 72]. Если первый вопрос решался в рамках профессиональной этики, то для решения второго предлагалось создание новой образовательной дисциплины на базе моралеведения.

Следует отметить, что многие участники дискуссии отнеслись к идеям В.Т. Ефимова скептически, особенно к требованию выделения моралеведения в качестве самостоятельной – по отношению к философской этике – дисциплины. Основные выдвинутые возражения можно сформулировать следующим образом. *Во-первых*, этика уже является прикладной дисциплиной. Ещё Аристотель нарёк её практической философией. Подчёркивалась невозможность отделения теории от практики, следовательно, нужно продолжать развивать этику в привычном её понимании. *Во-вторых*, самостоятельность прикладной этики предполагает обладание отличной от классической методологией и весомой специфичностью, в чём многие исследователи сомневались. *В-третьих*, подвергалась сомнению возможность отделения этики от философии без потери самой этики: «самым серьезным и основательным аргументом здесь является живой опыт научного познания. А он свидетельствует, что в истории познания вряд ли можно найти хотя бы одну философско-этическую систему, которая не была бы теорией морали, или развитую теорию морали, которая не была бы философско-этической» [1, 81]. *В-четвертых*, в отношении идеи междисциплинарности отмечалось, что это уже происходящий процесс, который и так обогащает этическое знание без выделения моралеведения из философской этики: «Несомненно также, что тесная связь с целым комплексом конкретных наук, накапливающих огромную информацию о состоянии реальной нравственности (история, социология, психология, педагогика, культуроведение, сравнительное правоведение, судебная медицина и др.), неизбежна»

[6, 89]. Тем не менее, ядром этики как междисциплинарной дисциплины всё равно остаётся философия, а данные других наук должны тщательно отбираться. Нельзя просто так брать их достижения, необходимо подвергать их этической обработке.

Если подвести краткие итоги, то можно сказать, что в ходе инициированной В.Т. Ефимовым дискуссии были выделены ключевые моменты, на которых плодотворно развивалась новая этическая наука прикладного толка. Следует согласиться, что это было продиктовано ускоряющимся научно-техническим прогрессом и быстрыми социальными изменениями, в связи с чем имеющийся как теоретический, так и практический опыт исследования и решения моральных проблем оказался недостаточным. Моралеведение по замыслу должно было на стыке философского и прикладного знания, сформировать новый стандарт профессионала: человека, который помимо компетенций специалиста, обладал бы знаниями и умениями в сфере этики. Иные же исследователи не во всём разделяли пыл автора, «охлаждая» его рассуждения разумными критическими замечаниями, что, несомненно, положительно отразилось на формировании прикладной этики и её обосновании как отдельного, но тесно связанного с философией морали знания.

Стоит отметить, что именно в это же время подобные дискуссии проводились и зарубежными исследователями. В качестве примера можно обратиться к аналогичному обсуждению, которое было опубликовано в 1984 году на страницах журнала «The Monist». В целом, поднимаемые вопросы в данных дискуссиях похожи, если не принимать во внимание особенности используемой терминологии и марксистскую специфичность отечественного обсуждения. Например, обсуждались междисциплинарность прикладной этики и её связь с технологиями: «“Прикладная этика” будет применяться здесь для более широкого обозначения использования философской теории и методов анализа в решении фундаментальных морально-этических проблем в профессиях, технологиях, государственной политике и тому подобном» [8, 515]. Итоги так же похожи: идея о прикладной этике вне философской была воспринята со скепсисом, а в некоторых случаях даже принципиально отвергнута: «Прикладная этика является препятствием для понимания того, что происходит на самом деле. В некоторых случаях она защищает власть от критики, в других – скрывает общую моральную важность происходящего. Прикладная этика основана не просто на ошибке, а на ошибке, которая оказывает пагубно влияние» [9, 512].

Что изменилось за прошедшие почти полвека? С одной стороны, прикладная этика стала общепризнанной частью этических ис-

следований. В этом плане фокус дискуссий сместился с вопросов о том, что такое прикладная этика на проблематику: «какая она бывает» и «какой она должна быть». Например, в рамках дискуссии на страницах журнала «Ведомости прикладной этики» вопрос о необходимости её существования уже не обсуждался (а если и был, то только в рамках состоятельности использования слова «прикладная», но не в отношении её самой) [5]. Центром обсуждения стал вопрос о парадигмах прикладной этики, что говорит о некотором конвенциональном принятии данной научной дисциплины. С другой стороны, до сих пор встречаются исследователи, которым не даёт покоя название. Вопрос, возможно, интересный, но насколько важно, как мы называем данную науку: прикладной этикой, практической этикой или моралеведением, если суть и дисциплина остаются прежними? Да и насколько можно утверждать, что название связано именно со спецификой прикладной этики, а не по аналогии с другими прикладными науками? Тем более, что существуют иные, более важные темы для обсуждений.

Как можно было увидеть, дискуссии о прикладной этике разворачиваются уже ближе к концу XX столетия. И встаёт закономерный вопрос: «Почему именно в это время?». В начале прошлого века начался аналитический поворот в рамках философской этики, исследователи стали делать упор на вопросы логического и лингвистического анализа этической теории. В результате этих процессов появляется метаэтика как отдельная дисциплина в рамках моральной философии. Вместе с этим практические вопросы, которые были присущи этике ещё с античности (хотя занимали в ней меньше места, чем теория), отошли на периферию философских этических дискуссий. В результате сложилась ситуация, когда философская этика всё в меньшей степени могла предлагать ответы на возникающие моральные вызовы. Чем же обусловлен поворот к прикладной этике? Не претендуя на исчерпывающее объяснение, можно выделить следующие блоки процессов и событий, актуализировавших практическое и прикладное значение этики.

1) *Войны, наука и технологии*. Мировые войны, произошедшие в первой половине двадцатого века, оставили неизгладимый след на культурном «теле» современного общества. Их масштабы и жертвы, передовые технологии, нацеленные на убийство, применение оружия массового поражения – всё это перевернуло мировоззрение интеллигенции того времени. Рефлексия Первой мировой отторгала даже мысль о возможности допущения конфликта подобных масштабов не то, что в ближайшем будущем, но когда-либо вообще. К сожалению, всего лишь 25 лет спустя, началась Вторая мировая война, своими

разрушениями ещё больше потрясая человечество. Апогеем ужасов войны стало применение ядерного оружия, продемонстрировавшего опасность научно-технических достижений. Последующее раскрытие нацистских преступлений (и не только в области биологии и медицины) продемонстрировало опасности свободных от морали научных исследований и технологических разработок, которые могут быть использованы для массового целенаправленного уничтожения людей. Данные события явили миру недостаточность этики «на бумаге», а вера «Проекта Просвещения» в безусловное благо научно-технологического прогресса рухнула, вызвав лишь разочарование. Это привело, как минимум, к необходимости переосмысления, саморефлексии этики. Стало ясно, что без её действенного участия в насущной жизни, она теряет значительную часть себя, уходит от позиционирования себя как проявления практического философского знания в мире.

2) *Социальные трансформации.* Важную роль в процессе становления прикладной этики сыграли социальные изменения и движения. И здесь не обошлось без влияния технологий. Как минимум можно выделить следующие аспекты. *Во-первых*, внедрение технологий в производство, с одной стороны, сделало последнее более открытым, с другой – потребовало подготовки высококвалифицированных кадров. Именно во второй половине XX века по всему миру, в том числе и в СССР, начинается массовизация высшего, особенно инженерного образования. Но если говорить о западном обществе, то оказалось, что для этого численности такой социальной группы как «белые мужчины» явно не хватает. Возникла потребность предоставить равные права на образование и участие в трудовой, а значит и в любой другой социальной жизни тем, у кого они были ограничены. *Во-вторых*, развитие информационных технологий привело к формированию массовой культуры, массмедиа и расширению публичной сферы, что обеспечило вовлеченность большинства людей в решение таких вопросов. Социальные проблемы, выносимые на повестку дня, такие как аборт, права цветного населения, права женщин и т.п. перестали быть далёкими и абстрактными, а потребовали практических моральных решений. Таким образом, можно сказать, что само общество сформировало запрос на появление прикладных этик.

3) *Научно-техническая революция.* Комплекс данных процессов уже упоминался: в войнах применялись передовые технологии, технологии изменили рынок труда и образования, возникновение и расширение массовой культуры также не обошлось без использования плодов науки и технологий того времени. Научно-технический

прогресс был и раньше, но его темпы в XX веке значительно опережали темпы прошлого. При этом обнаружилось, что философская этика зачастую не успевала за научными и техническими достижениями. Это во многом объяснимо, учитывая, что на рефлексию и анализ чего-то нового требуется время. Начиная с середины XX века, это отставание стало принимать критические значения. И в настоящий момент мы сталкиваемся с этическими проблемами в стремительно развивающихся научно-технологических и связанных с ними сферах. С каждым годом повышается запрос на этическую компоненту в передовых технологических исследованиях и профессиях, как от самого сообщества профессионалов, так и от общества в целом. Возникает потребность в новых людях, обладающих знаниями как научными, так и этическими. Вопрос заключается в том, действительно ли эффективнее будет профессионал междисциплинарного толка, или же лучше составить модель сотрудничества двух экспертов: из области передовых технологий и прикладной этики? Новые технологии поставили новые проблемы, заставившие переосмыслить некоторые прежние. В частности, возникли три базовых вопроса, нуждающиеся в новом осмыслении.

Во-первых, вопрос о природе и сущности морального агента. Одно время казалось, что эпоха Просвещения дала ответ на него устами Канта, провозгласившего свой категорический императив, применяемый по отношению к существам разумным. Однако двадцатый век, посредством этических размышлений В.Р. Поттера, Г. Йонаса и Х. Ленка, заявляет о необходимости морального отношения к иным агентам. Например, речь идёт об окружающей среде, о животных, наполняющих её, о будущих поколениях. При этом важно, что многие из авторов связывают необходимость переосмысления морального агента именно с развитием технологий. В частности, Х. Ленк пишет: «Природа в целом и в своих частях стала уже моральным субъектом, по меньшей мере, в негативном смысле этого слова на фоне огромных масштабов разрушительной деятельности человека по отношению к ней» [4]. Кроме того, в настоящий момент цифровые технологии ставят подобный вопрос в отношении морали машин. Некоторые исследователи в своих размышлениях заходят ещё дальше, рассуждая о возможности существования Искусственных Моральных Агентов, например, в виде искусственного интеллекта. Таким образом, в отличие от традиционного понимания морального агента, подобным статусом призывают наделять не только людей. Не имея возможности детального рассмотрения теоретической и практической обоснованностей таких предложений (хотелось бы отметить крайне скептическую позицию авторов этой статьи), следу-

ет отметить в качестве позитивного результата данных дискуссий возросший интерес к природе морального агента. В современной этике всё более актуальными становятся вопросы о критериях и характеристиках, на которые необходимо ответить для формирования целостной непротиворечивой концепции морального агента.

Во-вторых, это проблема ответственности, которая также тесно связана с проблемой морального агента. Традиционная этика рассматривает вопросы ответственности, связанные с причинностью (быть причиной) и личными переживаниями (виновностью) субъекта действия. В XX веке концепция ответственности дополняется размышлениями Г. Ионаса, Х. Ленка и других, зачастую в связи с бурным научно-техническим развитием. Г. Ионас отмечает, что «Сохраняющийся за человеком мандат предъявляет к нему достаточно требований и помимо достижения рая. Сбереечь целостность его сущности, что подразумевает также и целостность окружающей среды; пронести эту вверенную ему ценность не в обезображенном виде через все опасности, которым подвергает его время, и по большей части, опасности со стороны его собственных чрезмерно величественных деяний – вот не утопическая цель, однако и не такое уж скромное задание ответственности для будущего человека на Земле» [3, 408]. Появляется понимание о коллективной моральной ответственности: «Перед лицом опасностей и угроз, исходящих от взаимодействующих и систематически повторяющихся воздействий техники и крупных проектов (в реализации которых принимают участие тысячи людей), коллективно действующие группы должны брать на себя совместную ответственность: групповую ответственность, ответственность в масштабе целого института и даже целого поколения» [4, 172]. И как некоторый итог, оба философа заявляют о необходимости научной дисциплины, которая бы занималась прогнозированием грядущего и оценкой возникающих рисков от тех или иных действий человеческого сообщества. Так, Х. Ленк отмечает, что «при рефлексии над проблемами этики необходимо учитывать динамику и практику исторической ситуации. При всей стабильности основных тенденций следует постоянно иметь в виду и дальнейшие усовершенствования перед лицом новых вызовов технического прогресса» [4, 174]. В современном мире, который иногда называют «цифровым обществом», вопросы, поднимаемые Г. Ионасом и Х. Ленком, остаются крайне актуальными. Необходимость обращения к коллективной ответственности можно наблюдать при обсуждении и решении цифровых проблем (утечка данных, сбой алгоритма и т.д.), при этом речь идёт не только о теоретических исследованиях, но и прикладных воплощениях в практически ориентированных документах. Например, в

Докладе COMEST (Комиссия по этике научных знаний и технологий) ЮНЕСКО (Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры) по поводу этики роботов (и робототехники) отмечается, что в настоящее время проблема ответственности в сфере технологий искусственного интеллекта «решается некоей общей или распределительной ответственностью между разработчиками роботов, инженерами, программистами, производителями, инвесторами, продавцами и пользователями. Таким образом, ответственность ложится сразу на всех людей, причастных к созданию или работе робота» [10, 42]. Правда, при таком подходе возникает вполне очевидная опасность размывания ответственности, когда позиция «все ответственные» оборачивается «никто не ответственен», так как в создании сложных цифровых технологий задействовано большое количество людей и крайне трудно персонифицировать ответственность за тот или иной сбой или ошибку. Следует отметить, что альтернативный коллективному пониманию ответственности подход вызывает ещё больше вопросов, в частности, по поводу определения моральных агентов (то есть тех, кто является носителем ответственности или тех, кому она может быть вменена). Разговоры порою доходят вплоть до вопросов о личной ответственности ИМА, что в настоящее время нет никаких ни программно-технических, ни морально-философских оснований для подобного рода предположений. Следовательно, коллективная форма ответственности является наиболее предпочтительным решением на данный момент. Однако важно уточнить, что, по мнению Х. Ленка, ответственность в группе должна распределяться в соответствии с причастностью действующих лиц к событию. Важно отметить и необходимость этического просвещения в рядах профессионалов, о чём пишет сам Х. Ленк. «Создание и внедрение в нашу жизнь этических кодексов в сфере техники и технической (а также научно-технической) деятельности – дело совершенно неотложное точно так же, как и соответствующее этическое образование инженеров и техников. <...> Внедрение этического образования, знания начал этики следует требовать и развивать не только в виде школьной дисциплины, наподобие какого-то эрзаца школьного преподавания религии, но, в частности, как способа высоко сознательного усвоения основ и принципов *профессиональной этики*, создания некоей дисциплины для «подготовки моральных стражей» в области техники и её применения» [4, 175].

В-третьих, обостряется вопрос конфиденциальности персональных данных и доверия к технологиям. Сформированные в период становления современного общества этические идеалы включают и представления о личности, обладающей моральной автономией.

Последняя не сводится исключительно к кантовскому ее пониманию, но широко признано, что именно идея автономии выступила основой для формирования идеалов достоинства и неприкосновенности частной жизни (приватности). Но, как было отмечено ранее, XX век – во многом век разочарований в идеалах Просвещения, в безусловной ценности достижений наук и в самом человеке. Распространение цифровых технологий связано не только с проблемой доверия к самим технологиям, но и с вопросами достоинства и неприкосновенности личности, которая наиболее ярко проявляется в конфиденциальности персональных данных. Кратко суть ее заключается в том, что качество работы новых технологий всё больше и больше зависит от количества персональных данных, прямо или косвенно передаваемых пользователями компаниям. Более того, считается, что передача данных третьим лицам также улучшает качество предоставляемых услуг (например, для функционирования интернета вещей). Однако получается, что государство и ИТ-компании владеют большим объемом информации о людях и могут делать с ней практически всё что угодно, поэтому можно констатировать уменьшение личного поля человека и, соответственно, увеличение публичного. Возникающая здесь дилемма может быть сформулирована следующим образом: либо комфорт, либо сохранение персональной, недоступной другим, информации.

В Докладе Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве» отмечается, что основными деструктивными для прав человека практиками в цифровой среде являются а) осуществляемое государственными цифровыми системами (например, сервисом «Госуслуги») отслеживание событий частной жизни (цифровой профиль граждан); б) «добровольно-принудительный» сбор данных госорганами и коммерческими структурами; в) неконтролируемое «ковровое» видеонаблюдение госорганами и коммерческими структурами [7]. Но и здесь возникает вопрос о моральном агенте: о доверии к кому или к чему мы говорим, когда речь заходит о доверии к технологиям? Для краткости можно по аналогии воспользоваться той же позицией, которая ранее была сформулирована в отношении проблемы ответственности. Моральными агентами являются люди, разрабатывающие, производящие, использующие технологии. Это в какой-то мере возвращает нас к упомянутой дискуссии по поводу моралеведения, в рамках которой были поставлены вопросы о необходимости подготовки этически грамотных профессионалов. Цифровые технологии повлияли на рассмотрение ряда этических проблем. Для некоторых людей

представленная картина видится настолько страшной, что возникает желание отменить или хотя бы приостановить технологический прогресс. К сожалению или к счастью, это невозможно. Однако придать развитию технологий этическую рамку – вполне реальная задача. Необходимость этической компоненты в цифровых технологиях приводит к идее о новых профессионалах, которые должны будут обладать не только техническими, но и этическими знаниями (а главное – будут способны их применить). В этой связи, крайне важным выглядит этическое образование для подобных профессионалов. (Следует отметить, что проблематика профессионально-этической составляющей инженерного образования находит отражение и на страницах журнала «Ведомости прикладной этики».)

Подводя итоги, подчеркнём главные положения данной статьи. Во-первых, дискуссии, которые сопровождали возникновение и самоопределение прикладных этик, с одной стороны, во многом исчерпали себя, поскольку они стали неотъемлемой частью теоретических исследований и этических практик, с другой – в них сформулированы некоторые вопросы, позволяющие лучше оценить современное состояние этико-прикладных проблем. Во-вторых, установлено, что наиболее значимым фактором появления и развития прикладных этик является научно-техническое развитие. В-третьих, в настоящее время именно цифровые технологии заставляют нас пересматривать заново такие понятия как моральный агент, ответственность, доверие; поднимать новые вопросы о ценности идеалов, достоинства и автономии личности в контексте персональных данных. В-четвёртых, закономерным элементом развития прикладной этики является появление новых профессионалов, обладающих как специализированными знаниями в сфере технологий, так и этическими. И для их появления необходимо повсеместное развитие этического образования.

Список литературы

1. *Гусейнов А.А.* Этика – наука о морали // Вопросы философии. 1982, № 2. С. 79-83.
2. *Ефимов В.Т.* Этика и моралеведение // Вопросы философии. 1982, № 2. С. 67-74.
3. *Йонас Г.* Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М., Айрис-Пресс, 2004. С. 37-446.
4. *Ленк Х.* Размышления о современной технике / Пер. с нем. Под ред. В.С. Степина; Ин-т «Открытое о-во». М.: Аспект-пресс, 1996. – 182 с.

5. Парадигмы прикладной этики. Ведомости. Вып. 35, специальный / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2009. 252 с.

6. *Титаренко А.И.* Предмет этики: основания обсуждения // Вопросы философии. 1982, № 2. С. 89-94.

7. «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве» // Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (01.12.2021) URL: <https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf> (дата обращения 23.04.2022).

8. *Beauchamp T.L.* On eliminating the distinction between applied ethics and ethical theory // *The Monist*, Vol. 67, No. 4, Ethics and the Modern World (OCTOBER, 1984). Pp. 514-531.

9. *MacIntyre A.* Does applied ethics rest on a mistake? // *The Monist*, Vol. 67, No. 4, Ethics and the Modern World (OCTOBER, 1984). Pp. 498-513.

10. Report of COMEST on robotics ethics. 2017. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000253952> (date of request: 27.04.2022).

Ю.В. Казаков

УДК 179.1

**«Не совсем письмо, не совсем на деревню, не совсем дедушке»:
Владимиру Иосифовичу Бакштановскому – не юбилейное**

Аннотация. В статье рассматривается вклад В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова в профессиональную этику журналиста. Выделяется особенно начатая ими системная работа по формированию у журналистов представлений о сути, значении, побудительных мотивах и системных затруднениях профессионально-морального выбора. Анализируется путь создания Общественной коллегией по жалобам на прессу этических документов медийного саморегулированию – Медиаэтического стандарта Коллегии, Регламента Медиаэтической медиации.

Ключевые слова: моральный выбор; профессиональная этика журналиста; медиаэтический стандарт.

В полосе, когда умолкают не только музы, хуже нет, чем обращаться к старшему не по необходимости посоветоваться, а в ответ на определённо несвоевременное предложение публично отчитаться в журнале за лично сделанное в той части массмедийной сферы, которая относится к предмету нашего с В.И. Бакштановским общего интереса – к *профессиональной этике журналиста*.

Про прошлое

Общей с Владимиром Иосифовичем Бакштановским эта часть названной сферы стала для меня, правда, на одну историческую эпоху позднее, чем мы познакомились. О знакомстве чуть позже, сначала – справка: названного *предмета* нашего общего интереса в Советском Союзе во второй половине 80-х ещё не *как бы*, а *совсем* не было, т.е. не существовало. Советский журналист, занимаясь своим делом (если говорить именно о *моральной* его стороне), опирался на собственную *совесть*, на отношение к твоей работе *коллег*, а также на доверие к твоим публикациям тех отдельных *людей*, для кого он писал или снимал. И при этом определённо зависел не только от отношения к тебе лично, но и от федеральной до местной *власти* к твоей профессии.

Что до *этики*, то она у него предполагалась единой, официальной, т.е. партийной. За недопуск отклонений от верного курса отвечали партийные органы и цензура. В одной из своих последних книг дорогой мне *Даниил Александрович Гранин*, связывая нравы и вре-

мена, усмехнулся: «Мы люди свободные, что нам скажут, то мы и захотим».

Переходя к истории нашего знакомства с В.И. Бакштановским: 1987 год, ХМАО, Нижневартовск, *Первый Саянскый практикум*. Тогда ещё только начинавшаяся полоса *Гласности* (это главное слово *Перестройки*, получившее вторую жизнь¹ по факту, по необходимости выбираться из руин партийно-пропагандистской позиции «если хочешь разговаривать, молчи»² не вдруг, а после *Чернобыля*) свела меня с Владимиром Иосифовичем и его старшим другом, партнёром, соавтором *Юрием Вагановичем Согомоновым* по случаю, но не случайно: Бакштановским как событием, личным открытием со мной поделился *Виталий Дымарский*, коллега по редакции *Опыта и проблем перестройки*³. В Нижневартовск мы с ним прилетели на *этическую деловую игру* (тот самый *Саянскый практикум*), которую вели *Валерий Чурилов*, молодой партийный лидер Ханты-Мансийского округа, и *Владимир Бакштановский*, бородатый философ-этик. Пространство практикума было блестяще оформлено художником *Михаилом Гардубеем*. А самым значимым для меня эпизодом этической деловой игры, посвящённой *новому освоению Севера*, стала реплика на выходе из игрового пространства человека безусловно делового, директора нижневартовской ТЭЦ: «Здесь у меня голова заболела в том месте, где до этого вообще никогда не болела».

Это – интродукция, введение в историю отношений. *Этические деловые игры* стали и моей жизнью поздних перестроечных времён; две из них были проведены в АПН. Внезапно образовавшееся в начале 1990 года собкорство в объединявшейся Германии (пропустил в связи с этим и ГКЧП в Москве, и прекращение существования СССР, и появление в стране начал медиаправа: сначала в лице советского закона «О печати», а затем и российского «Закона о средствах массовой информации») прервало наше общение, но ненадолго.

¹ «О гласность русская! Ты быстро зашагала, / Как бы в восторженном каком-то забытье...» – это Николай Некрасов, 1860 г.

² Забавный поворот сюжета. Стебаясь над партийной (псевдопарадоксальной) шуткой второй половины 80-х «если хочешь со мной разговаривать – молчи» (в устах нашего общего друга, партийного функционера, она была дважды стёбом, почти проявлением либерализма), мы понятия не имели, что фактически напрямую цитируем слова пионера Вольки, которого заставил говорить в эпизоде с прогулкой на верблюде старик Хоттабыч: «Молчите, если хотите со мной разговаривать». Так 1939 год пересекался через полвека с нашим 1989-м.

³ Нами же с ним придуманной и сформированной чуть ли не за неделю: тогдашнее *Агентство печати «Новости»* старалось успеть за тем, новым для страны временем.

Попавшись на «кусочке колбасы» и на «честном слове»⁴, я в итоге был назначен начальником только что образованной *Государственной инспекции по свободе печати и массовой информации*, отвечавшей за введение Закона РФ «О СМИ» и, в том числе за невозврат запрещённой этим законом цензуры. Именно в это время у нас с Владимиром Иосифовичем и образовалось новое для обоих дело – *этизация журналистики*.

Не воспроизвожу здесь не затянувшейся, увы, истории взлёта *теории профессиональной этики журналиста* в России. Напоминаю разве что о немногих состоявшихся, т.е. достаточно удачных попытках перевода «идеально-должного» (по Бакштановскому/Согомонову) в нормативные журналистские документы⁵, но прежде всего о том отдельном, *наднормативном*, что связано с именами и усилиями блестящей пары инноваторов, долгие годы прочитывавшихся именно через дефис: *Бакштановский-Согомонов*.

Главное вот что: именно они, «удвоенные» привнесли в *профессиональную этику журналиста* (в мировую, не только в российскую) представление о сути, значении, побудительных мотивах и системных затруднениях *профессионально-морального выбора*.

Именно они начали системную работу, призванную разбудить в журналистах навыки рефлексии, в основании которой должны были обнаруживаться зачатки искомого профессионально-морального сознания, – помогая его выявлению, оформлению, развитию.

Замечательная книга «*Становление духа корпорации. Правила честной игры в сообществе журналистов*» (1997) – не только «гуманитарная экспертиза и консультирование»⁶ журналистики как *профессии*, делавшей тогда в России первые шаги именно в таком, а *не ремесленном* качестве. Но ещё и потрясающий автопортрет носителей «духа» профессии, а не «цеха» советского типа, тогдашних лидеров прессы, московской и региональной.

⁴ Окуджавская усмешка («ловят нас на честном слове, на кусочке колбасы») обернулась в моём случае сменой рода деятельности: министр печати Михаил Полторанин, недолгий коллега по АПН, вызвал меня в ноябре 1991 года в Москву, поймал на обе приманки. «Я понимаю, – сказал он, – что у тебя там колбас завались, а у нас тут пустые полки. Но ты же ратовал за свободу печати. Так и отвечай за неё, действуй!»

⁵ Конкретно – о практически одновременно увидевших свет *Кодексе профессиональной этики российского журналиста* и *Декларации Московской Хартии журналистов* (1994 г.), а также о чуть более поздней, но также очень важной *Декларации Гильдии судебных репортёров «О правилах честной работы в жанрах судебного очерка и репортажа, а также журналистского расследования»*.

⁶ Это из аннотации к книге. Определение жанра, который был создан В.И. Бакштановским еще в 80-х годах.

Егор Яковлев, Сергей Корзун, Виктор Лошак, Игорь Голембиовский, Виталий Третьяков, Александр Минкин, Олег Добродеев, Эдуард Сагалаев, Анна Политковская, Леонид Радзиховский: кто тогда в стране не знал этих имён? Но потом лет уже через десять, не все из них, полагаю, готовы были подать друг другу руку. Но тогда ведь они все отозвались на предложение всерьёз поговорить об этике профессии.

Куда меньше знали, понятно (но именно в стране, а не в Тюмени, которая была выбрана контрольной региональной точкой на карте) Рафаэля Гольдберга, Александра Омельчука, Юрия Пахотина или Ольгу Лобызову, например. Но как же и они оказались интересны (именно как носители «духа» профессии) в ответах на вопросы, которые им задавал Бакштановский!

Соединение замешанных на этической рефлексии представлений о своей работе этих очень разных людей с понятиями о журналистике замечательных профильных экспертов, изучающих журналистику и помогающих ей стать профессией и в России тоже (в этом ряду – Алексей Симонов, Иосиф Дзялошинский, Сергей Муратов, Дмитрий Авраамов, Всеволод Вильчек, Галина Лазутина) образовало потрясающий эффект погружения в процесс становления профессии как в надежду, а не проблемное поле.

Вот когда я в полной мере проникся смыслом реплики директора нижевартовской ТЭЦ: у меня, одного из четырёх редакторов этого сборника, голова заболела сразу в нескольких местах так, что призрак «Духа Корпорации» мной лично и сегодня, должен признать, воспринимается сильнее, чем «Призрак Оперы»...

Приближаясь к завершению ретроспективной части текста: я и по сей день в выпуски «Настольной книги по медийному саморегулированию»⁷, которые мы редактируем, как правило, совместно с М.А. Федотовым⁸, включаю замечательную Тюменскую этическую медиаконвенцию, которую журналисты Тюмени поэтапно, пошагово

⁷ Эти ежегодники *Общественной коллегии по жалобам на прессу* предъявляют и обобщают живой опыт российского органа само- и сорегулирования, 2005 года рождения.

⁸ Доктор юридических наук, профессор, чрезвычайный и полномочный посол и проч., но прежде всего – выдающийся медиаюрист, один из четырёх авторов советского Закона о печати и российского закона «О СМИ». В прошлом – Министр печати, много позже – председатель Совета по правам человека, ныне – директор Международного научно-образовательного центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам», секретарь Союза журналистов России. Что для меня главное – отец-сооснователь и неизменный сопредседатель *Общественной коллегии по жалобам на прессу*, российского органа само- и сорегулирования, существующего с 2005 года.

выстраивали в конце 90-х при мягкой, деликатной и очень точной модерации В.И. Бакштановского⁹. А на семинарах с журналистами и студентами, которые работают с Коллегией в Москве и в регионах, я обычно говорю: «О профессиональной этике журналиста написано много, на моей полке только учебников с таким названием с полдесятка. Читайте их, читайте вообще всё, до чего дотянетесь: сравнивать представления о предмете, который для вас жизненно важен, не только полезно – важно. Но если хотите понять в своей профессии главное, то не спеша прочтите от корки до корки две книги В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова: “*Моральный выбор журналиста*” и “*Этика профессии: миссия, кодекс, поступок*”».

Образ Дон Кихота в югорской лодочке на обложках этих книг – замечательное произведение *Михаила Гардубея*, нашего с Бакштановским друга, в мастерской которого, вот печаль, мне уже больше не вглядываться в особые «гардубейские» картины и рисунки, разговаривая с их автором. Спасибо, что этот рисунок у *Гардубея*, художника и философа, когда-то получился именно таким; замечательно, что гардубейский Дон Кихот был выбран Бакштановским для обложек их совместных с Согомоновым-старшим¹⁰ книг. Для меня важно, чтобы этот зримый символ, образ носителя морального выбора, перешёл к журналистам молодым и совсем юным, в том числе будущими, с которыми Коллегия работает в рамках т.н. «молодежного подпроекта» теперь уже в четырёх регионах. Одна из команд этого подпроекта сформировалась в Ханты-Мансийске, в Югорском университете, где преподаёт *Валерия Абилькенова*, ученица Владимира Иосифовича. К ученикам которого я и себя отношу, надеюсь – не безосновательно...

Про настоящее

С сожалением пропуская большой, многолетний пласт наших прежних, очень дорогих для меня проектов, совместных семинаров для журналистов в различных регионах, – прямое обращение к юбиляру.

Дорогой Владимир Иосифович! Поскольку и Вы всё же не дедушка профэтики журналиста, и я не совсем Ванька Жуков, письмо «на деревню» («до востребования», по-Вашему), буду строить, во-первых, стараясь избегать эзопова языка, которым подцензурные

⁹ Тюменская этическая медиаконвенция, так сложились обстоятельство места и времени, осталась не воплощённой в жизнь, не реализованной, не подкреплённой и не закреплённой региональной профессиональной практикой. Но она ведь изначально обозначалась как документ «до востребования».

¹⁰ Согомонов-младший для меня – это Александр Юрьевич Согомонов, замечательный социолог и политолог, ведущий научный сотрудник Сектора социологической науки Института социологии РАН.

советские журналисты владели вполне, а постсоветские – кто подзабыл, а кто не освоил: за многолетним отсутствием запамятовал. востребованности. И, во-вторых, ничего не изобретая специально, воспроизводя то что уже говорил или писал (но для других аудиторий) по случаю, который имел отношение к предмету нашего общего интереса.

Три текста: два моих выступления – и одно введение в сборник, сказать о котором посчитал здесь необходимым. Хронологический период – полгода, от ноября 2021-го до мая 2022-го.

Декабрь 2021 года (1)

Начну с середины. Большая международная конференция в Высшей школе экономики, посвящённая 30-летию Закона РФ «О СМИ». Мне доверено одно из трёх т.н. «приветственных слов». Жанр понятен, регламент тоже.

Я не юрист, но этот Закон вводился в жизнь моей Госинспекцией, это для меня важно. Как важно и то, что без этого закона, без его модальности и духа, употребляя понятное нам слово, в России 90-х никогда бы и близко не сформировались основания для медийного саморегулирования. И в этом смысле тоже пять слов о нём бывшего (недолгого) казённого защитника свободы печати, а затем члена Большого жюри СЖР и члена Палаты медиааудитории Общественной коллегии по жалобам на прессу, сопредседателя Коллегии понятны, оправданны. Но это – внешняя сторона дела.

О внутренней – подробнее, но именно потому, что она важна для понимания текста. Закон РФ «О СМИ» был *создан* (плохо, банально), *сконструирован* (ещё хуже, *социальный конструктивизм* всегда подозрителен, как минимум), *соткан* (вот правильное слово) в далёком 1991 году таким образом, что в него был включён (в логике *ответственности, вменяемой государством*, т.е. обязательности к исполнению: без дискуссий и без оговорок об их особенности; *закон есть закон*) целый ряд положений, которые в современном мире принято относить к сфере *самоопределения журналистских ассоциаций и организаций*, т.е. к медийному *саморегулированию*.

Когда-то я по этому поводу публично ворчал, но потом изменил позицию.

Дело в том, что вариант профессионального поведения, *предписанный* этим законом, не просто *обнаруживался*, как правило (мы говорим примерно о десятке статей, т.е. о шестой части закона, чтобы всё правильно понималось) *наилучшим из возможных* (и в проявлении профессионально-этического начала, в том числе); прессе он

практически помогал *профессионализироваться*¹¹. Именно чёткостью, определённой, если говорить о медиаправе, но при этом ещё и *этической точностью*, выверенностью и на этот счёт своих *предписаний* Закон РФ «О СМИ» преодолевал безумную *энтропию* «волюшек-воль», которая породила в то время как какую-нибудь «Красную шапочку» времён начала девяностых – с её наивной порнографией буквами, так и вполне себе побуждавший именно русский народ к палашам «Пульс Тушино», в итоге запрещённый по вполне себе уголовной статье, если мне не изменяет память. Эта *энтропия*, напрямую связанная с отсутствием в нашей новой журналистике не новых, но именно фундаментальных начал её как профессии, а также с наступившим, наконец, отсутствием цензуры, ещё в позднесоветские, перестроечные времена не только стала восприниматься *нормальным*, проявлением *свободы выражения мнений* в журналистике многими из тех, кто пришёл в редакции, а значит и в профессию, что называется, *с улицы*, но и обнаружила готовность и способность *глушить* (сила сорняка, запах денег, но ведь и ожидания значительной части общества, не прошедшего стадию превращения в *гражданское*) настоящую *свободу слова* в сфере массовой информации.

Судьба Закона РФ «О СМИ» оказалась счастливой, но очень непростой: десятки и десятки вторжений в него законодателя изрядно травмировали эту «священную корову» нашей журналистики¹². О чём я вскользь, но достаточно определённо и напомнил в своём приветственном слове.

Привожу здесь, отчитываясь, его основную часть.

У немцев есть идиома «принадлежащее истории»: «событие, принадлежащее истории» или «лицо, принадлежащее истории».

Мы в России говорим – «историческое» или «вошедшее в историю».

Лично мне «принадлежащее истории», т.е. принятое, освоенное признанное историей представляется наиболее точно соответствующим сегодняшним юбилярам: и Закону РФ «О СМИ», и замечательному трио его авторов: Юрию Батурину, Михаилу Федотову, Владимиру Энтину.

¹¹ Это говорит о качестве, проработанности Закона РФ «О СМИ», соавторами которого были Юрий Михайлович Батулин, Михаил Александрович Федотов и Владимир Львович Энтин.

¹² «Священная корова» – образ М.А. Федотова. См: М. Федотов. Место саморегулирования в расширяющейся вселенной медиа. «Настольная книга по медийному саморегулированию. Выпуск 10. От «третьей» Коллегии к «четвертой» (...). М. 2020, с. 3-17.

Вот уже три десятка лет и я тоже восхищаюсь основательностью вклада в российскую жизнь этого удивительного по силе и красоте импульса правового нормотворчества. Этот импульс задал директорию развития свободы и ответственности СМИ и журналиста в России, повлияв на историю и медиа, и страны.

Перефразируя сказанное когда-то о выходе русской классической литературы из гоголевской «Шинели», скажу, что из Закона «О СМИ» вышли и 29-я статья российской Конституции, и Медиаэтический стандарт Общественной коллегии по жалобам на прессу, и сама Общественная коллегия. Полагаю, что Дмитрий Андреевич Муратов с этим согласится, – тот дух редакционной и личной, редакторской и журналистской ответственности за свободу честного слова, который нашёл своё историческое воплощение в Нобелевской премии главреду «Новой газеты».

Известно, что у того, кто говорит приветственные слова последним, всегда не хватает времени на то, чтобы досказать важное.

Поэтому ограничусь приведением одной известной всем в России стихотворной строчки, напоминанием об одной из игр нашего детства и отсылкой к одному образу из российской прессы самого начала девяностых.

Строчка – из Александра Твардовского: «Города сдают солдаты,/ Генералы их берут».

Высота Закона «О СМИ» (размером со страну) была взята тремя тогда ещё чистой воды рядовыми. Но вот каждая попытка проделать дырку в «священной корове» российского медиапространства предпринималась и предпринимается генералами. Всегда – в целях улучшения качества закона и приближения его к жизни.

Детская игра – это «морской бой», 10 на 10 клеточек в блокнотах. Среди нескольких меньших по размеру был один четырёхклеточный корабль, именовавшийся «линкором». Если соперник в него попадал, угадав первую клеточку, ты должен был сначала ответить «попал», а далее: «горю», «горю», «догорел».

Конструкция Закона РФ «О СМИ» оказалась такой, что все, кто попадает в этот «линкор», уже почти три десятка лет переспрашивают друг друга: опять не догорел?

Ну, и образ, навеянный публикациями начала 90-х годов прошлого века. Наша пресса тех времён обнаруживала выраженные признаки «кессонной болезни», связанной с запретом цензуры. Спасти свободу слова от саморазрушения могло только чудо декомпрессии. Роль такого чуда и сыграл Закон РФ «О СМИ».

Это – итоги, время давно прошедшее.

Сегодняшнее нуждается в вашем серьёзном анализе».

Прозвучавший вскоре же ответ мне *Александра Хинштейна*, главы соответствующего комитета в Госдуме, ни приводить, ни комментировать не буду. Скажу только, что с моими оценками воздейст-

вия законодателей на Закон РФ «О СМИ» законодатель не согласился. Его право. Свобода выражения мнений.

Ноябрь 2021 года (2)

Следующий текст чуть более ранний по времени публикации. Это моя вступительная статья («Остановиться? Оглянуться!») в первый раздел сборника *«Рекомендуется. Допускается. Запрещено. Мировая журналистика в нормативных этических документах»*, выпущенного Общественной коллегией по жалобам на прессу.

Текст большой, здесь приведу только один его фрагмент, системный. Его подзаголовок: *«Про “было”, “стало” и “новые горизонты”»*.

Предисловие «От составителей» к сборнику, который уже открыт уважаемым читателем, написано Владимиром Авдеевым, курировавшим переводы с английского. Благодаря его переводам, кстати, почти четверть века назад и появился упомянутый им сборник «Профессиональная этика журналиста. Документы и справочные материалы». Сборник, содержащий десятки журналистских кодексов и международных документов, посвященных в той или иной мере деятельности СМИ и журналистов, впервые был издан *Фондом защиты гласности*, сделавшим очень много для этизации отечественной журналистики, в 1998 году, последнее по времени его издание – 2004 года.

Ровно отсюда и начнем про «было – стало»: никому из нас в те времена не могло прийти в голову, что Фонд защиты гласности однажды будет признан «иностранным агентом». Это про перемены, про условия, в которых проявляются (или не проявляются) ожидания, связанные с перспективами качественной прессы в России.

Про «было – стало» с журналистикой в России и в мире: взгляды и выводы тех, кто об этом говорит, придерживаясь различных представлений, в том числе о признаваемом должным для журналиста, неизбежно разные, до диаметрально противоположных. Ситуация глазами редактора «Новой газеты» – в Нобелевской лекции Дмитрия Муратова. Про настоящую журналистику там сказано: она – условие движения вперед, антидот от тирании. А про миссию профессии – журналисты пытаются улучшить будущее.

Вот на что обращаю внимание читателей сборника: у очень и очень разной прессы, у представителей различных редакций и журналистских ассоциаций по определению не может быть единого, общего для всех прочтения предназначения, миссии журналиста или даже журналистики. Про «улучшение будущего» – это подход, определение смысла жизни в профессии главреда «Новой газеты», единственной в своем роде. Это первое.

Второе. Само слово «миссия», очень важное для Дмитрия Муратова, почти не встречается в профессионально-этических документах, по крайней мере в тех из них, которые составили данный сборник. Почти

исключение из правил - найденное в японском «Каноне журналистики»: «Миссия репортеров заключается в постоянном поиске истины». Но даже и здесь допустимо сомнение: а мы миссию от задачи отличаем?

Уверенного ответа на вопрос о том, по какой причине отсылка к миссии в нормативных документах так редка, не имею. Могу предположить, что кодексы «подсушились», стали экономнее на слова, которые могут показаться пафосными, потому что индустрия больших медиа прагматична, высоких слов избегает. Но вот на что обратил бы внимание: в постиндустриальном обществе, где, согласно теории, всё большую роль должен играть профессионализм, восстановление в правах миссии как фактора мобилизации и упрочения профессионально-этического начала именно для журналистики может обнаружиться действенным способом защиты, предохранения от постепенного растворения в сетевой и блогерной культуре отношения к миру и человеку.

Реплика сугубо дилетантская, оставляю размышления и выводы, связанные с судьбой журналистской миссии, теоретикам и самим журналистам. Отчасти снимая собственную растерянность, сошлюсь на «моральное междуцарствие», передавая привет В.И. Бакштановскому, когда-то привнесшему вместе с Ю.В. Согомоновым в пространство профессиональной этики журналиста теорию морального выбора. Но сразу же и замечу, что не в употреблении или неупотреблении слова «миссия» дело, как мне представляется; значение имеют буква, дух, интенция тех документов, которыми задаются сущностные черты представлений о норме в журналистской профессии первой четверти XXI века.

Возвращаясь к «было – стало», отмечу то, что мне показалось главным при прочтении десятков и десятков документов, пусть пока только в общем.

Первое и главное: за четверть века (при всех переменах в мире, и не только технологических) в профессионально-этических документах ничего не просело в самом важном: в тех ценностях, на которые профессия опирается, и в тех принципах, которыми предлагается руководствоваться журналисту. Есть некоторые подвижки в прочтении тех же ценностей, в их усложнении (это так), есть некоторые изменения в нормах, профессиональных правилах (о некоторых скажу позже). Здесь обращу внимание прежде всего вот на что: едва ли не большинство документов начинаются не с норм и правил, а с профессионально-этического по характеру, выходящему на долженствование журналиста, обращения к праву граждан на информацию, на свободу выражения мнений и критики. Возможно, наиболее концентрированное отражение этой позиции — бельгийский *Этический кодекс*: «Права на информацию, свободу выражения мнения и критику являются основными правами и необходимыми условиями в демократическом обществе». И первое предложение исландского *Кодекса журналистской этики* об этом же: «В своей работе журналисты всех без исключения средств массовой информации должны постоянно принимать во внимание основные правила человеческих отношений, право граждан на информацию, свободу выражения мнения»

и критику». Да и *Руководство для журналистов* Финляндии начинается с того же: «Свобода слова – основа демократического общества». Эту мысль в выражениях, различающихся словами, но не смыслами, вы будете встречать в документах этого сборника снова и снова. Свобода слова и право граждан на информацию для профессии – входной пароль.

Второе (в значительной мере подкрепляющее первое): определенная часть нормативных профессионально-этических документов уже напрямую обращена также и к онлайн-журналистике, заходящей в том числе на территорию соцсетей. И ценности, и принципы, и даже правила здесь в большинстве своем обнаруживаются теми же, что и в офлайн-журналистике. Уже упомянутый финский документ, например, полностью именуется так: *Руководство для журналистов и Приложение к нему. Продолжение базовой, основной части (Приложение к руководящим принципам: материалы, публикуемые на веб-сайтах СМИ)* – всего-то в страничку текста – обязывает редакцию не допускать публикации на своих веб-сайтах контента, нарушающего неприкосновенность частной жизни и покушающегося на человеческое достоинство; предупреждает от контента дискриминационного, подстрекающего к насилию, возбуждающего ненависть по отношению к отдельному человеку или группе лиц, призывает обращать особое внимание на онлайн-форумы, ориентированные на детей и молодежь; обязывает четко разграничивать форумы, предназначенные для публики, и редакционное содержание.

Не углубляясь в тему онлайн-журналистики, приведу еще, пожалуй, выдержку из французского *Кодекса журналистской этики*, выбрав этот документ из многих других по причине обнаружения в нем такого субъекта, как орган саморегулирования. Признав работу в таких социальных сетях, как Facebook и Twitter, в блогах и проч. «неотъемлемой частью журналистской деятельности», *Совет по вопросам журналистской этики* отметил: «Разумеется, лица, осуществляющие информационную деятельность, как и любой другой человек, имеют право на выражение мнения. Но при распространении информационных сообщений на цифровых носителях, предназначенных для неопределенной и неограниченной аудитории, следует учитывать, что они занимаются практически журналистской деятельностью. Поэтому они обязаны соблюдать нормы профессиональной журналистской этики».

Ну и, наконец, в качестве конкретного и значимого примера обновления сразу и ценностного ряда, и нормативного, приведу здесь одну конкретную позицию британского *Кодекса стандартов редакторов СМИ*, разработанного Независимой организацией по стандартам прессы (IPSO).

Ссылаясь на этот документ на упомянутом в самом начале студенческом вебинаре Коллегии по кейсу № 230, я сгоряча представил его как «хорошо известный нам британский Кодекс практики». Здесь это представление поправлю, отделяя задним числом «так» от «не совсем так».

В *Кодексе стандартов редакторов СМИ* и в самом деле легко узнается современная редакция *Кодекса практики*, ратифицированного британской Комиссией по жалобам на прессу 5 марта 2003 года, это так. А вот что не совсем так: в *Кодексе стандартов редакторов СМИ* заметно изменилась, расширилась позиция, посвященная общественному интересу: одна из ключевых не только для этого документа, должен заметить.

Почему останавливаюсь именно на этой позиции и этом документе, представляя новое в нормах? Во-первых, в силу особой, как мне кажется значимости подхода к пониманию общественного интереса в нормативных документах и для самой журналистской профессии, и для общества в целом. Во-вторых, потому, что эта позиция – и именно в прочтении *Кодекса практики* – вошла в свое время в *Медиаэтический стандарт* Общественной коллегии по жалобам на прессу.

К последней теме вернусь позже, здесь же предложу короткий экскурс в тематическую нормативность, мне он представляется в данном случае необходимым.

Не со вчера научившись отделять общественное любопытство, т. е. понятное, оправданное и, как правило, достаточно легко удовлетворяемое человеческое побуждение, любопытство широкой публики, от того, что любопытством не является, но при этом отвечает исторически складывающимся нуждам и чаяниям больших человеческих общностей (как здесь не вспомнить муратовскую формулу «улучшения будущего»), нормативные документы, говоря о долженствовании журналиста, и по сей день широко используют словосочетания «общественные интересы» или «интересы общества»: не разъясняя определений подобного рода и не устанавливая их границ.

Согласитесь, что при таком «облачном» прочтении предмета повышенной ответственности ожидать от журналиста можно разве условно «особого» пригляда к некоей территории смыслов и ситуаций, предполагаемых жизненно значимыми для общества, но и только. Ни о каком реальном сосредоточении внимания журналиста на конкретных признаках наступления нужды в профессиональной мобилизации (выходящей за пределы повседневной, рутинной, если угодно, общепрофессиональной нормы) речи идти не может, поскольку признаков наступления таких ситуаций не обозначено.

Подход британского *Кодекса практики*, который был мною введен в сборник профессионально-этических документов 1994 года, отличался от всех остальных именно тем, что преодолевал опасную размытость предмета особой ответственности журналиста на стратегическом направлении защиты общественных интересов. Он обнаруживался рациональным или даже инструментальным, поскольку *Кодекс практики* на месте позыва обнаруживал установку: «Общественный интерес распространяется на...» Это «на» включало всего-то три конкретных позиции: обнаружение и раскрытие преступлений и серьезных проступков, защита общественного здоровья и безопасности, предотвращение заблуждений,

возникающих у общественности в результате заявлений или действий отдельных лиц или организаций.

Вопрос из середины 90-х: и это всё? Ответ из того же времени – да, всё – с точки зрения реально понимаемой ответственности за выбор профессионалом позиции, получающей пограничное с правовым (внимание!), но именно профессионально-этическое обоснование.

Обнаруженное прочтение общественного интереса выделяло из всего прочего, представлявшегося также возможным умозрительно, те стратегически значимые площадки, на которых в первую очередь устанавливался и должен был поддерживаться силами журналиста и СМИ баланс прав и свобод, что называется, «первой руки». (Права на доступ к информации и на защиту частной жизни, если говорить о самом главном.) И – что ещё гораздо труднее и выговаривается, и понимается, поскольку разговор не о праве, а о профессиональной этике журналиста – баланс интересов государства, общества (в его многообразии, заметим) и конкретного гражданина, частного лица.

Вместе со «стратегическими» площадями выделялись по факту и те зоны повышенного общественного и профессионального риска, обнаруживая в которых себя, журналист должен иметь, получать от государства с одобрения общества (для того чтобы действовать с предписываемыми ему повышенной осторожностью и повышенной ответственностью; здесь феномен опережающего долженствования, у нас практически не обсуждаемый, обратите внимание) право (в том числе или прежде всего – профессионально-моральное) отступать от базовой, обыденной профессионально-этической нормы в ситуациях, когда и если того требует общественный интерес, способный подниматься в условном градусе до превосходящего.

Что важно иметь в виду: рассматривая отступление от нормы и в данной ситуации тоже как исключение из правил, британский *Кодекс практики* звездочками отмечал, отделял от других те конкретные тематические разделы или позиции, которые допускали это самое отступление в случае апелляции к общественному интересу, но не предусматривал никаких отступлений в ситуациях, звездочками не отмеченных.

И еще: во всех случаях, когда имела место эта самая апелляция к общественному интересу, Комиссия по жалобам на прессу намерена была потребовать «полных объяснений от редакторов в том, каким образом издание послужило этому самому общественному интересу».

На этом выхожу из отвлечения на тематическую нормативность. И возвращаюсь к тому, о чем уже упомянул как о факте: российская Общественная коллегия в свой *Медиаэтический стандарт*, принятый в 2016 году, включила тогда именно инструментальное прочтение понятия «общественный интерес», позаимствовав его из *Кодекса практики* и сохранив в силе по части «относится» те самые три позиции.

Ну, а теперь искры на пересечении параллельных. Под занавес 2021 года обнаруживается, что в новом (для меня, что делать) британском документе звездочки документа 2003 года сохранены и стоят на

месте. На месте обнаруживается и предупреждение о том, что может последовать в случае апелляции к общественному интересу; есть разночтения в словах, но это вопрос перевода, смысл сохранен.

Но при этом позиций – тех самых, ключевых – уже не три, а семь, это первое. (К знакомым добавляются, например, «сообщение о невыполнении или вероятном невыполнении человеком или организацией каких-либо значимых обязательств» и «сообщение о судебной ошибке»). Второе: редакции, подписавшие с органом саморегулирования, IPSO, соглашение, в основу которого положен *Кодекс стандартов редакторов СМИ*, уведомляются о том, что общественный интерес, распространяясь на названные конкретно пункты, пунктами этими всё же не ограничивается. И наконец, третье: общий, если угодно, генеральный вывод, приводимый отдельным пунктом, – «Общественный интерес находит выражение в самой свободе выражения мнения».

Как человек, напрямую отвечающий в Коллегии за жизнеспособность *Медиаэтического стандарта*, безусловно соглашаюсь с констатацией, напрямую замыкающей общественный интерес на свободу выражения мнений: да, конечно, как сам-то не додумался да этой формулы? И семь пунктов нахожу оправданными, еще ближе подошедшими к букве и духу пункта 2 («осуществление свобод, налагающее обязанности и ответственность») статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, из которой когда-то выросли и три приведенных пункта *Кодекса практики*.

Огорчаюсь задним числом тому, что всего-то полгода назад, когда мы на ежегодной научно-практической конференции Коллегии обсуждали, а затем и принимали новую редакцию *Медиаэтического стандарта*, обновленное прочтение общественного интереса в британском документе не было нам известно, но могло быть вовремя, что называется, учтено. Теперь мы о нем знаем, будем вводить в обсуждения. Параллельные вновь пересеклись, и это тоже оказалось значимым и для профессии, и для органа саморегулирования.

И последнее в этом разделе. Не продолжая темы «было – стало», скажу буквально пару слов на тему «новые горизонты». Если значительная часть европейских документов, пусть в каких-то прежних редакциях, как и некоторая часть документов национальных журналистских ассоциаций США, была известна многим из тех, кто занимается профессиональной этикой журналиста, например, в университетах, читая такой курс, так или иначе включалась в обсуждения с журналистами и студентами журфаков, то прибавление этим сборником документов национальных журналистских ассоциаций Албании, Северной Македонии, Косово – это очень серьезное углубление наших представлений и о журналистике Европы в том числе. А уж прибавление журналистских документов целого ряда стран Азии, Африки, Австралии и Новой Зеландии – это и расширение линии горизонта, заметное прибавление наших знаний и представлений о целостности профессии (специально включаю это новое для меня обозначение подхода к предмету, встретившееся как

минимум в двух кодексах), и осязаемый вклад в осознание реального многообразия, многоцветья профессионального мира.

Комментировать прибавления в деталях не буду, этот узнаваемый, но новый мир нужно для начала освоить. В чем могу заверить как прочитавший сборник «насквозь», что называется: если вы профессионал, знакомство с документами ЮАР или Намибии, Монголии или Новой Зеландии не только не оставит вас равнодушным, но сделает профессионально богаче. Это оценка и назначения сборника, и его значения.

Май 2022 года

Ну, а третий текст – это моё выступление на *Ежегодном деловом форуме* с названием, абсолютно вызывающим по месту (Москва, Россия) и времени проведения: «*Качественная пресса и перспективы её развития*».

Описание ситуации: медиафорум с таким названием проводит замечательный журнал «Журналист», дважды за год обращавшийся ко мне за интервью, напрямую связанным с профессиональной этикой журналиста и за комментарием по поводу присуждения Нобелевской премии Дмитрию Муратову, главному редактору «Новой газеты». На момент сбора форума «Новая газета» вынужденно приостановила выход, Дмитрий Муратов пережил не только мерзкое, но и угрожающее жизни нападение в поезде Москва – Самара, но российская пресса, при всех свалившихся на неё бедах и ограничениях, жива: в зале – много редакторов региональных СМИ. А на подходе к нему, в роли помогающих работе медиафорума, обнаруживается одна референтная для меня (виделись прежде в ZOOM-е, встретить здесь не предполагал) группа будущих журналистов, о которой скажу далее специально.

Прямо передо мной в первой части медиафорума прекрасно говорит о профессии и попутно представляет свою книгу «*Честное слово. Мастера журналистики о границах правды и свободы*»¹³ На-

¹³ Книга, выпущенная в 2020 году ООО «Медиагруппа “Журналист”» – это замечательный, поверьте на слово, сборник тематических интервью, взятых Надеждой Ажгихиной (журналистскую биографию начинавшую в легендарном «Алом парусе» когда «Комсомолки») у людей, понимающих толк в качественной журналистике. Перечисляю имена: *Светлана Алексиевич, Александр Архангельский, Валерий Выжуртович, Лидия Графова, Эльвира Горюхина, Леонид Жуховицкий, Ева Меркачёва, Леонид Млечин, Юрий Рост, Владимир Снегирёв, Валерий Яков*, сразу же уточняя, что это – только начало ряда и только российские журналисты. А в книге есть ещё и *Рикардо Гутьеррес, Анна Дель Фрео, Уильям Брумфильд*. Не рекламирую книгу, цитирую предисловие, написанное самой Надеждой: «Журналистов, где бы они ни работали, объединяет нежелание подчиняться цензуре, стремление “выходить за флажки”, потребность расширять границы правды и свободы. Героям книги, которую вы держите в руках, мне кажется, это удаётся». Мой единственный комментарий: привет 2022-му году из 2020-го.

дежда Ажгихина, редактор «Журналиста» и член Общественной коллегии по жалобам на прессу. Ну, а прямо следом за мной (так получилось, пробки на дорогах) – Мария Захарова, директор Департамента информации и печати МИД РФ.

Представления о том, что такое качественная пресса и взгляды на её перспективы у выступающих, понятно, различаются; главное, что они предъясняются конкретной медийной аудитории: тоже не монолитной, но выходящей на свою, именно региональную аудиторию.

Привожу здесь не стенограмму своего выступления (её пока нет), а его текст – каким он был подготовлен. Со стенограммой совпадёт не во всём, но главное, тематически значимое, было сказано так, как написано.

Уточню, что заявленная тема моего выступления была достаточно узкой: «Новая форма саморегулирования СМИ: медиаэтическая медиация». Сразу по проясню заглавную тему форума («перспективы качественной прессы»). Однако, стало понятно, что говорить только о медиаэтической медиации (МЭМ), не увязывая её с нынешними проблемами прессы, не получится. Так что к теме МЭМ в выступлении я подошёл не сразу. Попросил за это прощения у аудитории медиафорума, а здесь прошу у тех, кто будет знакомиться со сказанным мной 24.05.2022 года именно по этой публикации.

В романе Владимира Набокова «Пнин» есть такая характеристика главного героя: его любили не за какие-то специальные знания, а за «незабываемые отклонения от предмета, когда он снимал очки, чтобы устремить сияющий луч в прошлое, протирая стёкла настоящего».

«Сияющий луч» мысли, протирающий возвратным путём, отражаясь от прошлого, «стёкла настоящего» – метафора писательская, не журналистская. Но мне она показалась полезной, своевременной, уместной.

С огромным уважением относясь к носителям тех имён, которые называла здесь Надежда Ильинична Ажгихина, член Палаты медиасообщества Общественной коллегии по жалобам на прессу, я всё же уточнил бы, что прошлое нашей журналистики, даже и в лучших его проявлениях, – важный, но далеко не единственный материал, способный помочь нам в «протирке стёкол» настоящего и, тем более, будущего журналистской профессии.

С чем соглашаюсь безоговорочно: сама по себе «протирка» оптики журналистики, её регулярная проверка и юстировка, если мы говорим о состоянии, прежде всего, именно качественной прессы, дело обязательное.

Как человек, без малого четверть века занимающийся рассмотрением жалоб на СМИ, я бы, говоря о перспективах качественной прессы в России, сосредоточил сегодня внимание на конкретной задаче удер-

жания конкретными СМИ *ориентира на отнесение себя* к прессе именно такого рода.

Это личная реакция на ситуацию, в которой российская пресса обнаружилась глубоко задетой сначала полосой *пандемии*, а затем, без роздыха, т.н. «*новой реальностью*» т.н. «*военной спецоперации*».

Не развивая здесь этой тяжёлой, но особой темы, возвращаюсь к *оптике журналистской профессии*, задаваемой, прежде всего, её *этикой*.

Показываю две книги. Одну я собрал около четверти века назад. Это последнее по времени (2004 г.) издание сборника «*Профессиональная этика журналиста. Документы и справочные материалы*». Надеюсь, что многие из вас с нею знакомы. Вторая книга – это изданный *Общественной коллегией по жалобам на прессу* под занавес минувшего года сборник «*Рекомендуется. Допускается. Запрещено. Мировая журналистика в нормативных этических документах*». (Экземпляр этого сборника, не имеющего аналогов не только в России, передаю «Журналисту» с просьбой о размещении соответствующего файла на сайте журнала, чтобы все вы смогли дотянуться до его содержимого).

Возвращаясь к теме «*протирки оптики*» и под этим углом зрения сравнивая *нормативные документы* журналистских сообществ в различных странах не только *между собой*, но и с их *прошлыми редакциями*, я вижу, как далеко европейское и мировое журналистское сообщество продвинулось за четверть века *к сути профессии: и как таковой, и на перспективу*.

Очень надеюсь на то, что у вас, у практиков, есть разные рецепты обустройства *перспективы качественной* прессы, рискну предложить небольшой набор своих: надеюсь, дополняющих или уточняющих ваши, а не противоречащих им.

Мой первый рецепт, относящийся к уже обозначенной задаче *удержания конкретными СМИ ориентира на отнесение себя к качественной прессе*, таков: *почаще напоминать самим себе об истории и природе журналистской профессии*.

Что касается истории. Полезно помнить, что *журналистика* – особая, *высокая профессия* (по определению Владимира Иосифовича Бакштановского и Юрия Вагановича Согомонова, привнесших в журналистскую этику важнейшее понятие ситуации *морального выбора*), и что она при этом – профессия *молодая*. Моментом подведения её «под крышу» принято считать время запуска *института медийного саморегулирования*. Это 1916 год, момент появления на свет *первого в мире органа медийного саморегулирования*, шведского Совета по прессе. Так что журналистской профессии (именно как профессии) – 106 лет в обед, что называется.

Что касается *природы журналистики*, то у меня всего одна реплика. Там, где начинается смешение журналистской *профессии со специальностями*, начиная с *пропаганды*, журналистика вообще, но прежде всего – именно *качественная журналистика* заканчивается, сливается

известно куда. Так что свой первый рецепт конкретизирую пожеланием всем вам *не позволять себя сливать и не разрешать себе сливаться*. Репутации создаются долго, разрушаются мгновенно; это знаем все.

Мой второй рецепт: *не отворачиваться от мировой журналистики*, не загонять себя в ситуацию *опережающего изгойства*. Изучать мировое продвижение профессии *вглубь самоё себя и на вырост*. Преодолевать синдром искусственного *одиночества, дурной автаркии*. Снимать эффект *опустынивания окружающего пространства*, суть которого один из датских писателей когда-то выразил названием прекрасной детской книжки: *«Палле один на свете»*.

Мой третий рецепт: *противостоять энтропии*, не позволять обстоятельствам отрывать *людей профессии* друг от друга. *Солидарность профессионалов* изначально, со времён образований первых журналистских союзов, была и должна остаться одной из доминант журналистики: и в России нынешнего, времени, в том числе.

И наконец, четвёртый рецепт, он же рекомендация: *осваивая заново правовые технологии предохранения* от угроз своему делу, основы *правового сбережения журналистских начал*, не забывать о том, что как *профессия* (не ремесло и не специальность) журналистика начинается с *профессиональной этики*, если говорить о журналисте, и с *медиаэтики*, если говорить о начале редакционном.

После этой длинной вводной, показавшейся мне необходимой в этой аудитории, перейду к тому, что, собственно, и привело меня на форум «Журналиста».

Конкретизируя тему *убережения профессиональной журналистики* вообще и *качественной*, т.е. наиболее чувствительной к *репутационной* составляющей, прессы, в частности, но сразу и увязывая эту тему с *медийным саморегулированием*, задам первый вопрос: *кто в аудитории знает об Общественной коллегии по жалобам на прессу или даже следит за её решениями?* Поднимите, пожалуйста, руки. Спасибо, увидел.

Второй вопрос: *есть ли в этом зале люди, которые имели дело с Общественной коллегией напрямую*, т.е. были либо *адресатами жалоб*, либо (что много реже, но и такое случалось) *заявителями*, обратившимися в Коллегию после появления публикаций, поставивших под вопрос их профессиональную и общественную *репутацию*, например? Таких нет, принято.

В порядке самой общей справки: *Общественная коллегия* – двухпалатный орган *медийного само- и сорегулирования*, состав которого проходит раз в пять лет через основательную *ротацию*. Всего нас 50 человек, все мы избираемые, все подчиняемся *Уставу Коллегии*. Выработывая решения по информационным спорам, соответствующим нашей уставной компетенции, все мы руководствуемся, прежде всего, *Медиаэтическим стандартом* Коллегии. И отвечаем за занятую при этом позицию *лично*, добрым именем и репутацией: не неся ответственности

за выбор перед теми организациями, которые выдвинули, предложили, а затем избрали нас в состав той или иной Палаты.

За время своего существования Коллегия приняла 236 решений. Большинство из них не только я считаю *качественными*, а порой и *продвигающими* профессию.

Что принципиально важно для этого моего сообщения: все без исключения решения Коллегии приняты в режиме *открытого, публичного* рассмотрения информационных споров, при котором каждое заседание завершается *принятием и обнародованием* конкретного решения.

Достоинства *открытого формата* неоспоримы. Он позволяет, во-первых, использовать *синергический* эффект объединения усилий людей не случайных, но при этом заведомо очень не похожих между собой: специалистов в разных областях, придерживающихся различных убеждений, имеющих свои представления, в том числе, о журналистике. И, во-вторых, *открытый формат* автоматически обеспечивает серьёзный *эффект последствия* наших заседаний. Значительная часть решений Коллегии исследуется, изучается, рассматривается журналистами, редакторами, преподавателями и студентами журфаков, группами граждан, заинтересованных в том, чтобы наша пресса обнаруживалась именно *качественной*, как *открытый учебник* или же *актуальный, полезный профессиональный практикум*.

«От добра добра не ищут»? Но *протирка оптики*, её *юстировка* очень важны и для *института саморегулирования* в том числе.

Около трёх лет назад мы с медиаюристом Виктором Монаховым, известным многим из вас со времён *Судебной палаты по информационным спорам*, а мне ещё раньше, по совместной работе в *Государственной инспекции по защите свободы печати и массовой информации*, начали разрабатывать новый, *особый* формат работы Коллегии с некоторыми категориями информационных споров. Суть его была определена термином *«медиаэтическая медиация»* (МЭМ).

Основное отличие МЭМ от традиционного для Коллегии: это формат *закрытый*.

Обращение, которое принимается к рассмотрению в режиме МЭМ, *не обнародуется* на сайте Коллегии. *Не собирается и заседаний* Коллегии. Информационный спор исследуется и поэтапно разрешается путём *особой примирительной процедуры, «медиаэтической медиации»*, которую проводят специалисты-медиа медиаторы. Предполагается, что они, работая небольшой межпрофессиональной группой, достаточно хорошо *разбираются в медиаправе* (очень важно не пропустить и не допустить ситуаций конфликта правовых норм с этическими), *руководствуются базовыми представлениями*, заложенными в *Медиаэтический стандарт Коллегии*, прежде всего, а работу свою ведут, опираясь на подробно прописанный *Регламент Медиаэтической медиации*. Такова *схема*, представление формата МЭМ «на пальцах», что называется.

Обязательное пояснение: МЭМ – не замена базовому открытому формату, а дополнение к нему, изначально рассчитанное на выборочное, сугубо *ситуационное* применение.

Неизбежный вопрос: откуда он, этот самый МЭМ взялся, кому и зачем он нужен?

Не углубляясь в историю вопроса, главное. Практика показала, что среди информационных споров нет-нет, да и обнаруживаются такие, отличные от остальных, при обращении к которым привычный для Коллегии *открытый, публичный* формат рассмотрения жалобы оказывается *почти одинаково плох*, недопустимо *затрачен* и для *адресата жалобы*, редакции СМИ, опубликовавшей материал с *этическим изъясном*, и для *самого заявителя*, потому, например, что уже само возвращение на заседании и в решении к задевшей его жизненной ситуации, попавшей в СМИ, способно причинить человеку *новые нравственные страдания*.

Называю здесь, вспоминая жалобу на материал о предположительных обстоятельствах *гибели человека*, один из возможных мотивов обращения к формату МЭМ. Но и мотивов таких обнаружил далеко не один, на самом деле, и жалоб, которые я сегодня, *задним числом*, увы, предпочёл бы рассмотреть методом МЭМ, *уберегая обе стороны*, давно уже набралось и не две и даже не пять.

Не нагружая вас коллегиальным *прошлым*, обращаю внимание на два обстоятельства, представляющихся мне особенно важными в разговоре с вами как профессиональной аудиторией, *заинтересованной* в будущем.

Первое: даже самое хорошее, сильное решение Коллегии, формально завершая информационный спор, *не гарантирует* того, что сам спор *исчерпан, разрешён полностью и окончательно*. Он может *вернуться*, – перейдя, в том числе и в правовую плоскость, в *судебное разбирательство*. Особенно в случае, если редакция СМИ, адресат жалобы, *уклонилась* от участия в рассмотрении её Коллегией.

Обстоятельство второе, возвращающее к задаче *убережения репутации* того СМИ, которое своим именем действительно дорожит. Если *заведомо сложный спор*, грозящий задеть репутацию СМИ или журналиста, может быть не просто разрешён, но именно *исчерпан* путем достижения *соглашения сторон* (без отступления от норм профессиональной этики и медиаэтики, это подчёркиваю), то так ли уж важно, узнают ли о нём другие журналисты или другие, не вовлечённые именно в этот спор граждане или организации? *Вам «шашечки» или ехать?* – как спрашивал когда-то читателей «Журналиста» Дмитрий Сергеевич Авраамов.

А теперь о *насущном*. К настоящему времени *метод МЭМ* достаточно хорошо, как нам представляется, выстроен в теории. Дело за тем, чтобы испытать его, наработать тот первый опыт, который можно будет (если он окажется успешным) посчитать именно новым словом в медийном саморегулировании и ввести в практику Общественной коллегии.

Для набора искомого *нового, во многом специального опыта* нам очень важно получить доступ к реальным конфликтным *ситуациям, грозящим, обещающим или просто способным* перерасти в такие *информационные споры*, которые мы могли бы *испытать и исчерпать* в режиме МЭМ. Такие ситуации не растут на грядках, это мы знаем. Но знаем и другое: большинство из них формируется, вызревает сегодня в вашей работе с почтой своих аудиторий.

Наш опыт показывает, что едва ли не большинство жалоб в Коллегию начинается с *неточной реакции* (или же с *отсутствия реакции*) редакции на обращение к ней граждан или организаций, задетых публикациями.

Мы не со вчерашнего дня, к примеру, обращаем внимание на практику, когда на письма задетых публикациями граждан в редакциях СМИ отвечают юристы, рассматривающие любую ситуацию несогласия с материалом с оглядкой исключительно на риски, связанные с нарушениями закона, не учитывая (не их предмет!) норм *профессиональной этики*. Оценивая такую практику, мы неизменно говорим о том, что ответ, завершающийся формулой «все претензии – через суд», *репутационно затратен*, когда и если речь идет о профессионально-этической ошибке журналиста или медиаэтической ошибке редакции. Прерывая диалог с читателем, такой ответ, как минимум, подрывает доверие граждан и к СМИ, и к журналистской профессии.

Так что моя первая реплика-рекомендация, связанная с вашей почтой, совсем проста: старайтесь отвечать на письма лично задетых публикациями адресатов, даже и в тех случаях, когда от обязанности готовить ответы вы освобождены ст. 42 «Авторские произведения и письма» Закона РФ «О средствах массовой информации».

Вторая реплика-рекомендация сложнее. Старайтесь вовремя обнаружить и взять под личный контроль ситуации, когда предположительно *репутационно затратное* на перспективу обращение к вам в связи с конкретной публикацией может или даже обещает принять характер жалобы в Коллегию или же обращения в суд.

Оглядываясь на такую именно ситуацию, говорю: если засомневались в выборе ответа задетому лицу, покажите нам (в логике *закрытой консультации*, исключающей утечку информации) обращение читателя. Познакомьте нас с предъявляемыми вам обвинениями в предполагаемых нарушениях профессиональной этики журналиста, с предложениями об исправлении ошибки, например, или же с требованиями о принятии извинений. Если сможем – поможем разобраться в затруднении, дадим полезный совет. И, на что очень надеюсь, выделим из общего потока обращений в редакции те ситуации, которые способны принять характер достаточно опасных для редакций, *репутационно затратных* информационных споров, *пригодных к разрешению* методом МЭМ.

Предлагая вам обращаться за консультацией, снижающей *репутационные риски* (уточню, что Коллегия никогда и никому прежде таких предложений не делала), мы рассчитываем *с вашей помощью* быстрее

и точнее сформировать *предполье медиаэтической медиации*. И в итоге помочь ей стать действительно *эффективным* и при этом *репутационно сберегающим* инструментом медийного саморегулирования.

И реплика на выходе, *«протирка» оптики профессии* набоковским, возвратно-поступательным путём. В своём коротеньком введении к нашему сборнику *«Мировая журналистика в нормативных этических документах»*, *Рикардо Гуттьерес*, Генеральный секретарь Европейской федерации журналистов, назвал журналистику *«благородным делом, требующим благородной приверженности»*.

Желаю всем вам сил, мудрости и мужества на повседневное выражение этой самой *«благородной приверженности»* в заведомо непростое для *качественной журналистики* время.

Про будущее

И вот теперь не о будущем профессиональной этики журналиста вообще, т.е. в мире (где относительно спокоен) или же профессиональной этики журналиста в России (беспокойство очень велико), но о том, что лично мне оставляет надежду на будущее самой журналистской профессии (и в России, в том числе), а с ней и профессиональной этики. В случае заметной «просадки» последней эта профессия *скатится* (не *перейдёт*, пятясь, здесь никаких иллюзий) в нечто такое другое, черты которого и определять-то не хочу, чтобы не огорчиться безвозвратно: в силу прочности пуповины, соединяющей с журналистикой и сегодня, пусть уже в качестве «обслуживающего персонажа».

Завершая это письмо, *не совсем на деревню и не совсем дедушке профэтики*, вернусь к обнаруженному мной на медиафоруме «Журналиста» некоторому числу молодых людей, по преимуществу девушек, которых я ранее назвал *референтной* для себя группой.

Пару лет назад, когда только затевался «молодёжный подпроект» тогдашнего проекта Общественной коллегии по жалобам на прессу, группа студентов Московского Политеха, готовивших себя к журналистике, была для меня одной из пяти студенческих команд¹⁴.

Поясню, что сам «подпроект» в годовом проекте возник стихийно: группа студентов «Вышки», Высшей школы экономики, которой М.А. Федотов читал курс медиаправа, пришла на заседание Коллегии, чтобы посмотреть на медийное саморегулирование не в теории, а в живом виде. Посмотрела, увиденное обсудила. И заявила о желании и готовности выработать решение по той же жалобе самостоятельно.

¹⁴ Четыре из пяти наших первых студенческих команд были московскими, а одна, не очень регулярная по приходу на наши заведомо трудные, вечерние вебинары, – казанской.

Звоночек прозвенел, был услышан. Идея оказалась реализованной: студенческие команды вот уже два года рассматривают (параллельно с самой Коллегией) реальные жалобы, получаемые российским органом само- и саморегулирования, вырабатывают решения, которые мы слушаем и сравниваем друг с другом и с решениями самой Коллегии на специальных «молодёжных» вебинарах. Команды каких-то вузов вышли из игры за это время, постепенно сошли с круга¹⁵. Но какие-то заработали замечательно сильно.

Команды *Московского Политеха*, *УРФУ* (Екатеринбург), *Югорского университета* (Ханты-Мансийск), *ИМПЭ им. А.С. Грибоедова* (Москва), *Саратовского Исследовательского университета*, *Приволжского (Казанского) федерального университета* – у всех свои школы, традиции, наставники. С ними, очень разными, мне как руководителю «молодёжного подпроекта» Коллегии и модератору вебинаров, на которые мы собираемся примерно раз в месяц, чем дальше, тем интереснее (хотя и сложнее) работать. С удовольствием цитирую в этой связи Григория Юдина, очень хорошего социолога и отчасти философа: «Я думаю, что студенты – мои, и вообще студенты в России, – обычно гораздо умнее, чем старшее поколение, и в этом смысле умнее меня».

Соглашаюсь охотно, но при этом очень беспокоюсь по поводу профессионального будущего членов этих команд. Говорю сам себе: а было бы жаль, если бы и они, такие как есть, через полгода стали специалистами в эзоповом, а не профессиональном языке. Или, что уж совсем плохо, оказались бы перед выбором: или выполняй заказ – или ищи другую работу.

Велика ли вероятность такого поворота будущих биографий? К сожалению, да, велика; это понимаю. Но всё равно: именно на них, пока ещё очень свободных, думающих, склонных к полемике – надеюсь.

Кто-то ведь должен работать веслом, стоя в полный рост в той, особой лодочке, которая так замечательно получилась у светлой памяти Миши Гардубея: и в журналистике, в том числе.

¹⁵ Никаких вопросов к ним: работа в «молодёжном подпроекте» – это дополнительный к учебному, очень затратный расход времени, это большой труд, который ничем, кроме благодарности (если говорить о поощрении) не вознаграждается.

А.А.Гусейнов

УДК 171.0

Бакштановский как мой друг

Аннотация. Предлагаемые заметки посвящены 80-летию профессора В.И. Бакштановского. В них автор рассматривает общее направление творчества Бакштановского и своё отношение к нему, взяв в качестве ориентира понятие Другого. Выдвигается гипотеза, согласно которой этический анализ последнего возможен только в контексте философского учения о поступке, разработанного М.М.Бахтиным.

Ключевые слова: В.И. Бакштановский, прикладная этика, друг, поступок.

Владимир Иосифович Бакштановский вошел в отечественную этику со своей темой морального выбора. Конечно, мы все (те, кто стоял у истоков советской этики как особого предмета в рамках марксистско-ленинской философии) знали, что в основе этики лежит противоположность добра и зла, и что нравственная мудрость состоит в том, чтобы двигаться по пути добра и избегать зла, подобно тому, например, как в основе познания лежит противоположность истины и заблуждения, задача ученого и заключается в том, чтобы наполнять наши знания истинным содержанием и очищать от заблуждений. Но что это означает, если не останавливаться на отдельных конкретных высказываниях, которые содержались в классических (нормативных) текстах и сами подлежали герменевтическому анализу, а рассмотреть данную очевидность морального выбора в его философской глубине и обоснованности?

Сама постановка вопроса о моральном выборе в качестве научной задачи уже было началом более конкретного и точного анализа противоположности между добром и злом. Самоочевидный факт морального сознания становился вызовом этике, ответ на который требовал выхода за её узкие рамки и рассмотрения в более широкой перспективе. Вызов состоял в том, чтобы не останавливаться на позиции обыденного (повседневного) мышления, фиксирующего (в языке и мировосприятии) понятия добра и зла в их противоположности, а идти дальше и ответить на следующие вопросы: а) что лежит в основе этой противоположности, как она возможна; б) что из этого следует, как человеку себя вести, чтобы оставаться в рамках той логики, которая в ней (в данной противоположности) заключена?

Бакштановский осознал вполне, что это – различные вопросы и различные векторы движения мысли. Он, оставив, видимо, своим московским коллегам поиски метаэтических оснований морального выбора, сам, будучи сибиряком, привыкшим находить богатства в недрах земли, занялся его практическим аспектом. Что касается нас, его московских коллег, то мы, действительно, в поисках оснований морального выбора уходили в такие историко-философские выси как, например, автономия воли или логика исторического развития. Бакштановский же исходил из убеждения, что различие добра и зла, которое направляет моральный выбор человека, определяется содержательным различием, самой материей его деятельности. Отсюда шли все его поиски, которые маркировались определенными теоретическими позициями: «этика успеха», «профессиональная этика», «выбор меньшего зла», «управление нравственным воспитанием». Всё это было направленно и последовательно: предлагались вполне эмпирические критерии, позволяющие ориентировать моральный выбор, отделить добро от зла.

Бакштановский задал этике прикладной характер и на определенном этапе подошел к самому обозначению этой линии развития этики как прикладной. Вопрос не в самом обозначении (хотя и в этом смысле он может, видимо, претендовать на авторство), а в том, что он задал отечественной этике тренд, который соответствовал духу времени (в чём бы этот дух ни состоял), и в этом смысле она оказалась вполне на мировом уровне. И не его вина, а наша общая беда, что сравнительно массовое развитие прикладной этики в нашей стране стало происходить в путём заимствования западного опыта.

Особо надо отметить: он развивал прикладную этику не как (точнее – не только как) академическую, а как (также) опытную науку, которая, двигая вперед знания о морали, развивает и саму мораль, расширяет сами её формы и точки приложения. Он стал внедрять в практику моральных размышлений то, что сегодня обозначается новым словом кейсы: в частности, имею в виду его пример, кого спасать первым из двух тонущих – академика или слесаря. Надо, правда, уточнить, что этот пример был предназначен для 60-х годов прошлого века, когда не было сомнения, что академик для государства и общества, несомненно, более важен, чем слесарь, а не для сегодняшнего времени, когда это не столь очевидно). Он также впервые стал использовать для этико-воспитательных целей организационно-деятельностные (этико-прикладные) игры. Особую страницу его научно-практической деятельности составляет участие в человеческом освоении новых промышленных районов на севере Тюменской области. Еще одна особенность научных инициатив и проектов Бак-

штановского состоит в том, что всегда в них вовлекались широкие гуманитарные круги, не только ученые, но и журналисты, партийные работники, а из ученых не только этики, но и социологи, культурологи. Словом, Владимир Иосифович – человек творческий, нестандартный, цельный, который, судя по всему, отчитывается не только перед кем должен, но и кем-то нам неизвестным.

Эти заметки пишу не для того, чтобы рассказать о том, чем Бакштановский занимается. Моя цель иная – обозначить его фигуру в нашей этике, чтобы подумать о своём отношении к ней. Так случилось, что в моей академической биографии я всегда оппонировал Бакштановскому устно и письменно. Даже во время своих этических игр он выделял для меня особую позицию человека, в функцию которого входила критика самого предмета игры. Такая диспозиция оппонирования пар – вещь в интеллектуальной среде обычная, она просто означает, что люди придерживаются разных позиций (точек зрения). Так это было и когда Бакштановский говорил об этике успеха, я возражал: как можно этику измерять успехом, когда добро содержит свою награду в самом себе. Когда он говорил об управлении нравственным воспитанием, я спрашивал: а кто управляет, где тот учитель (воспитатель), которому общество может доверить это, и почему до сих пор не появилось такой профессии. Когда говорилось о цене человека, я спрашивал: а сколько стоит твоё собственное дитя. Словом, я защищал точку зрения автономии личности и самооценности (абсолютности) морали, а он проводил свой рациональный (прикладной, прагматический) подход к ней.

Не хочу сказать, что я был прав, а он нет. Не об этом сейчас речь (решение этого спора, раз уж упомянул его, вижу сегодня в разведении философии морали и науки о морали). Сказать же хочу о другом: несмотря на этот длящийся до сегодняшнего дня спор, мы оставались в дружеских отношениях. И не только товарищеского приличия коллег, а – по крайней мере, с моей стороны – именно в отношениях внутренней связанности, являющейся источником радости, как если бы речь шла о родном близком человеке. И до сих пор тешу себя надеждой выпить (для этого и берегу) вместе бутылку коньяка «Греми», который в своё время профессор Бандзеладзе подарил великому моралисту Я.А. Мильнеру-Иринину с наказом открыть в ознаменование выхода в свет своего знаменитого трактата «Этика, или принципы истинной человечности». Его дочь, Надежда Яковлевна, передала его мне за содействие в публикации этого труда. К сожалению, сам Мильнер-Иринин, не дождался.

Теперь подхожу к главному, ради чего делаю эти заметки. Владимиру Иосифовичу Бакштановскому, который на три года моложе

меня, днями будет 80, мы более 50 лет знаем друг друга и взаимодействуем в рамках профессиональной деятельности. Размышляя и высоко ценя эти реально сложившиеся отношения, сознавая, что они прошли проверку временем (в том числе крушением общества и государства, в котором сложились, и надеясь, что они выдержат и грядущие, по всему чувствуется, социальные катаклизмы), задаюсь вопросом, в чем их человеческая основа, тот каркас, на котором они держатся. Ответ, к которому прихожу, кажется странным. Этим и хочу поделиться.

Всё дело в том, что Бакштановский – это другой, и не вообще другой (вообще другого не существует), а именно мой другой, для меня другой. Он представлен в качестве другого на конце той линии, которая от меня тянется к нему. Точно также, как я есть на этом конце линии, которая от него тянется ко мне. Для того, чтобы понять его в этом качестве, мне надо саму профессиональную деятельность в рамках этики (и даже шире – профессиональной жизни) осмыслить как конкретный поступок – поступок в том понимании, какое ему придал М.М. Бахтин, рассматривая в качестве фундаментальной категории человеческого бытия. Но предварительно – одно замечание о расхожем понимании другого

Понятие другого занимает важное место в современных философских учениях и гуманитарной лексике, стало даже неким знаком интеллектуальной моды. Его противоречивая природа, обнаруживаемая уже на уровне языка и повседневных отношений, состоит в том, что другой, с одной стороны, «чужой», «неизвестный», с другой – это «не-я», «иной, чем я». «Я» и «другой» – соотносительные понятия, без первого – нет второго (в этом смысле этимологии, например, древнеславянской, в которой «другой» обозначается словом «второй», выражают очень существенный момент данного понятия). Но именно в силу этой вполне конкретной соотносительности, в которой без «я» нет «другого» (т.е., второго, не-я), «я» и «другой» не могут быть равнозначны. Это создает серьёзные проблемы для объективного этического анализа, ориентированного на равенство индивидов как базовой основы морального общения. Понятие другого получает свою особую интерпретацию в разных философских теориях (Фейербаха, Бубера, Сартра, Рикёра, Левинаса и др.). Расхожее представление о другом, складывающееся в общественном сознании в качестве суммированного итога всех продолжающихся аналитических упражнений вокруг данного предмета, состоит в том, что данное понятие призвано придать человечески адекватный (нравственно приемлемый) вид отношениям между индивидами. Индивиды А и Б (любые индивиды) вступают в человеческие (достойные человека)

отношения тогда, когда они становятся взаимнообратимыми, такими, в ходе которых любой из них воспринимает второго как своё иное, как самого себя, но в ином обличье, как другого, но такого же, как он. Понятие другого оказывается общим знаменателем отношений между разными индивидами, какими бы различными они по своим реальным физическим, социальным, духовным и прочим параметрам ни были.

Этика (мораль) в качестве такого знаменателя предлагает свои нормы. Когда этика в качестве всеобщих и универсальных, характеризует моральные нормы она именно этим и обосновывает их в качестве связующих нитей, автономных от всех иных связей и являющихся их условием, даже в том случае, когда эти иные связи заключаются в их взаимно непримиримой борьбе (отсюда, например, такой парадоксальный оксюморон как этика войны). Правда, здесь неизбежно возникает логический сбой: этика и мораль предлагают свои требования в качестве долга, не имеющего иных оснований, кроме доброй воли индивидов. Это означает: для того, чтобы этические и моральные требования могли выступать в качестве общего знаменателя, объединяющего различных индивидов, те уже должны руководствоваться ими, быть этичными, моральными. Когда этика и мораль пытаются осмыслить межчеловеческие отношения в их первичной ячейке как отношения двух индивидов (я и иной, я и не-я, я и ты), они попадают в ту же ловушку, в которой оказываются, когда выступают от имени общества. Говоря об отношениях людей, они не могут не рассуждать об обществе, ибо общество и есть совместное существование многих людей, при этом изначальный заданный, имманентный, необходимый и единственно возможный способ такого существования. Но выступая от имени общества они не могут найти в нём того особого субъекта, который мог бы стать его голосом. Этим этика и мораль отличаются от юриспруденции и права, от теологии и религии. Помимо самих индивидов, к которым обращены все социальные нормы и которые в той или иной форме и с разной степенью глубины вбирают их в себя, за юриспруденцией и правом стоят закон, законодатель, суд, карающая и поощряющая сила государства; за теологией и религией – соответствующие священнослужители, организации, обряды и т.п. За этикой и моралью никого отдельно и особо до настоящего времени общество не закрепило, оставив это право в факультативном и любительском режимах за всеми субъектами и институтами. В отношениях между двумя индивидами в праве всегда стоит третий, в религии тоже. В морали между ними нет никого.

Из всего сказанного следует, что в этике, если она хочет оставаться на своих основаниях доброй воли и долга, требуется другое

понимание феномена другого. Оно содержится, в частности, в учении Бахтина о поступке. Здесь не место подробно говорить об этом. Скажу самое главное: поступок (а по Бахтину – всё, все возможные формы и проявления активности индивида: чувства, мысли, действия и т.п. – суть поступки) развернут и в сторону – живого индивида, и в мир культуры. Мир культуры есть мир других людей, это общество. Можно сказать: поступок – это то, что соединяет живого индивида и других людей, в своей первооснове – это то, что разворачивается между «я» и «другим». В поступке следует различать сам факт его появления (существования) в мире и его предметное содержание. Поступок совершается (производится, творится) живым индивидом в силу того, что он живой, что он не может не поступать (не делать чего-либо) уже по той причине, что у него нет алиби в бытии. Фактом же поступок становится в тот самый момент, когда он обретает плоть, наполняется предметным содержанием, обретает конкретные пространственно-временные контуры, соединяется с другими индивидами. Поступок двучастен подобно голове и туловищу человеческого тела: он начинается с «Я» и тянется, направлен к «Другому» (или к персонифицированным другим). В такой конструкции человека «другой», будучи принципиально иным, чем «Я», и существуя только как «не-я», оказывается неразрывно связан с «Я», порождается им, вступает с ним в диалог (поддерживает, спорит, противостоит, уточняет и т.п.). В поступке выражается (реализуется, раскрывается, воплощается) разумность человеческого индивида в такой же мере, в какой и его общественная природа: сознательный характер деятельности человеческого индивида выражается в его изначальной связанности с другими индивидами.

Возвращаясь к Бакштановскому: он – мой другой, другой для меня (не такой, как я; иной, чем я) в рамках моего поступка профессиональной деятельности. Подобно тому, как могу предположить, я выступаю в качестве другого в жизненной перспективе самого Бакштановского. Вступив на академическую стезю, а внутри неё занявшись этикой, я совершил факт поступка, положил его начало, и в продолжение этого факта, оставаясь внутри него и наполняя его предметным содержанием, я оказался в определенном мире культуры, в котором нашёл много интересных учений, книг, мыслителей, споров прошлого и настоящего, а также много коллег в разных городах и странах, среди них также увлеченного тем же предметом смелого креативного ученого из Тюмени Владимира Бакштановского. Знакомство, общение, сотрудничество и споры с которым составили отдельный самостоятельный фрагмент (поступок) в рамках более

общего поступка профессиональной жизни и помогли мне искать свой путь и темы в этике.

Список литературы

1. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Введение в прикладную этику / Монография / Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2006. – 392 с.

2. *Гусейнов А.А.* Философия поступка как первая философия (опыт интерпретации нравственной философии М.М.Бахтина) // Вопросы философии, 2017, №6, с.5-15; №7, с.65-74

М.В. Богданова

УДК 174.7

Университетская этика, исследовательский протокол и интеграция университета

Аннотация. Интеграция университета в условиях его трансформирования предусматривает удерживание университетской идентичности при его открытости к изменениям. В статье анализируется потенциал профессионально-нравственных ориентиров профессора в качестве ценностного основания интеграции университета. Обсуждается разработанная В.И. Бакштановским концептуализация университетской этики, сочетающая проектно-ориентированную исследовательскую деятельность и ее практическое применение с использованием этико-прикладных технологий. Сочетание исследования профессионально-нравственных ориентиров этики профессора в изменяющемся ценностном университетском контексте, институционализации таких ориентиров в этическом кодексе, гуманитарной рефлексии конфликтности в понимании миссии университета его субъектами, этического консультирования возможностей согласования ценностных ориентиров – позволяют говорить о востребованности разработанной В.И. Бакштановским концепции университетской этики в решении задач как интеграции университета в целом, так и инсталляции исследовательского протокола в том числе.

Ключевые слова: университетская этика, профессионально-нравственное самоопределение, интеграция, этос ученого, корпоративность университета, исследовательский протокол.

Интеграция университета

Трансформация университетов – новое направление политики в российском высшем образовании, еще недавно воспринимавшееся настороженно университетским сообществом [12], – сегодня институционализируется в качестве образовательной дисциплины и специальности [9, 10]. Вероятно, таков ответ политиков, исследователей и аналитиков сферы высшего образования на адресуемые университетам вызовы новых социальных процессов, обусловленных стремительными, преимущественно технологическими изменениями. Можно предположить, что ответ включает и задачу интеграции (как на своей «внутренней территории», так и с другими российскими университетами и с современностью в целом). Следует отметить, что интеграция – актуальная задача в настоящее время не только для россий-

ских университетов¹. Вопрос о согласовании видения цели образования, его ключевой миссии становится для сферы высшего образования одним из наиболее значимых. Именно его, по мнению профессора Гарвардского университета Говарда Гарднера, упускают сегодня многие вузы, сосредотачиваясь на множестве побочных процессов и инициатив².

Как известно, интеграция, характеризующая функциональное свойство социальной системы, в том числе социальную солидарность, нормативно-регулятивную сферу [13], оказывается в фокусе внимания при ослаблении ориентирующей, регулирующей функций ценностных установок, социальных норм, правил на уровнях индивидуальном, общности, общества. Интеграция университета на своей «внутренней территории», с другими университетами, современностью с ее событийной неопределенностью, становится востребованной в связи с задачей обретения устойчивости [14]. Социальная интеграция на индивидуальном, групповом уровне «в ситуации соприсутствия или взаимодействия лицом к лицу» [5] – значимый фактор внутренней устойчивости университета. Системная интеграции (на институциональном уровне), предусматривающая сбалансированность миссии и согласованность внутреннего и внешнего позиционирования, влияет на устойчивость его позиции во внешнем мире. При этом особого внимания заслуживает вопрос о ценностных основаниях интеграции. Как отмечает А.Б. Гофман, «насильственно же заставить индивидов быть солидарными так же невозможно, как заставить быть свободными <...>, не базирующаяся на реальной взаимной за-

¹ Например, существенные различия в представлениях о перспективных целях образования были зафиксированы в результатах опроса, инициированного Американской ассоциацией колледжей и университетов (American Association of Colleges and Universities – AAC&U) в 2020 году. (Его участники профессора, деканы, заведующие академическими отделами, директора по институциональной эффективности, президенты, академические руководители и т.п., представляющие более семисот высших учебных заведений США, ориентированных на свободное образование [18].) Как известно, Американская ассоциация колледжей и университетов развивает парадигму свободного образования, которая ориентирует на максимально широкий круг дисциплин и минимальную специализацию – определяя, что такой подход позволяет человеку обрести самостоятельное мышление, открытость новым идеям.

² Профессор Говард Гарднер и его коллега Венди Фишман в марте 2022 года представили результаты пятилетнего исследования, выявившего существенные различия «реального мира» колледжей и его публичных описаний. Среди участников более 2000 студентов, выпускников, преподавателей, родителей 10 американских колледжей [19].

интересованности, справедливости и индивидуальной свободе, социальная солидарность невозможна» [6].

Ценности научно-образовательной деятельности и интеграция университета

Для российского университета сегодня одним из оснований интеграции можно рассматривать достижение репрезентативности практических ориентиров научно-образовательной деятельности профессионально-нравственным принципам, нормам профессии профессора. Однако, чтобы такие принципы как академическая честность, коллегиальность, самоопределение, автономность мышления, суждения и т.д. стали основаниями интеграции университета, они должны быть «действены в силу их фактического признания» – профессора должны уже ими руководствоваться в своей практической деятельности. Такая возможность обеспечивается, прежде всего, академической свободой. Являясь базовой ценностью этоса университета, она вполне обоснованно определяется как привилегия, которой могут пользоваться настоящие ученые, а не все люди, принадлежащие к академическому миру [4]. Такая привилегия – и в этом трудно не согласиться с британским коллегой Полом Гиббсом – предусматривает приверженность в деятельности ценностным установкам: быть достойным доверия; воздерживаться от самообмана; быть добросовестным, в том числе и за рамками конкретного статуса в конкретной институции [4, 94]. Следует отметить, что дилеммы: доверие vs самообман, поддерживающий ложные убеждения и идентичность; академическая добросовестность vs имитация исследовательской деятельности – характеризуют конфликтное противостояние профессионализма и профанации в сфере научно-образовательной деятельности многих российских университетов. При этом значимы не только содержательные формулировки максим, предложенных П. Гиббсом в качестве уместных ориентиров деятельности ученых в ситуации неопределенности, но собственно акцентирование внимания на необходимости рефлексии самими учеными вопросов, связанных с профессионально-нравственными ориентирами в их деятельности. Что представляется особенно важным в условиях нарастающей атомизации в университетском сообществе.

На повестку дня выходят вопросы о том, как возможно формирование навыков рефлексии, и в целом – чувствительности к проблемам профессионально-нравственного самоопределения в качестве неотъемлемой части профессионализма у будущего профессора? И достаточным ли условием для интеграции университета является ориентация лишь самих профессоров только на такие ценности – если администраторы не придают им значения базовых, даже при-

зная «инсталляцию исследовательского протокола» как условие успешности университета [15]?

Распознавание ситуаций морального выбора – необходимого условия профессионально-нравственного самоопределения в сфере *высоких* профессии³ – составляет важный аспект разработанной В.И. Бакштановским концептуализации университетской этики. Идентифицируемая в качестве прикладной, университетская этика определяется им «не как приложение-аппликация “готового знания”, но создание специализированного, теоретически и технологически (ноу-хау) обеспеченного знания, ориентированного на конкретный проект» [2, 58]. Представляя «университетскую этику в действии» через разработку концепции техзадания, экспертизу и проектирование профессионально-этического кодекса университета, В.И. Бакштановский уделяет особое внимание его ценностно-ориентирующему, регулирующему назначению; конвенциональному характеру; «отношению к субъекту, которому адресован кодекс, как к субъекту морального выбора». При этом речь идет не о декларативной апелляции к моральному выбору, но о выделении актуальных моральных дилемм научно-образовательной деятельности, ориентации на «этическое умение» в сфере принятия моральных решений [2, 197-205]. Кодекс, институционализируя ценностные ориентиры, нормы профессии, может быть фактором солидаризации в профессиональном сообществе.

В ситуации российского университета конца 90-х гг. XX в. потенциал этико-прикладного знания, реализованный, в том числе и в профессионально-этической кодификации деятельности профессора, создавал возможность поддержания целостности не только профессии, но и университета – при сохранении более открытой его внутренней среды.

Непрерывные волны реформирования, объединения, оптимизации российских университетов с начала в 2000-х гг. адресовали новые вызовы профессору и университетскому администратору, возлагая на администратора повышенную ответственность, делегируя большие (в сравнении предшествующим периодом) властные полномочия, в том числе в определении стратегии университета, его миссии и целей деятельности. В нормативно-ценностной системе

³ Метафора «высокая профессия» в отношении деятельности профессора, как отмечает В.И. Бакштановский, обосновывает необходимость выделения особой миссии: «Идея *высокой* профессии максимально соответствует той стороне дуалистичной по своей природе морали, которая характеризует мотивационный механизм, превосходящий функциональность. Атрибутивный признак *высокой* профессии – мировоззренческие ориентиры, доминирующая установка – служение в профессии» [1, 118].

университета в связи с этим обострился – как делает на этом акцент В.И. Бакштановский – «конфликтный дуализм двух малых этик»: профессиональной и организационно-корпоративной. Обострилась конфликтность двух типов миссии: *миссии-стратегии*, ориентирующей развитие университета на организационно-корпоративные ценности, характерные для любого делового предприятия; и *миссии-кredo*, ориентирующей на ценности университета как научно-образовательной корпорации, характерные для производства и распространения Знания [3, 15]. Разрешение такого рода ценностного конфликта соотносится автором с необходимостью согласования организационно-корпоративных ценностей с ценностями университета как научно-образовательной корпорации, ориентированной на производство и распространение Знаний, с ценностной ориентацией этики администратора на высший ярус университетской этики – *миссии-кredo*.

Разработанная В.И. Бакштановским методология гуманитарной рефлексии ценностных конфликтов, наиболее остро проявляющихся с начала 2000-х гг. в понимании базовыми субъектами научно-образовательной деятельности ключевой миссии университета, явилась своего рода ответом этико-прикладного знания на вызов, адресуемый системной (институциональной) интеграции университета в условиях конкуренции за ресурсы, абитуриентов и т.д. В целом можно сказать, что предложенная автором концептуализация университетской этики помещает в фокус внимания научно-образовательной деятельности, непрерывно явно и латентно трансформирующейся или трансформируемой, – ее профессионально-нравственные ориентиры. Исходя из такой особенности в рамках инновационной парадигмы прикладной этики, «малые нормативно-ценностные системы» (в том числе этики профессора, администратора) рассматриваются сначала в контексте изменяющейся ситуации университета, затем конкретизируются конфликтные по ценностному основанию видения миссии профессии, университета, далее осуществляется гуманитарная экспертиза и консультирование возможных подходов к разрешению конфликтности. Как представляется, современная ситуация российского университета содержит запрос на экспертный и проектно-ориентированный потенциал такой концептуализации университетской этики.

Исследовательский протокол, корпоративность и интеграция университета

Задача восстановления исследовательского протокола является, пожалуй, одной из ключевых для будущих специалистов по трансформированию университетов. Характеристики, описывающие феномен «исследовательского протокола» (в том числе общенаучные,

дисциплинарные этические нормы, влияние на исследовательскую повестку дисциплинарного направления, дискуссии с альтернативными подходами, включенность в мировой научный контекст и т.п.) [15], совпадают во многом с характеристиками профессионально-нравственных ориентиров профессии профессора. И, скорее всего, не во всех российских университетах практические ориентиры в деятельности профессора им репрезентативны.

Соответственно, задача инсталляции исследовательского протокола является одной из важных. А поскольку не у всех российских университетов есть возможность приглашать на работу сотрудников, имеющих «хорошие PhD в хороших университетах, означающие, что исследовательский протокол у них инсталлирован» [15], вопрос о возможности такой инсталляции (если речь идет о процессах, не регулируемых административными нормами) является актуальным. Имеющийся опыт административного регулирования научной деятельности, прежде всего через развитие публикационной активности, вполне это подтверждает. Он говорит и о том, что дигитализированные плановые показатели публикационной активности способствуют развитию имитации в сфере научной деятельности [7]. В целом имитации в исследовательской деятельности распространились за прошедшую четверть века не в первую очередь в связи с пренебрежением исследовательским протоколом по незнанию. И это еще более осложняет возможности быстрого устранения такого рода имитаций – поскольку устранение двойных стандартов, как известно, процесс сложный и длительный.

Научные школы [17], существующие в российских университетах, потенциально способны поддерживать среду, необходимую для освоения профессионально-нравственных ориентиров, принципов и правил исследовательского протокола новыми поколениями профессоров. В университетах есть исследователи, работающие, соблюдая базовый протокол, ориентируясь на принципы значимости, альтернативности, актуальности. Такого рода ориентация обусловлена отголосками культурных традиций преемственности [8].

Инсталляции исследовательского протокола в научно-образовательную деятельность университета будет содействовать возобновление в качестве приоритетного открытого исследовательского семинара во главе с профессором – действующим исследователем – для привлечения молодых ученых как внутри университета, так и вне. Как минимум, такое возобновление может быть провокацией в хорошем смысле этого слова – примером того, что в университете возможны коммуникативные исследовательские площадки, работающие с новым знанием. Именно в этом и заключается одна из ос-

новых миссий университета, не только исторически гумбольдтовского, но и современного. Речь не идет об инбридинге, исследовательский семинар может иметь сетевой формат: с участием магистрантов (различных существующих в университете образовательных программ и программ других профильных университетов), сосредоточенных, например, на теоретических аспектах решения практико-ориентированных проблем на стыке различных дисциплин. Это, в свою очередь, повлияет на восстановление баланса между различными функциями дисциплин и создаст шанс для формирования новых научных направлений. Профилактикой утраты интеллектуальной связанности является взаимодействие, стимулируемое исследовательской проблемой. Таким образом, можно будет говорить о переходе от проблемно-ориентированного междисциплинарного воспроизводства знаний к формированию нового знания – новой дисциплинарности. Сетевая структура взаимодействия в исследовательском семинаре профессоров и студентов разных образовательных программ разных университетов потенциально имеет шанс дополнить позицию сосредоточенности исключительно на решении реальных проблем производств, работой над собственно университетскими задачами (производством нового знания). При этом университет может попытаться инициировать издание качественных научных профильных журналов.

При решении задачи восстановления исследовательского протокола в научно-образовательной деятельности университета одной из важных становится задача выстраивания своего рода инфраструктуры его поддерживания.

Существование в университетах корпоративной (организационной) и корпоративной (профессиональной) культур, можно сказать, имманентно характеризуется умеренной напряженностью. Идея корпоративизации университета (как организации, прежде всего), рассматриваемая на протяжении прошедшего десятилетия как временная мера в условиях трансформирования, рискует стать основанием для строительства «моста вдоль реки».

Практика трансформирования университета – активная коммерциализация (середина 90-х – начало 2000-х); процессы слияния вузов во втором десятилетии 2000-х; «рекрутирование» в административное ядро университетов специалистов с выраженной экономической дисциплинарной направленностью; перевод языка университета на язык коммерции; превращение концепта «экономика знаний» в основную идеологию университета – создали некоторые метаморфозы в организационной культуре многих российских университетов. Так, незавершенность интеграции объединяемых университетов, не-

смотря на структурные и административные перестройки, сохраняет разделение в объединенном университете на «своих» (сотрудников своего вуза) и «не своих» (сотрудников вуза, с которыми объединились), стимулируя, тем самым, процессы дезинтеграции.

Администрацию и профессорско-преподавательский состав трансформируемых университетов можно рассматривать как две конкурирующие субкультуры: у первой есть власть и финансовые ресурсы, а вторая своим человеческим капиталом во многом определяет (не)реализуемость разрабатываемых административным корпусом стратегий. Интеграция университета в условиях интенсивных, порой не планируемых изменений, предусматривает в качестве одной из главных задач перевод сотрудников в рефлексивную позицию – когда смыслы развития университета становятся смыслами в исполнении ими своих академических и административных обязанностей [16]. Развитие университета как академической корпорации может стать смыслами такого рода. Вероятно, одна из задач при движении в этом направлении – налаживание прямой коммуникации администраторов (как высшего уровня, так и среднего) с профессорско-преподавательским составом относительно видения университета, его ключевой миссии. Идеологемы, например: «вуз корпораций», «опорный университет»; «вхождение в программу “Приоритет 2030”» – даже если они отражают цели университета в пространстве высшего образования, не содействует формированию репрезентативной университетской культуры. Необходим перевод внешних целей на университетский язык (чтобы превратить их в средство движения к академической корпорации). Коммуникативным пространством для такого «перевода» могут быть площадки прямого диалога в отношении того, чего мы – университет – хотим достигнуть с учетом реального положения дел, затем, чего мы должны достигнуть, а далее – договариваться о распределении ответственности, полномочий, дисциплине.

Установка на максимальное удовлетворение запросов потребителя (прежде всего, стейкхолдеров – нефтяных корпораций и т.п.) не способствует наращиванию уникальности университета по академическим признакам. Содействуя развитию поддерживающих инноваций, такая установка в некоторых ситуациях препятствует созданию в университете «подрывных» инноваций, которые если и не дают быстрых финансовых выигрышей, но, как известно, создают существенные преимущества первопроходцам.

Разрыв в университете между внутренним и внешним позиционированием усиливает процессы дезинтеграции [16]. Так, например, если миссия университета формулируется под определенный про-

ект, в котором участвует университет, скорее всего, она не выполнит своего предназначения в его внешнем позиционировании в длительной перспективе. Например, если это проект «Опорные университеты», то миссия университета, созданная исключительно под такой проект, скорее всего, будет представлять его как корпоративный, хотя он, возможно, таковым и не является [см., напр.: 11]. И если стейкхолдеры такую формулировку миссии университета как-то могут воспринять, то студенты, профессорско-преподавательский состав – вряд ли, поскольку содержащийся в ее формулировке ответ на вопрос «Кто мы?», скорее всего, не предусматривает их субъектную позицию.

Однако, сделать смыслы развития университета основными смыслами его участников – вряд ли смогут даже хорошо сформулированные миссия, корпоративный кодекс, если они не отражают согласованные профессионально-нравственные ценности базовых профессий научно-образовательной деятельности – профессора и администратора. Профессиональный интерес, видение перспектив в университете профессиональных траекторий профессоров, студентов, администраторов можно рассматривать в качестве предпосылок формирования доверия, самовозложения ответственности, становления университетского этоса, необходимого для реализации исследовательского протокола.

В целом, уже контурное очерчивание контекста реализации исследовательского протокола, корпоративных особенностей ситуации российского университета указывают на потенциальную востребованность в деятельности, институционализирующейся в качестве специальности по управлению трансформациями в университетах, концепции университетской этики, разработанной В.И. Бакштановским. Очевидно, что процесс институционализации новой специальности только оформляется, значительно различаются понятийный тезаурус, языки описания университета в разработках, оформляющих новое дисциплинарное направление, и концептуализации университетской этики. Однако ее потенциальная значимость (как операционализации «работы» проектно-ориентированного этического знания, фронестических технологий формирования, восстановления ориентирующей функции профессионально-этических ценностей научно-образовательной деятельности) носит не столько исторический, сколько онтологический характер в решении задач интеграции трансформируемого университета.

Список литературы

1. *Бакштановский В.И.* Университетская этика: Прикладная этика. Инновационный курс для магистр(ант)ов и профессоров. Часть вторая. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2012. 268 с.
2. *Бакштановский В.И.* Университетская этика: Прикладная этика. Инновационный курс для магистр(ант)ов и профессоров. Часть третья. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2014. 242 с.
3. *Бакштановский В.И.* Ценностные ориентиры университетского администратора: концептуальное техзадание к этико-прикладному проекту Университетская этика: актуальная повестка дня. Ведомости прикладной этики. Вып. 47. Тюмень: НИИ ПЭ, 2015. С. 11-26.
4. *Гиббс П.* Эмос свобод ученого // Ведомости прикладной этики. 2022. Вып. 59. С. 93-102.
5. *Гидденс Э.* Устройство общества. Очерки теории структуризации. - 2-е изд. М.: Академический проект, 2005. 528 с.
6. *Гофман А.Б.* Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социальная солидарность и альтруизм: Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования. Сб. науч. тр. / Отв. ред. Д.В. Ефременко. М.: РАН. ИНИОН, 2014. С. 16-100.
7. *Кулешова А.В., Подвойский Д.Г.* Парадоксы публикационной активности в поле современной российской науки: генезис, диагноз, тренды // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. №4. С. 169-210.
8. *Ли Ц.* Культурные основы обучения: Восток и Запад / пер. с англ. А. Апполонова, Т. Котельниковой; под науч. ред. С. Филоновича; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 464 с.
9. Магистерская программа «Управление высшим образованием» // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <<https://www.hse.ru/ma/mannedu/about/>> (дата обращения 25.04.2022).
10. Магистерская программа «Экспериментальное высшее образование» // Школа перспективных исследований ТюмГУ. URL: <<https://sas.utmn.ru/ru/ma-xhe/>> (дата обращения 29.04.2022).
11. Миссия // Официальный сайт Тюменского индустриального университета. URL: <<https://www.tyuiu.ru/university/missija/>> (дата обращения 25.04.2022).
12. *Назайкинская О.* 8 способов трансформировать университет (только для истинных новаторов) // Центр трансформации университетов. Московская школа управления СКОЛКОВО. [Электронный ре-

супс]. URL: <<https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/8-sposobov-transformirovat-universitet-tolko-dlya-istinnih-novatorov/>> (дата обращения 29.04.2022).

13. *Парсонс Т.* Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. М., 1996. С. 494-526.

14. *Согомонов А.Ю.* Устойчивый университет (академическая этика, высшее образование и прикладная этика) // Ведомости прикладной этики. вып. 52. Тюмень: НИИ ПЭ, 2018. С.119-133.

15. *Щербенок А.* Исследовательский протокол и его инсталляция в российских университетах // Наука побеждать: куда наука ведет университет. Вебинар. Юрайт.Академия. 2020. URL: <<https://www.youtube.com/watch?v=KX9vzsQLk8&t=2117s>> (дата обращения 29.04.2022).

16. *Щербенок А.* Управление университетами. Online-курс по трансформации университетов. URL:<<https://www.skolkovo.ru/programmes/15102020-online-kurs-upravlenie-universitetami>> (дата обращения 15.05.2022).

17. *Ядов В. А.* Круглый стол: «Размышления о научной школе» // Вестник Института социологии. 2014. № 9. С. 11-35.

18. *McConnell K., Finley A.* On the Same Page? Administrator and Faculty Views on What Shapes College Learning and Student Success // 2022 by American Association of Colleges and Universities. Hanover Research. URL: <https://dgmg81phvh63.cloudfront.net/content/user-photos/Research/PDFs/OntheSamePage_FINAL_2-15-22_pdftoprint.pdf> (дата обращения 29.04.2022).

19. *Fischman W., Gardner H.* The Real World of College. What Higher Education Is and What It Can Be. Cambridge: The MIT Press, 2022.

**Выпуски журнала «Ведомости прикладной этики»^{*}
1995 – 2022 гг.**

Выпуски 1995 – 2000 гг.

Дух образовательной корпорации. Ведомости. Вып. 1 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 1995. – 72с.

Выпуск Ведомостей содержит материалы стартового этапа реализации проекта. Представлены результаты теоретических исследований, этико-прикладных разработок, рефераты публикаций зарубежных авторов. Особое место занимают материалы пилотажного этапа мониторинга «Нефтегазовый университет как образовательная корпорация» и рефлексия о месте и роли ТюмИИ в становлении Тюменского регионального этоса. «Ведомости» адресованы коллективу ТюмГНГУ, студентам, преподавателям, администраторам, исследователям этоса современного университетского сообщества, региональной общественности.

Незримый колледж успешных профессионалов. Ведомости. Вып. 2 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 1995. – 177 с.

Выпуск Ведомостей собран вокруг темы «Незримый колледж успешных профессионалов». В основных разделах издания представлены результаты теоретического поиска, этико-социологического мониторинга, переводы, рефераты, обзоры. Особое место занимают материалы экспертного опроса выпускников Тюменского индустриального института: аналитический обзор результатов интервью и фрагменты фонограмм бесед. Ведомости адресованы коллективу ТюмГНГУ – студентам, преподавателям, научным сотрудникам, администраторам; коллегам из других вузов, давно или только что вставших на нелегкий путь трансформации обычного института в университет; общественности региона, а также исследователям современной прикладной этики, проблем нравственной жизни региона, формирования этоса университетского сообщества.

Успешные профессионалы: вчера, сегодня, завтра. Ведомости. Вып. 3 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 1996. – 215 с.

Номер собран вокруг темы «Ценности профессионализма и успешности в судьбах современной российской модернизации». Два раздела выпуска составили тексты экспертных интервью выпускников Тюменского индуст-

^{*} До 2012 года журнал имел название «Ведомости» (см. страницу журнала «Ведомости прикладной этики» на официальном сайте Тюменского индустриального университета. URL: <<https://www.tyuiu.ru/nii-i-laboratorii/ethics/zhurnal-vedomosti/285729-2/>>

риального института, которые, как представляется авторам проекта, «стоялись» в избранном ими Деле. Ряд участников экспертного мониторинга не учились в ТИИ, но, работая в нем многие годы, достигли профессионального и делового успеха в различных сферах деятельности, в том числе – в подготовке тех выпускников ТИИ, которые участвуют в экспертизе. Третий раздел – своеобразная «экспертиза экспертизы»: аналитические материалы по текстам экспертного мониторинга, включенным в первый и второй разделы.

Новое поколение выбирает успех? Ведомости. Вып. 4 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 1996.-166 с. Номер открывается рубрикой, посвященной критическому обсуждению целей НИИ ПЭ и результатов первого года его деятельности. Два следующих раздела содержат материалы проекта, который ведет НИИ ПЭ в 1996 году: «Новое поколение выбирает успех?». Это аванпроект этико-социологического исследования, начатого в ТюмГНГУ, и теоретические статьи, среди которых фрагменты известной работы Ксении Касьяновой. Программы и разработки спецкурсов сотрудников НИИ ПЭ обращены к будущим слушателям, получающим таким образом возможность повлиять на содержание курсов через их предварительное обсуждение. Номер завершается традиционной рубрикой переводов и рефератов.

Какой успех выбирает новое поколение? Ведомости. Вып. 5 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 1996. – 192 с.

В разделе «Теоретический поиск» публикуются работы, связанные с исследованиями философских, этических, культурологических проблем феномена успеха применительно к истории и сегодняшней ситуации в России. В этом выпуске начинается публикация результатов проведенного НИИ ПЭ этико-социологического исследования отношения студентов нашего университета к ценности успеха. Номер завершается традиционной рубрикой переводов и рефератов.

Российская модель успеха. Ведомости. Вып. 6 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 1996. – 264 с.

Номер открывается ставшей традиционной рубрикой, посвященной обсуждению предшествующих выпусков Ведомостей НИИ ПЭ на проблемных семинарах в ТюмГНГУ, в СМИ, в письмах в редакцию и т.п. В разделе «Теоретический поиск» публикуются работы, посвященные программным направлениям деятельности института – этическим и культурологическим проблемам феномена успеха в его общецивилизационной версии и применительно к сегодняшней ситуации в России, а также вопросам регионального этоса. Продолжается публикация результатов проведенного НИИ ПЭ этико-социологического исследования отношения студентов нашего университета к ценности успеха. Номер завершается традиционной рубрикой переводов и рефератов, в которой особое место занимает публикация культурологического эссе З. Баумана.

Этика дела. Ведомости. Вып. 7 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 1997. – 256с.

Номер открывается традиционной рубрикой, посвященной обсуждению предшествующих выпусков Ведомостей НИИ ПЭ на проблемных семинарах в ТюмГНГУ, в СМИ, в письмах в редакцию и т.п. В разделе «Теоретический поиск» публикуются работы, посвященные направлениям деятельности института в 1997 году – этическим проблемам феномена делового успеха в его общецивилизационной версии и применительно к сегодняшней ситуации в России, а также вопросам регионального этоса. В этом выпуске открыта новая рубрика, посвященная гуманитарному консультированию стратегии развития ТюмГНГУ. Номер завершается рубрикой переводов и рефератов.

Этика дела – II. Ведомости. Вып. 8 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 1997. – 112 с.

Номер открывается рубрикой, содержащей материалы внутренней экспертизы проектов НИИ ПЭ на университетских проблемных семинарах и конференциях. В разделе «Теоретический поиск» публикуются работы, посвященные духу предпринимательства в современной России, новым проблемам регионального этоса. Продолжается рубрика, посвященная консультированию стратегии развития ТюмГНГУ. В этом выпуске за традиционной рубрикой переводов и рефератов следует новая – «Словарь прикладной этики».

Дух университета. Ведомости. Вып. 9 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 1998. – 184 с.

Номер открывается рубрикой, содержащей материалы внутренней экспертизы проектов НИИ ПЭ на университетских проблемных семинарах и конференциях. В разделе «Теоретический поиск» продолжается публикация работ, посвященных духу предпринимательства в современной России, новым проблемам регионального этоса. Продолжается рубрика, посвященная консультированию стратегии развития ТюмГНГУ. За традиционной рубрикой переводов и рефератов вновь следует «Словарь прикладной этики».

Становление духа университета. Ведомости. Вып. 10 / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова, Тюмень: НИИ ПЭ, 1998. – 216с.

Первая рублика номера посвящена заочной годичной конференции НИИ ПЭ на тему «Отношение университетского сообщества к реформированию вуза». Одноименный аналитический доклад НИИ ПЭ опубликован в рубрике «Миссия университета». В разделе «Теоретический поиск» завершается публикация цикла статей о духе российского предпринимательства. В рубрике переводов и рефератов представлены три материала об этике предпринимательства. Публикуется очередная статья из цикла «Словарь прикладной этики».

Этика современного воспитания. Ведомости. Вып. 11 / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 1998.– 126 с.

С этого номера НИИ ПЭ начинает проект, посвященный исследованию теоретических и практических проблем современного воспитания. Первая и вторая рубрики номера знакомят с материалами, раскрывающими ситуацию воспитания наших дней в опыте конкретного университета. Особое место занимает статья А.Г. Асмолова, представляющая своеобразный «заказ» на развитие этики воспитания. В номере представлены также теоретические результаты попытки познания феномена воспитания в масштабах общества и в «региональном измерении». В рубрике рефератов публикуются материалы об этике образования и воспитания в представлениях зарубежных авторов. Продолжена рубрика «Словарь прикладной этики».

Эстафета поколений: Индивидуальные биографии жизненного пути выпускников и коллективная биография вуза. Ведомости. Вып. 12, специальный / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 1998. – 184 с.

Задуманный в рамках одного из важнейших проектов НИИ прикладной этики – «Становление духа университета» – специальный, 12-й, выпуск Ведомостей, приуроченный к 35-летию ТИИ-ТюмГНГУ, ставит своей задачей рефлексию успешных выпускников ТИИ по поводу индивидуальных биографий их жизненного пути и коллективной биографии вуза. Тексты авторов выпуска, в целом образующие своеобразную экспертную систему, объединены в четыре группы: успешные выпускники вуза, сделавшие карьеру за его пределами; успешные выпускники вуза, ставшие его сотрудниками; сотрудники вуза, работающие в нем с первых лет ТИИ и соотносящие свои личные биографии с биографией института (университета); сотрудники НИИ ПЭ, пытающиеся проанализировать наиболее интересные, с их точки зрения, моменты рефлексивных автобиографий выпускников института.

Цивилизационные парадигмы воспитания. Ведомости. Вып. 13 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 1999. – 176 с.

Первая рубрика выпуска посвящена экспертному опросу преподавателей и студентов университета на тему «Ценности и нормы современного воспитания в вузе». В разделе «Теоретический поиск» продолжается публикация цикла статей об этосе современного воспитания. В рубрике «Миссия университета: гуманитарное консультирование стратегии развития» публикуются материалы проблемного семинара на тему «“Служение профессии” или “жизнь за счет профессии”?» В рубрике переводов и рефератов представлены тексты, раскрывающие зарубежный опыт исследования этики современного образования. Публикуется очередная статья из цикла «Словарь прикладной этики».

Этос среднего класса. Ведомости. Вып. 14 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 1999. – 160 с.

Первая рубрика выпуска посвящена экспертному опросу преподавателей и сотрудников университета на тему «Дух и правила игры среднего класса в образовании». В разделе «Теоретический поиск» публикуется цикл статей, посвященных актуальным проблемам этического исследования феномена среднего класса в России. В рубрике «Миссия университета: гуманитарное консультирование стратегии развития» представлены материалы очередного проблемного семинара участников коллективной монографии «Становление духа университета». В рубрике переводов и рефератов начата публикация классической монографии Д.МакКлелланда «Достижительное общество». Выпуск завершается очередной статьей из цикла «Словарь прикладной этики», посвященной профессиональной этике.

Этос воспитания: повестка на XXI век. Ведомости. Вып. 15 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 1999. – 154 с.

В первой рубрике «Обратная связь» представлены материалы проблемных семинаров. В разделе «Теоретический поиск» публикуются статьи по основной теме этого выпуска – современные проблемы этики воспитания. В рубрике «Миссия университета: гуманитарное консультирование стратегии развития» представлены материалы очередного семинара участников коллективной монографии «Становление духа университета», посвященного формированию духа среднего класса у студентов. В рубрике переводов и рефератов продолжена публикация перевода классической монографии Д.МакКлелланда «Достижительное общество» и реферата фрагментов книги об этике образования. Выпуск завершается очередной статьей из цикла «Словарь прикладной этики», посвященной политической этике.

Университет в XXI веке. Ведомости. Вып.16/ Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2000. – 164 с.

В первой рубрике «Обратная связь» представлены материалы проблемных семинаров. В разделе «Теоретический поиск» публикуются статьи по основной теме этого выпуска – современные проблемы этики воспитания. В рубрике «Миссия университета: гуманитарное консультирование стратегии развития» представлены материалы очередного семинара участников коллективной монографии «Становление духа университета», посвященного формированию духа среднего класса у студентов. В рубрике переводов и рефератов продолжена публикация классической монографии Д.МакКлелланда «Достижительное общество» и фрагментов книги об этике образования. Выпуск завершается очередной статьей из цикла «Словарь прикладной этики», посвященной политической этике.

Профессиональная этика инженера. Ведомости. Вып.17 / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2000.- 230 с.

В рубрике «Мониторинг» публикуются материалы пилотного этапа нового проекта НИИ ПЭ, посвященного этике основных профессий, получаемых в ТюмГНГУ, – инженера, менеджера, научного работника, социального работника и т.п. В разделе «Теоретический поиск» публикуется статья, завершающая цикл «Этика воспитания», заметки об этике научного сообщества, оригинальный текст по новому направлению этических исследований. В новой рубрике «Публицистика» представлен фрагмент будущей книги известных отечественных политологов. В рубрике «Миссия университета: гуманитарное консультирование стратегии развития» публикуется фрагмент главы, подготовленной ректором университета Н.Н.Карнауховым для коллективной монографии «Становление духа университета». В рубрике переводов и рефератов продолжена публикация классической монографии Д.МакКлелланда «Достижительное общество», представлен реферат статьи о кодексе американской ассоциации гражданских инженеров и др. Выпуск завершается очередными статьями из цикла «Словарь прикладной этики».

Выпуски 2001 – 2011 г.г.

Этика науки. Ведомости. Вып. 18 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2001. – 244 с.

Тема очередного выпуска журнала продолжает новый проект НИИ ПЭ, посвященный этике основных профессий, которые получают выпускники ТюмГНГУ. В рубрике «Обратная связь» публикуются материалы совместного проблемного семинара НИИ ПЭ и кафедры машиностроения, участники которого обсуждали материалы пилотного исследования этики инженера. В разделе «Теоретический поиск» представлены статьи об этике науки и перспективах развития профессиональной этики. В новой рубрике «Публицистика», открытой в 17-ом выпуске, продолжается публикация глав будущей книги известных отечественных политологов. В рубрике «Миссия университета: гуманитарное консультирование стратегии развития» – фрагменты стенограммы ставшего традиционным ректорского семинара, на этот раз обсуждавшего раздел, подготовленный ректором университета Н.Н. Карнауховым для коллективной монографии «Становление духа университета». В разделе переводов и рефератов продолжена публикация классической монографии Д. МакКлелланда «Достижительное общество». В этом выпуске открыта новая рубрика «Словарь фундаментальной этики». Авторы словарных статей – известные российские этики А.А.Гусейнов и Р.Г. Апресян. Выпуск завершается очередными статьями из цикла «Словарь прикладной этики» В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова.

Жизнь в профессии. Ведомости. Вып. 19 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2001. – 190 с.

Очередной выпуск журнала продолжает новый проект НИИ ПЭ, посвященный этическим проблемам основных профессий, к которым готовит

своих выпускников ТюмГНГУ. В рубрике «Мониторинг» представлены материалы экспертного опроса инженеров – выпускников университета. В разделе «Теоретический поиск» публикуется первая из цикла статей об этике управления. В ставшей постоянной рубрике «Публицистика» продолжается публикация глав будущей книги известных отечественных политологов. В этом выпуске открывается новая рубрика «Жизнь в профессии», в которой будут публиковаться интервью с ведущими профессорами университета. В рубрике переводов и рефератов продолжена публикация реферата книги об этике современного образования. Здесь же представлен перевод главы из книги известного социолога И. Гофмана. Выпуск завершается очередной статьей В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова из цикла «Словарь прикладной этики».

Моральный выбор. Ведомости. Вып. 20 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2002. – 280 с.

Выпуск журнала продолжает публикацию материалов основных проектов НИИ ПЭ. В рубрике «Теоретический поиск» статьей об этосе научной карьеры продолжается проект, посвященный этическим проблемам основных профессий, к которым готовит своих выпускников ТюмГНГУ. Другие статьи этой рубрики отражают актуальные проблемы этико-прикладного исследования современной моральной ситуации. В постоянной рубрике «Публицистика» – еще одна из глав будущей книги известных отечественных политологов «Русская самобытность». В номере публикуется второй материал цикла автобиографических интервью на тему «Жизнь в профессии». В рубрике, освещающей серию ректорских семинаров о гуманитарных аспектах стратегии развития университета, представлены фрагменты стенограммы семинара об этосе власти менеджера. В традиционной рубрике, публикующей рефераты и рецензии, представлено продолжение перевода книги об этике современного образования.

Homo faber: этика и этос. Ведомости. Вып. 21 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2002. – 216 с.

Очередной выпуск Ведомостей открывается рубрикой «Мониторинг», в которой представлены материалы этико-социологического исследования проблем профессиональной этики инженера. В рубрике «Теоретический поиск» статьей об этосе управления продолжается другой проект, также посвященный этическим проблемам основных профессий, которые получают выпускники ТюмГНГУ. Еще один текст из проекта, посвященного этим профессиям, представлен в рубрике автобиографических интервью «Жизнь в профессии». В рубрике «Миссия университета» публикуется доклад НИИ ПЭ на тему самоопределения университета. Актуальным этико-социологическим и этико-политическим проблемам трансформации российского общества посвящена статья о моральной асинхронности нашего общества и очередная работа Т. Кутковец и И. Клямкина под названием «Модернистский проект». В традиционной рубрике, публикующей рефераты и рецензии, представлен новый текст Ирвинга Гофмана. В ав-

торской рубрике В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова публикуются материалы к словарной статье «Эволюция морали в пространственном измерении».

Идея гражданского общества. Ведомости. Вып. 22 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2003. – 208 с.

Выпуск журнала продолжает публикацию материалов основных проектов НИИ ПЭ. Тема выпуска – Идея гражданского общества. В рубрике «Теоретический поиск» публикуется аналитический обзор литературы о природе гражданского общества, статьи о культуре шанса, этосе науки в гражданском обществе. В постоянной рубрике «Публицистика» – отклик на годовщину Гражданского форума. В номере публикуется очередной материал цикла автобиографических интервью на тему «Жизнь в профессии». В рубрике, освещающей серию ректорских семинаров о гуманитарных аспектах стратегии развития университета, представлены материалы экспертных интервью с участниками семинара на тему «Университетская миссия и ценности гражданского общества». В традиционной рубрике, публикующей рефераты и рецензии, представлены публикации о гражданском образовании, социологическом исследовании молодежи и т.п.

Ценности гражданского общества. Ведомости. Вып. 23 / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2003. –272 с.

Очередной выпуск Ведомостей открывается новой рубрикой «Homo faber как проблема постиндустриального общества», посвященной совместным семинарам инженерных и гуманитарных кафедр ТюмГНГУ. В рубрике «Теоретический поиск» публикуется ключевой текст этого выпуска о природе и ценностях гражданского общества. Здесь же представлена статья «“Моральная экономика”: из традиционности в современность». Две статьи об этосе науки продолжают проект, посвященный этическим проблемам основных профессий, которые получают выпускники ТюмГНГУ. Еще один текст на эту тему представлен в рубрике автобиографических интервью «Жизнь в профессии». В «Миссии университета» публикуется программа цикла ректорских семинаров. В традиционной рубрике «Переводы. Рефераты. Обзоры» представлен перевод главы из известной книги А. Шютца.

Политическая этика: социокультурный контекст. Ведомости. Вып. 24 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2004. – 272 с.

Очередной выпуск Ведомостей структурирован традиционными для нашего журнала рубриками. «Теоретический поиск»: ключевой текст этого выпуска «Как возможна политическая этика». Здесь же представлены две статьи о классических концепциях политической этики – Аристотеля и Макиавелли. «Публицистика»: полемическая статья И. Клямкина «Тоталитарный инстинкт (ответ Александру Ципко)». «Жизнь в профессии»: авто-

биографическое интервью с В.Е. Копыловым. «Миссия университета»: фрагменты очередного ректорского семинара.

Общепрофессиональная этика. Ведомости. Вып. 25 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2004. – 256 с.

Выпуск Ведомостей структурирован традиционными для нашего журнала рубриками. «Теоретический поиск»: ключевой текст этого выпуска – развернутая концепция общепрофессиональной этики. Здесь же представлены иные версии природы прикладной и профессиональной этики. «Публицистика»: статья И. Клямкина. «Жизнь в профессии»: новое автобиографическое интервью. «Миссия университета»: статья А.Ю. Согомонова «Ответственность университета: постановка проблемы». Считая 25-й выпуск журнала юбилейным, редакция представила в приложении обзор тематических направлений предыдущих выпусков.

Этика образования. Ведомости. Вып. 26 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2005. – 268 с.

Выпуск Ведомостей открывается юбилейными «Тезисами» НИИ ПЭ университету. Подводя итог десятилетнего исследования процесса становления этоса университета, НИИ ПЭ инициирует новый проект, проблематизируя его постановкой вопросов: действительно ли после переписывания вывески («индустриальный институт» – «нефтегазовый университет») состоялась *смена имени?* соответствует ли новое имя идее, духу, миссии университета? удержит ли университет эту идею в обстоятельствах реформирования образования? Выпуск структурирован традиционными для нашего журнала рубриками. «Теоретический поиск»: глава о моральном феномене из готовящейся к изданию монографии В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова «Прикладная этика»; статьи Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова и А.Ю. Согомонова об этике образования. «Публицистика»: педагогическая проповедь Симона Соловейчика и стенограмма «круглого стола», проведенного И.М. Клямкиным. «Жизнь в профессии»: новое автобиографическое интервью. «Миссия университета»: аванпроект социологического исследования этоса университета; фрагменты стенограммы очередного ректорского семинара. В этом выпуске возобновлена рубрика «Словарь прикладной этики».

Самоопределение университета: нормативные модели и отечественные реалии. Ведомости. Вып. 27, специальный / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2005. – 268 с.

Специальный выпуск Ведомостей целиком посвящен проекту НИИ ПЭ «Новая ответственность университета: от использования шансов к их производству». Центральная тема собирающего названия проекта – самоопределение университета. Проект строится как система гуманитарных экспертиз ситуации самоопределения университета. Предполагается конструирование экспертной системы, рефлексирющей как современную идею университета в ее глобальном и локальном (региональном) измере-

нии, так и «анализ случая» под условным названием «10 лет спустя» (десять лет после переименования ТИИ в ТюмГНГУ). В основе экспертизы – сформулированная НИИ прикладной этики гипотеза о ценностных ориентирах самоопределения университета. Цель первого этапа проекта, некоторые результаты которого представлены в данном выпуске Ведомостей, – экспертиза-консультация гипотезы НИИ ПЭ силами внешних экспертов.

Свобода и/или справедливость. Ведомости. Вып. 28 / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2006. –294 с.

Выпуск Ведомостей открывается рубрикой «Теоретический поиск». Тема рубрики: «Свобода и/или справедливость». Авторы предлагают свое видение этой вечной темы, обращаясь к ее проблематизации в философской этике и в современном этико-прикладном знании. В возобновленной рубрике «Словарь прикладной этики» публикуется статья В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова «*Прикладная этика: что? – к чему? – каким образом? – зачем?*», более адекватная по своему формату не словарю, а монографии. Поэтому рубрике дан подзаголовок: «Материалы ко второму изданию, исправленному и дополненному». В ставшей за последние годы обязательной рубрике «Миссия университета: гуманитарное консультирование стратегии развития» публикуются размышления Н.Н. Карнаухова над новыми тезисами НИИ ПЭ университету и первая часть доклада НИИ ПЭ «Десять лет спустя: новая ситуация самоопределения университета».

Этический консилиум. Ведомости. Вып. 29 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2006. – 264 с.

Выпуск Ведомостей открывается рубрикой «Теоретический поиск», целиком посвященной новому проекту НИИ ПЭ «*“Двадцать лет спустя”*: экспертиза-консилиум моральной ситуации в российском обществе». В основе проекта гипотеза о том, что современная ситуация в нашем обществе – новое перепутье, ситуация выбора обществом ценностных ориентиров своего развития. И, тем самым, новый вызов развивающейся прикладной этике. В журнале представлена первая часть проекта. В открываемой с этого выпуска рубрике «Технология гуманитарных экспертиз» – материалы экспертизы этоса отечественного журналистского сообщества. В традиционной рубрике «Миссия университета» публикуется вторая часть аналитического обзора материалов проведенного НИИ прикладной этики экспертного опроса «*“Десять лет спустя”*: новая ситуация самоопределения университета».

Миссия университета. Ведомости. Вып. 30 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2007. – 276 с.

Рубрика «Теоретический поиск» целиком посвящена второй части нового проекта НИИ ПЭ «*“Двадцать лет спустя”*: экспертиза-консилиум моральной ситуации в российском обществе». В основе проекта гипотеза о том, что современная ситуация в нашем обществе – новое перепутье, ситуация выбора обществом ценностных ориентиров своего развития. И, тем самым, новый вызов развивающейся прикладной этике. В традиционной

рубрике о гуманитарном консультировании стратегии развития университета публикуются основанная на материалах фокус-группового исследования аналитическая работа об этосе университета и статья о проекте «Миссия университета», в которой акцентируется тема *пути* университета к определению своей миссии. В продолжающейся рубрике «Словарь прикладной этики», посвященной материалам ко второму – исправленному и дополненному – изданию, представлена статья о нормативно-ценностной системе журналистики.

Жизнь в профессии: «истории успеха» университетских интеллектуалов. Ведомости. Вып. 31, специальный / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова / Сост. М.В. Богданова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2007. – 272 с.

Специальный выпуск Ведомостей посвящен автобиографиям университетских интеллектуалов, представленным в жанре «историй успеха» с акцентированной *рефлексией этического* смысла таких историй. Поэтому столь важное место в интервью на тему *жизни в профессии* занимают суждения успешных профессионалов о ситуациях выбора и ключевых решениях на жизненном и профессиональном пути, об отношении к дилемме служения в профессии, о писаных и неписанных «правилах игры». Не менее значима открываемая проектом возможность понимания связи между разворачиванием, проектированием индивидуальных биографий и биографией институции – университета в ситуации самоопределения.

Прикладная этика: «КПД практичности». Ведомости. Вып. 32, специальный / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. – Тюмень: НИИ ПЭ, 2008. – 266 с.

Заметная активизация дискурса по проблемам прикладной этики ставит задачу замены уходящих в прошлое дискуссий о *праве* прикладной этики *на существование* новой «повесткой дня». Прежде всего в нее необходимо включить сравнительный анализ *практического потенциала* развиваемых сегодня направлений прикладной этики. Тридцать второй, специальный выпуск. «Ведомости» посвящен моделям практичности различных парадигм этико-прикладного знания. Характеристика их оснований дает возможность *взвешивания* «КПД практичности» ситуационного анализа, этической экспертизы, социологии этоса, гуманитарных технологий профессиональной деятельности, технологии КСО, проектно-ориентированного знания, «квалификационных требований» к специалисту по прикладной этике и т.д. Актуализированы рефлексия самого феномена практичности этики («прикладная этика – разве она сама не является практикой?») и социальной ответственности этико-прикладных исследований.

Новое самоопределение университета. Ведомости. Вып. 33 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2008. – 272 с.

Очередной выпуск журнала «Ведомости» собран вокруг темы «Новое самоопределение университета». Это название – не только метафора, об этом говорят два открывающих выпуск документа: текст «Миссия-Кредо ТюмГНГУ» и решение ученого совета, посвященное принятию этого текста и планированию дальнейших шагов университета по реализации «Миссии-Кредо». Прежде всего – через концептуальное обоснование и гуманитарное проектирование этического кодекса, а также через исследование профессиональных этик базовых профессий научно-образовательной деятельности ТюмГНГУ и профессионально-этических ориентиров профилирующих специальностей выпускников университета. На исследовательское и проектное обеспечение этих планов «работают» все другие публикации: бесспорно – статья об этике университетского профессора и даже публицистический текст И.М. Клямкина.

Этический кодекс университета. Ведомости. Вып. 34 / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2009. –264 с.

Очередной выпуск журнала «Ведомости» собран вокруг темы «Этический кодекс университета». В соответствии с традицией НИИ ПЭ представленные концептуальные основания и модельные параметры проектирования этического кодекса были предложены на *экспертизу* специалистам в этике, социологии, менеджменте и т.д. Среди предметов экспертизы – анализ мотивов и прогнозирование вероятных последствий создания и внедрения кодекса. Ряд экспертов соотносили концептуальную модель со своим опытом проектирования этических документов.

Парадигмы прикладной этики. Ведомости. Вып. 35, специальный / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2009. – 252 с.

В специальном выпуске журнала представлены материалы исполняемого в технологии экспертного опроса проекта «Парадигмы прикладной этики: экспертиза ситуации в этико-прикладном знании и приглашение к рефлексивному самоопределению». Тематические направления самоопределения: инерционный и инновационный сценарии развития прикладной этики; ее базовые парадигмы; самоидентификация с парадигмами; практикуемые ноу-хау. Участники проекта – эксперты, так или иначе вовлеченные в этико-прикладную проблематику: исследователи-этики; преподаватели различных сфер прикладной этики; теоретики и практики профессий и надпрофессиональных видов деятельности, продуцирующих проблемы прикладной этики. В соответствии с форматом публикации экспертных текстов их заголовки даны редакторами.

Практичность морали, действенность кодекса. Ведомости. Вып. 36 / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2010. – 280 с.

К 15-летию НИИ ПЭ журнал обновил свою структуру, открывая выпуск рубрикой «Парадигмы прикладной этики». Центральная тема выпуска –

рефлексия связи двух проблем: практичности морали и действенности кодекса. Стремление понять специфику критерия практичности морали – условие адекватности оценки эффективности кодекса. Традиционная рубрика «Миссия университета: гуманитарное консультирование стратегии развития» представляет социологическую составляющую работы НИИ ПЭ по формированию дискурса о Кодексе; его итоговый текст; прогнозы экспертов о работоспособности Кодекса и их рекомендации. Еще одна новая рубрика – «Кафедра прикладной этики» – инициирована в связи с обсуждаемой в ТюмГНГУ перспективой создания кафедры прикладной этики, а также с насущной необходимостью соединения инновационного сценария развития этико-прикладного знания с соответствующими инновациями в этико-прикладном образовании.

Модернизация. Университет. Прикладная этика. Ведомости. Вып. 37 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2010. – 272 с.

Выпуск журнала НИИ ПЭ тематически сочетает в себе исследование этических проблем модернизации в локальном масштабе университета и в масштабе страны. В первом разделе представлен старт проекта «Этика и модернизация»: постановка проблемы; типологизация философско-этических оснований двух стратегий модернизации; критика «повестки дня» этического дискурса о модернизации и т.д. В статьях А.А.Гусейнова и Р.Г.Апресяна продолжена поднятая в 36-ом выпуске тема «Практичность морали, действенность кодекса». В разделе «Миссия университета» представлены аналитический обзор цикла ректорских семинаров 2010 года, посвященных гуманитарной экспертизе стратегии развития ТюмГНГУ, и опыт мастер-класса, посвященного проектированию профессионально-этического кодекса университета в инновационной парадигме прикладной этики. В разделе «Кафедра прикладной этики» – размышления преподавателей отечественных университетов на предложенную редакторами тему «Если бы кафедре прикладной этики создавал я...».

Прикладная этика для магистрантов и профессоров. Ведомости. Вып. 38 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2011. – 260 с.

Выпуск журнала НИИ ПЭ представляет проект «Этика модернизации», обращенный к задачам общеобщественного масштаба и к этическим аспектам задачи модернизации университета. Одновременно в двух разделах – «Теоретический поиск» и «Миссия университета» – представлен проект «Инфраструктура прикладной этики: этические комитеты и комиссии». В разделе «Миссия университета» публикуется аналитический обзор ректорского семинара «Этически полноценный профессионализм: индивидуальный долг или институциональная поддержка?». Раздел «Кафедра прикладной этики» состоит из статей, рассказывающих об идеологии, методологии и технологии разработки и чтения университетских курсов прикладных этик в личном опыте авторов. Особое внимание обращено к про-

екту, собирающему все рубрики журнала, – учебному пособию для магистрантов и профессоров «Прикладная этика: введение в инновационный курс», подготавливаемому НИИ ПЭ.

Этика профессора: «вне-алиби-бытие». Ведомости. Вып. 39 / Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2011. – 280 с.

Выпуск журнала НИИ ПЭ представляет проект «Этика профессора в отсутствии алиби», обращенный проблематизирующий (не)возможность оправдания моральной практики, *низких нравов высокой* по природе своей *профессии* профессора «объективными обстоятельствами». В разделе «Теоретический поиск» обсуждаются предпосылки концептуализации этики профессора. Сверхзадача обсуждения – подход к теме «Этика профессора: чем нельзя поступиться ни при каких обстоятельствах». В разделе «Миссия университета» публикуется аналитический обзор ректорского семинара, тема которого: «Как возможен этически полноценный профессионализм без взаимного доверия администраторов и профессоров?». Основное содержание раздела «Кафедра прикладной этики» посвящено экспертизе концепции инновационного курса «Прикладная этика: инновационный курс для магистр(ан)тов и профессоров».

Выпуски 2012 – 2022 гг.

Прикладная этика как фронестика морального выбора. Ведомости. Вып. 40 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2012. – 277 с.

Выпуск журнала НИИ ПЭ организован вокруг темы «Прикладная этика как фронестика морального выбора». Эта тема характеризует особенность инновационной парадигмы прикладной этики и подчеркивает юбилейный характер выпуска, совпадающего с 70-летием В.И. Бакштановского. В разделе «Теоретический поиск» представлены: во-первых, тексты, в которых предпринимается экспертиза идеи-формулы «Моральный выбор – *modus vivendi* прикладной этики»; во-вторых, материалы продолжающегося проекта «Этика профессора: вне-алиби-бытие». В разделе «Миссия университета» публикуется анализ опыта первого из нового цикла ректорских семинаров, сосредоточенного на теме «Этика профессора: вне-алиби-бытие». В разделе «Жизнь в профессии» публикуется беседа А.Ю. Согомонова с В.И. Бакштановским. Ключевая проблематизация: «Прикладная этика: на пути от авторского проекта к институциональному знанию?».

Прикладная этика: экспертный потенциал. Ведомости прикладной этики. Вып. 41 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2012. – 276 с.

Выпуск журнала НИИ ПЭ организован вокруг темы «Прикладная этика: экспертный потенциал», раскрывающей одну из важных функций связи прикладной этики с практикой. В разделе «Теоретический поиск» пред-

ставлены тексты, в которых обсуждается тезис об этической экспертизе как наиболее бесспорном *практическом потенциале* философской этики и проектно-ориентированного этического знания. Это обсуждение стимулирует обновление актуальной повестки дня. Здесь же публикуются материалы продолжающегося проекта «Миссия профессора: вне-алиби-бытие». В разделе «Миссия университета» публикуется анализ опыта нового ректорского семинара, сосредоточенного на теме «Этика профессора: честь и честность». В разделе «Кафедра прикладной этики» – вторая часть статьи о теоретико-методологических проблемах преподавания прикладной этики на *нефилософских* специальностях и материалы, содержащие опыт разработки различных курсов прикладных этик.

Этика инженера: через понимание к воспитанию. Ведомости прикладной этики. Вып. 42 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2013. – 260 с.

Выпуск журнала организован вокруг темы «Этика инженера: через понимание к воспитанию». Этика инженера как направление прикладной этики может и должна рассматриваться в качестве исследовательского направления; предмета регулятивной деятельности инженеров через этическое кодифицирование; учебной дисциплины; одного из ориентиров воспитательной практики. В разделе «Теоретический поиск» представлены тексты, в которых обсуждаются социокультурная динамика этики инженера; конфликт позиций в этике инженера, ориентирующихся либо на профессиональную, либо на корпоративную этику; проблема социальной ответственности инженера как современный тренд в инженерной этике; взаимодействие морали инженерной деятельности и соответствующей отрасли этико-прикладного знания и т.д. Во вновь открытой «Рубрике академика А.А. Гусейнова» автор представил тему «Еще раз о философской этике». В традиционном разделе «Миссия университета» публикуется анализ опыта очередного ректорского семинара, сосредоточенного на теме «Профессор как воспитатель». В продолжающемся разделе «Из истории инновационной парадигмы» публикуется текст, посвященный этико-прикладному проекту эпохи Перестройки «Самотлорский практикум».

«Что такое хорошо и что такое плохо?» в прикладных моралях. Ведомости прикладной этики. Вып. 43 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2013. – 268 с.

Выпуск журнала организован вокруг темы «"Что такое хорошо..." в прикладных моралях». Раздел «Теоретический поиск» посвящен теоретико-методологическому развитию важной темы этико-прикладного знания: природе «малых» нормативно-ценностных систем – *профессиональных и экстрапрофессиональных*, процессу конкретизации морали в ситуации ее приложения к «малым» этикам. В разделе «Миссия университета» представлены статья о феномене маркетизации университета и аналитический обзор ректорского семинара на тему «"Что такое хорошо и что такое плохо?" в деле Профессора». В разделе «Кафедра прикладной этики» публи-

куется статья об актуализации повестки дня инновационной парадигмы прикладной этики и для ее инновационного курса.

«Что такое хорошо и что такое плохо?» в инженерном деле. Ведомости прикладной этики. Вып. 44 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2014. – 268 с.

Выпуск журнала организован вокруг темы «“Что такое хорошо и что такое плохо?” в инженерном деле». Эта тема конкретизируется обращением к проблемам динамики предмета профессиональной ответственности инженеров. Раздел «Теоретический поиск» сконцентрирован на проблеме мировоззренческого напряжения профессии инженера в современном мире. Многообразие аспектов этики инженера представлено в разделах «Миссия университета» и «Кафедра прикладной этики». Возобновлена рубрика «Жизнь в профессии». В рубрике «Из истории инновационной парадигмы» публикуются избранные материалы экспертного опроса «Самолтдорский практикум-2» (г. Ханты-Мансийск, 1988 г.).

Миссия прикладной этики: актуальные вызовы. Ведомости прикладной этики. Вып. 45 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2014. – 251 с.

Выпуск журнала посвящен юбилею НИИ ПЭ и журнала «Ведомости прикладной этики». Он сосредоточен на магистральной повестке дня, которую НИИ ПЭ разрабатывал в течение двадцати лет. В разделе «Теоретический поиск» собраны статьи вокруг темы «Прикладная этика в динамичном мире». Персональная рубрика А.А. Гусейнова – «О тюменской школе прикладной этики». Различные грани прикладной этики в ее социокультурной динамике рассматриваются и в традиционных разделах журнала «Миссия университета», «Ойкумена прикладной этики», «Кафедра прикладной этики». Продолжен раздел «Жизнь в профессии».

Университет – центр формирования и воспроизводства этики профессии. Ведомости прикладной этики. Вып. 46 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2015. -263 с.

Выпуск журнала посвящен юбилею НИИ ПЭ и журнала «Ведомости прикладной этики». Он сосредоточен на магистральной повестке дня, которую НИИ ПЭ разрабатывал в течение двадцати лет. Статьи раздела «Теоретический поиск» собраны вокруг темы «Этика профессии и миссия университета». Персональная рубрика А.А. Гусейнова посвящена теме «Добродетель и добротность». Различные грани прикладной этики (этика инженера, этика педагога и т.п.) рассматриваются и в традиционных разделах журнала «Миссия университета», «Кафедра прикладной этики». Раздел «Из истории инновационной парадигмы» посвящен характеристике истоков концептуальной автономии инновационной парадигмы прикладной этики.

Университетская этика: актуальная повестка дня. Ведомости прикладной этики. Вып. 47 / Под ред. В.И. Бакштановского, О.А. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2015. – 260 с.

Собирающая тема выпуска «Ведомостей прикладной этики» – «Университетская этика: актуальная повестка дня». Статьи раздела «Теоретический поиск» посвящены темам «Этика университетского администратора» и «Этика инженерного дела». В персональной рубрике А.А. Гусейнова опубликована статья «Мораль и экономика: линии взаимодействия». Различные грани прикладной этики (этика педагога, этика журналиста и т.п.) рассматриваются и в традиционных разделах журнала «Ойкумена прикладной этики», «Кафедра прикладной этики».

Возвращение этики успеха? Ведомости прикладной этики. Вып. 48 / Под ред. В.И. Бакштановского, О.А. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2016. – 246 с.

Выпуск «Ведомостей прикладной этики» собран вокруг проекта «Возвращение этики успеха?». Знак вопроса в названии темы – проблематизация необходимости и возможности актуализировать тему «этика успеха» в современных обстоятельствах жизни нашего общества. Проект предполагает приложение-конкретизацию концепции этики успеха к определенному полю исследований – университетской этике, вбирающей в себя ценности профессии-корпорации и корпорации-организации: этике профессора, этике университетского администратора, этике инженера, этике воспитания.

«Успешный профессор» vs «Честный профессор»? Ведомости прикладной этики. Вып. 49 / Под ред. В.И. Бакштановского, О.А. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2016. – 230 с.

Выпуск «Ведомостей прикладной этики» собран вокруг темы «“Успешный профессор” vs “Честный профессор”?», продолжающей тему предшествующего выпуска конкретизацией этики успеха применительно к этике профессора. Проблематизация ценности успеха в университетской практике связана с конфликтом ориентации на успех и честности перед профессией. Прежде всего – перед Знанием. Работа с гипотезой о введении парадигмы успеха в профессиональную этику Профессора предполагает в дальнейшем обсуждение вопросов метафизического плана. Претендуя на роль драйвера развития нормативно-ценностных систем разных профессий, этика успеха может стать драйвером развития общественной морали.

Прикладная этика в современной России: вчера, сегодня, завтра Ведомости прикладной этики. Вып. 50 / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: НИИ ПЭ, 2017. – 253 с.

Юбилейный выпуск «Ведомостей прикладной этики» собран вокруг темы «Прикладная этика в современной России: вчера, сегодня, завтра». Он посвящен размышлениям сложившегося вокруг журнала профессионального сообщества над основной темой журнала, определенной его названием. Сквозное направление этих размышлений – ретроспективное и пер-

спективное видение пути прикладной этики в отечественных условиях. Особое внимание авторы выпуска уделяют проблематизации практического эффекта от этико-прикладного знания.

Этика профессии как ценностный ориентир проектирования миссии университета. Ведомости прикладной этики. Вып. 51 / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: НИИ ПЭ, 2018. – 222 с.

Выпуск журнала сосредоточен на исследовании роли ценностей этики профессии в проектировании миссии трансформирующегося университета. Авторы рассматривают гипотезу об актуальности поддержания «метафизики университета» в условиях все более доминирующей «прагматики» – придания университету, прежде всего опорному, функции «фабрики профессиональных компетенций для экономики». В качестве одного из базовых элементов Миссии опорного университета, *превосходящей* функцию обслуживания актуальных потребностей региона в виде «кузницы кадров», обсуждается формирование среды, где рождаются новые смыслы и ценности профессиональной этики. Особое внимание уделяется вопросу о реалистичности опоры опорного университета на ценности профессиональной этики, формирующие его миссию.

Освоение ойкумены прикладной этики: эскалация амбиций или критика утопичности. Ведомости прикладной этики. Вып. 52 / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: НИИ ПЭ, 2018. – 182 с.

Выпуск журнала собран вокруг темы освоения Ойкумены прикладной этики. Тема проблематизирована вопрошанием об идее проекта такого освоения как Утопии и/или утопичности. О сопровождении этого проекта эскалацией амбиций, неизбежной самокритикой. О возможности рациональности в замысле и реализации проекта. Основное вопрошание: возможно ли не утратить амбиции прикладной этики как Утопии и одновременно профилировать признаки моральной *утопичности* в ее современных проектах? Достаточно ли объяснять очевидные и неочевидные признаки этой утопичности (пост)модернизационными особенностями современного мира? Возможно, уместнее проблематизировать реалистичность потенциала ценностей и норм современной морали?

Прикладная этика в ситуации экспертизы идеологии и практики трансформирования университета. Ведомости прикладной этики. Вып. 53 / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: НИИ ПЭ, 2019. – 186 с.

Основная конкретизация темы выпуска актуализирует экспертный потенциал прикладной этики применительно к ситуации, в которую и профессионально и экзистенциально вовлечены практически все профессора отечественных университетов. Конкретную этическую проблему в ситуации трансформирования университета образует не столько возникновение новых университетских форм, порождаемых глобализационными процессами, сколько жестко организованное «внедрение» ценностей, за которым

опознается тенденция вытеснения классической миссии университетского профессорства, которая сегодня теряет свой пафос, энергетику и статус. Различные грани прикладной этики рассматриваются в традиционных рубриках журнала «Ойкумена прикладной этики», «Миссия университета», «Из истории инновационной парадигмы».

Этическое консультирование: скромная, но реалистичная амбиция прикладной этики. Ведомости прикладной этики. Вып. 54 / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: НИИ ПЭ ТИУ, 2019. – 208 с.

Обращение к теме этического консультирования определило рефлексию авторами выпуска идеи выделения консультативной функции в качестве более адекватной технологии приложения этико-прикладного знания к моральной практике трансформируемого современного общества. Рефлексию, сосредоточенную на вопросах: Есть ли в современной ситуации запрос на этическое консультирование? Каков характер ситуаций, нуждающихся в этическом консультировании? Кто «заказчик» на этическое консультирование? Как изменился предмет этического консультирования? На какие концептуальные подходы может опереться этическое консультирование в изменяющейся моральной ситуации общества? Насколько приложимы имеющиеся этические теории к запросам на этическое консультирование? Различные грани прикладной этики рассматриваются в традиционных рубриках журнала «Ойкумена прикладной этики», «Миссия университета», «Из истории инновационной парадигмы», «Жизнь в профессии».

Кризис этики профессора в трансформируемом университете. Ведомости прикладной этики. Вып. 55 / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: НИИ ПЭ ТИУ, 2020. – 184 с.

Глубинные трансформации в жизни отечественных университетов делают все более актуальной этическую рефлексию ситуации профессорства. Обращение к теме *кризиса* этики профессора обусловлено усиливающимися в университетах рисками неисполнения профессором своей миссии (прежде всего связанной с производством научного знания, его воспроизводством и применением). В чем кризис? Как удержать этику профессора в ситуации трансформирования университета? Какие из ценностей этики профессора необходимо поддерживать прежде всего в ситуации кризиса? Каковы возможности консультативного потенциала этико-прикладного знания? Различные грани прикладной этики рассматриваются в традиционных рубриках журнала «Миссия университета», «Ойкумена прикладной этики», «Из истории инновационной парадигмы прикладной этики».

Профессор в трансформируемом университете: «вне-алиби-бытие». Ведомости прикладной этики. Вып. 56 / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: НИИ ПЭ ТИУ, 2020. – 176 с.

Справедливо ли возлагать на профессоров ответственность за удержание идентичности университета в ситуации его трансформирования? Обладает ли сегодня университет хотя бы минимумом свободы для самоопреде-

ления? И следует ли ожидать от университетского профессора усилий для поддержания субъектности университета, которой сам профессор во многом лишен? Обращение к теме «вне-алиби-бытие» профессора проблематизирует (не)включенность ценностей этики профессора в спектр ориентиров трансформируемого университета. Этическая рефлексия потенциала субъектности профессора в этом выпуске журнала очевидно выходит за границы осмысления ситуации как тупиковой. Развернутое авторами обсуждение содержит ряд конструктивных подходов в этом направлении. Различные грани прикладной этики рассматриваются в традиционных рубриках журнала: «Миссия университета», «Кафедра прикладной этики»; «Из истории инновационной парадигмы прикладной этики».

Цифровизация образования и университетская этика: две вещи совместны ли? Ведомости прикладной этики. Вып. 57 / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: НИИ ПЭ ТИУ, 2021. – 186 с.

Тема выпуска проблематизирует экспертный потенциал прикладной этики применительно к новой ситуации университета – вынужденному переходу университетов в 2020 г. в новую цифровую реальность, изменяющую способы и подходы к образовательной деятельности. Ситуации, в которой с особой остротой актуализировались вопросы о том, как влияет на человека тип взаимодействия, изменяемый цифровизацией образования; какие возникают в связи с этим глубинные нравственные конфликты; какими видятся этико-прикладные смыслы новой сферы взаимодействия университетов? Эти и иные вопросы стали предметом этической рефлексии авторов журнала. Основная же этическая проблема, рассматриваемая в этом выпуске, – как цифровизация образования проблематизирует этику университета и как университетская этика проблематизирует цифровизацию образования.

Университетская этика: моральные проблемы цифровизации образования. Ведомости прикладной этики. Вып. 58 / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: НИИ ПЭ ТИУ, 2021. – 148 с.

Ускоренная цифровизация образования обострила ряд проблем-вызовов этического характера. Вопрос о сохранении смысла и ценностей университетского образования является основополагающим. Авторы выпуска избрали предметом гуманитарной рефлексии этические аспекты трансформации профессиональной этики университетского преподавателя; вопросы специфичности проблем цифровизации образования; особенности функционирования нравственных правил при электронной коммуникации; усиливающуюся тенденцию отчуждения сотрудников и студентов от педагогического процесса; новые моральные коллизии в связи с передачей искусственному интеллекту функций распространения и контроля в процессе обмена знаниями. В «Рубрике академика А.А. Гусейнова» рассматривается феномен «новой этики», обозначающий, как полагает автор, радикальный переворот в этике.

Востребованность имени *Университет*: непреложный потенциал институционального успеха. Ведомости прикладной этики. Вып. 59 / Под ред. В.И.Бакштановского. Тюмень: НИИ ПЭ ТИУ, 2022.-194 с.

В какой мере задачи, решаемые сегодня университетами, являются собственно университетскими? Возможно, имя «Университет» уже не определяет ценностную направленность трансформируемых университетов? Тема выпуска обращена к вопросам субъектности университетов в изменяющемся контексте, соответствия наименования «Университет» практикуемым ценностным ориентирам стратегий их деятельности. Обсуждая проблемы трансформирования институциональной идентичности, авторы выпуска рассматривают университет как «моральный мир», генератор образа будущего, его ценностные ориентиры и вызовы, этос свобод ученого. В текстах, содержащих гуманитарную рефлексию Тезисов, адресованных НИИ ПЭ Тюменскому индустриальному университету как своеобразной формы этического консультирования его ситуации, обсуждаются признаки университетского статуса, амбиций университета, направлений этического консультирования трансформационных процессов в сфере высшего образования.

SUMMARY

Section: THEORETICAL SEARCH

Sychev, Andrey A. Applied ethics in the risk society10

The article considers various options for the ethical regulation of problems associated with risks. The features of the risks specific for traditional and industrial societies and the basic options for responding to these risks are described on the example of the ethics of survival and the ethics of success. In a post-industrial society, individual actions can lead to extremely negative consequences for all of humanity. Under these conditions, it is necessary to develop new options for a regulatory response to risks that are characterized by globality and a high degree of uncertainty. The search for and substantiation of such options is the task of contemporary ethics. The approaches to risks proposed in the main ethical programs (ethics of virtue, utilitarianism, deontology) are analyzed. It is shown that they were commensurate with the risks of a traditional and industrial society, but in the conditions of "great risks" they face serious problems. To resolve them, a new ethical theory is needed, which is being actively formed in the field of applied ethics as a combination of various paradigms. Among them, two extreme positions are occupied by images of ethics, which reduce the solution of risk issues either to the specifics of the ethical infrastructure of the organization, or to an act of free choice of the individual. However, neither the ethics of personal choice nor organizational ethics are able to deal effectively with the risks of modern society. Innovative applied ethics requires mechanisms to overcome both personal voluntarism and alienation of the individual from moral choice. The peculiarities of such ethics seem to be the principle of risk minimization in the spirit of prioritarianism and the introduction of "phronestic technologies", where, on the one hand, theoretical norms are discussed and specified in relation to local features, and on the other hand, in the course of the practical implementation of these technologies, contours of the new theory of applied ethics are outlined. Contemporary trends in the development of applied ethics show that the innovative paradigm developed by the Tyumen ethical school has a high potential for shaping normative solutions to overcome the "great risks" of our time.

Keywords: applied ethics, risk, risk society, globality, uncertainty, survival, success, responsibility, the Other, phronesis.

**Sogomonov, Alexander Yu. On the way to enlightenment
(practical ethics substitutes classical moral philosophy)..... 26**

Postmodern conditions have changed scientific modality and social mission of practical ethics, overcoming its subordinate status into the independent scientific discipline. Its further development is less dependent on classical philosophy, contrary more stem from ideational dynamics of the civilization itself. New enlightenment, thus, spreads overbased on practical ethics resolutions, rather than principles of social philosophy. The main challenge that practical ethics puts before higher education is how to include it into university cycles and programs. We do not have clear answers to these questions, but there is no way out from this new Enlightenment apart renewed practical ethics.

Key words: practical ethics, applied ethics, philosophical ethics, new enlightenment.

**Prokofiev, Andrey V. Professional Ethics Education:
Theoretical Context and Personal Experience 42**

The paper deals with the theoretical context of professional ethics education. The first part of the paper is focused on the interrelation of theoretical cognition and normatively oriented practice in the sphere of professional ethics. Though the concept 'professional ethics' means two different things: the branch of ethical theory and the special area of moral regulation (values, norms and psychological, communicative and institutional mechanisms of their fulfillment), it is not the reason to reform the usage. This terminological unity merely underlines the essential unity of minor normative systems of morality (including professional ones) and their theoretical reflection that is always critical and aimed at proposing and facilitating improvements. The second part of the paper clarifies the generic term for professional ethics – 'applied ethics'. The latter is a result of the transformative adjustment of general moral values and norms to a wide range of specific social practices. This adjustment cannot be provided within the scope of theoretical discourse as an inference from normative first premises and the bulk of sociological knowledge. General moral values and norms are transformed into minor normative systems of morality through complicated communicative processes involving participants of a particular practice and its stakeholders. At the same time, the above mentioned theoretical discourse of adjustment is not futile. It helps to establish frameworks for the communication of participants and stakeholders and organize a critical assessment of the minor normative system's content. So the role of an applied ethicist is to set or at least to check the frameworks and to consult those who institutionalize their minor normative system or improve its institutions. The particularity of professional ethics as a minor normative system consists in being related to a

special method of organizing work called 'professionalism'. The professional work requires a high level of independence (individual autonomy) of workers. Possible negative consequences of this lack of external social control are blocked by autonomous professional communities or associations creating an ethos of a particular profession, supporting the value of professional reputation and developing a sense of professional duty among their members. That is why professional ethics education is so important. It plays a substantial role in transforming a student into a full-fledged member of a professional community. University courses in professional ethics have a goal to demonstrate to students that ethical behavior is an integral part of professional competence. The paper ends with a short analysis of the author's experience of teaching professional ethics to two different groups of professionals – school teachers and consulting psychologists.

Keywords: morality, ethics, applied ethics, professional ethics, professionalism, professional ethics education, Russian universities

Skvortsov, Alexey A. Applied Ethics: prospects for designing educational programs 64

The article is devoted to the prospects for the development of educational programs in the direction of "Applied ethics". As a research field, applied ethics has managed to gain a foothold among the humanities, but its mass teaching in higher education according to the original educational standards hasn't yet begun. This failure is associated both with the endless reforms of higher education, which do not allow the development of innovative areas of training, and with the lack of clear, easily understandable for applicants, distinctive features of the direction itself. With the introduction of a new list of specialties, applied ethics will have the opportunity to develop as a full-fledged two-level fundamental education. The author shows that for its success, the program should move away from abstract theoretical models and be built around the discussion of the most acute moral conflicts of modernity. Its design should provide for the creation of discussion platforms for organizing a dialogue on value issues of all concerned parties. Hence, the skills of value argumentation, the ability to justify a moral position, the ability to predict ethical risks, the ability to see the consequences of ill-considered decisions for the moral state of society, etc. should become the main competencies of education in the field of applied ethics.

Keywords: ethics, applied ethics, education, educational programs, magistrature, values, responsibility.

Belyaeva, Elena V. Experience in teaching applied ethics in Belarusian State University 73

The article is devoted to the history of development and presentation of the experience of teaching applied ethics at the Belarusian State University. The content, organizational and methodological foundations of teaching various disciplines of this spectrum are revealed. The methodology of teaching applied ethics, the possibility of individual creative projects and distance learning, which makes it possible to individualize the educational process, are characterized. The results of teaching applied ethics at the previous stage of socio-historical development are summed up.

Keywords: applied ethics, teaching methods, distance learning, bio-ethics, business ethics

Tulchinskii, Grigori L. Digitalization of Communication and Applied Ethics: Value Regulation, Responsibility and Parrhesia 80

The digital communication format opens possibilities for the presentation of personal emotional and evaluative opinions and experiences. This raises the problem of balance between, on the one hand, the institution of freedom of speech and conscience, the technical possibilities of their expression, on the other hand, the need to ensure personal and institutional security, minimize reputational risks, and other costs. The digital communication creates deep divergence of semantic worldviews and the value regulations. At the same time, it creates their intersections and overlays. Thus, network communications give rise to conflicts of different semantic pictures of the world. There is a non-trivial problem of ethical expertise of this interaction and responsibility for its results. This is expressed in the need for a new understanding of responsibility - not only as a social institution, but also as a manifestation of subjectivity, as a source, means and result of social communication.

Keywords: complex humanitarian expertise, applied ethics, social communication, fakes, value-regulatory systems, digitalization

Perov Vadim Y., Golovkov Vladislav V. Applied Ethics: «Digital» Rethinking 91

Applied ethics arose in the twentieth century against the backdrop of various factors, but the main one was scientific and technological progress and its product - technologies. Past discussions have focused on the rationale for the discipline and its paradigms. At present, such questions are secondary, however, a historical retrospective allows us to more accurately assess the state of current ethical and applied problems. The analysis carried out leads to the conclusion that at the moment the most influential factors of ethical importance are digital technologies.

They, due to their prevalence, change both society in general and applied ethics in particular. Digital technologies force us to reconsider such ethical concepts as: a) a moral agent, which does not even have to be alive; b) responsibility, which ceases to be thought of as exclusively causality and guilt of the subject of the action; c) trust, which becomes one of the main factors of moral legitimacy; d) the ideals of dignity and autonomy of the individual in the context of the use of personal data as a tool for technological progress. A logical outcome of the development of applied ethics from this point of view is the emergence of a new type of professionals, combining both ethical and applied knowledge and specialized competencies in the field of technologies. For the emergence of such specialists, it is extremely important to establish and develop a widespread ethical education.

Keywords: applied ethics, digital technologies, moral agent, responsibility, trust, privacy, personal data, professional ethics.

Kazakov, Yuri. V. «Not quite a letter, not quite to the village, not quite to grandfather»: to Vladimir Iosifovich Bakshtanovsky – not a jubilee message 103

The article discusses the contribution of V.I.Bakshtanovsky and Yu.V.Sogomonov to the professional ethics of a journalist. They were the first to start systematic work on forming journalists' ideas about the essence, meaning, motives and difficulties of professional and moral choice. The way of creation of ethical documents of media self-regulation by the Public Collegium for Complaints against the Press is analyzed.

Keywords: moral choice; professional ethics of a journalist; media ethical standard

COLUMN OF ACADEMICIAN A.A.GUSEYNOV

Guseynov, Abdusalam A. Bakshtanovsky as my the Other126

The proposed notes are dedicated to the 80-th anniversary of Professor V.I. Bakshtanovsky. In them, the author considers the general direction of Bakshtanovsky's work and his attitude towards him, taking the concept of the Other as a guide. A hypothesis is put forward, according to which the ethical analysis of such a concept is possible only in the context of the philosophical doctrine of the act, developed by M.M. Bakhtin.

Keywords: V.I. Bakshtanovsky, applied ethics, the Other, deed.

Section UNIVERSITY MISSION

Bogdanova Marina V. University ethics, research protocol, university integration133

The article considers the potential of the professor's professional and moral guidelines as a value basis for integrating the university. The author analyzes the concept of university ethics developed by V.I. Baksh-tanovsky. The elements of the concept are project-oriented research activities and its practical application using ethical-applied technologies. The concept combines the study of professional and moral guidelines of professorial ethics in the changing value context of the university, the institutionalization of such guidelines in the code of ethics, the humanitarian reflection of the conflict in the understanding of the mission of the university by its subjects, ethical counseling on the possibilities of harmonizing value guidelines. This combination reveals the potential of the concept of university ethics in solving the problems of integrating the university as a whole, and in the installation of the research protocol as well.

Keywords: university ethics, professional and moral self-determination, integration, scientist's ethos, corporatism, research protocol.

**Issues of the magazine «Semestrial papers of Applied Ethics»:
1995-2022 144**

Авторы выпуска

Бакштановский Владимир Иосифович, д.ф.н., проф., директор НИИ ПЭ ТИУ; bakshtanovskijvi@tyuiu.ru

Беляева Елена Валериевна, д.ф.н., доцент, Белорусский государственный университет (БГУ); belyaeva.minsk@gmail.com

Богданова Марина Владимировна, д.с.н., главный научный сотрудник НИИ ПЭ ТИУ; bogdanovamv@tyuiu.ru

Головков Владислав Владимирович, бакалавр прикладной этики, магистрант Института философии Санкт-Петербургского государственного университета; golovkov.spb@mail.ru

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., проф., академик РАН, Институт философии РАН; guseinov@iph.ras.ru

Казак Юрий Венедиктович, к.с.н., Сопредседатель Общественной коллегии по жалобам на прессу, РФ; jukazakov@gmail.com

Перов Вадим Юрьевич, к.ф.н., доцент, зав. кафедрой этики, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет; vadimperov@gmail.com

Прокофьев Андрей Вячеславович, д.ф.н., проф., ведущий научный сотрудник сектора этики Института философии РАН; ведущий научный сотрудник НИИ ПЭ ТИУ; avprok2006@mail.ru

Скворцов Алексей Алексеевич, к.ф.н., доцент кафедры этики, Философский факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; lambis@mail.ru

Согомонов Александр Юрьевич, к.ист.н., ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, ведущий научный сотрудник НИИ ПЭ ТИУ; sogi@mail.ru

Сычев Андрей Анатольевич, д.ф.н., проф., профессор кафедры философии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, ведущий научный сотрудник НИИ ПЭ ТИУ; sychovaa@mail.ru

Тулчинский Григорий Львович, д.ф.н., проф., профессор Санкт-Петербургского государственного университета, кафедра междисциплинарного синтеза в области социальных и гуманитарных наук; профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург; заслуженный деятель науки РФ; gtul@mail.ru

List of authors

Bakhtanovsky, Vladimir Iosifovich D.Sc., Professor, Director of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); bakhtanovskijvi@tyuiu.ru

Belyaeva Elena Valerievna, PhD in Philosophy, Belarusian State University; belyaeva.minsk@gmail.com

Bogdanova, Marina Vladimirovna, D.Sc. in Sociology; associate professor, Leading Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); bogdanovamv@tyuiu.ru

Golovkov Vladislav Vladimirovich, Bachelor of Applied Ethics, Master's student at the Institute of Philosophy, St. Petersburg State University; golovkov.spb@mail.ru

Guseynov, Abdusalam Abdulkерimovich, D.Sc., Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, RAS Institute of Philosophy; Chief Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); guseynov@iph.ras.ru

Kazakov, Yury Venedictovich, Ph.D. in Sociology, Co-Chair of the Public Collegium for Press Complaints, Russia; jukazakov@gmail.com

Perov, Vadim Y. PhD, associate professor, Head of Department of Ethics, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University, vadimperov@gmail.com

Prokofiev, Andrey Vyacheslavovich, D.Sc., Leading Research Fellow, Department of Ethics, RAS Institute of Philosophy; Leading Researcher, IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); avprok2006@mail.ru

Skvortsov, Alexey Alexeyevich, PhD, associate professor, ethics chair, faculty of philosophy, Lomonosow Moscow State University; lam-bis@mail.ru

Sogomonov, Aleksander Yuriyevich, Ph.D. in Historical Sciences, senior researcher of the Institute of sociology, Russian Academy of science; leading Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute (AERI); sozi@mail.ru

Sychev, Andrey Anatolievich, D.Sc., Professor, Department of Philosophy at National Research Mordovia State University, leading Researcher of IUT Applied Ethics Research Institute; sychevaa@mail.ru

Tulchinskii, Grigorii Lvovich, Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburgian State University, department of interdisciplinary synthesis; National Research University «Higher School of Economics» – St. Petersburg; Hohored Scientist of Russia; gtul@mail.ru

О журнале

Цель журнала: дисциплинарное закрепление и развитие этико-прикладного знания, продвижение научных результатов в практику. *Задачи:* поддержание публичного пространства профессиональной рефлексии о природе прикладной этики, современных тенденциях ее развития; освоение инновационной парадигмы этико-прикладного знания. В журнале публикуются результаты теоретических и проектных исследований в многообразных отраслях прикладной этики, прежде всего – университетской (академической), инженерной, журналистской, этики воспитания. Обсуждаются отечественный и зарубежный опыт этико-прикладных инноваций, в том числе в развитии этических инфраструктур, в создании учебных пособий; актуальные проблемы университетского образования в сфере прикладной этики. Журнал ориентирован на научных работников, преподавателей, соискателей ученых степеней по прикладной этике, магистрантов, сотрудников этических инфраструктур организаций, предприятий и фирм.

Учредитель и издатель журнала: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский индустриальный университет».

Периодичность: 2 раза в год.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций под названием «Ведомости прикладной этики». Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52155 от 11 декабря 2012 г. Зарегистрирован Международным центром регистрации мировой периодики: ISSN 2413-0451 (Online), ISSN 2307-518X (Печатная версия).

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» 70872.

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Рукописи статей для публикации в журнале оформляются в соответствии с Правилами для авторов, разработанными редколлегией журнала. Журнал «Ведомости прикладной этики» рецензируемый (поступающие в журнал тексты статей рецензируются главным редактором журнала).

Адрес редакции: 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38;

тел. +7 (3452)28-30-54;

e-mail: bakshtanovskijvi@tyuiu.ru

Электронные версии журнала представлены на сайте ТИУ:
<<https://www.tyuiu.ru/nii-i-laboratorii/ethics/zhurnal-vedomosti/>>

Научный журнал
«Ведомости прикладной этики»
2022
№ 2 (60)

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ
В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Учредитель и издатель: Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Тюменский индустриальный университет»

Главный редактор: *В. И. Бакштановский*
Ответственный секретарь: *М. В. Богданова*

Редактор выпуска: *И. А. Иванова*
Оригинал-макет: *И. В. Бакштановская*
Обложка: *М. М. Гардубей*

В подготовке выпуска участвовала *С. П. Нохрина*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52155 от 11.12.2012

Дата выхода в свет 07.07.2022. Формат 70x100/8
Гарнитура Arial. Усл. печ. л. 21,8. Тираж 250 экз. Заказ № 2464

Цена свободная

Адрес редакции: НИИ прикладной этики, ТИУ
625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38.

Тел.: +7 (3452) 28-30-54. E-mail: bakshtanovskijvi@tyuiu.ru

Адрес издательства: Библиотечно-издательский комплекс
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Тюменский индустриальный университет»
625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38

Адрес типографии: Типография библиотечно-издательского
комплекса. 625039, г. Тюмень, ул. Киевская, 52.

Информацию о журнале «Ведомости прикладной этики» см.:
< <https://www.tyuiu.ru/nii-i-laboratorii/ethics/zhurnal-vedomosti/> >